к истории
г. Вологды

Д 55/175

ae

2007231748

29
1405
55/175
Д
Библиотека имени В. И. Ленина
9028/50-38

КЪ ИСТОРІИ Г. ВОЛОГДЫ.

О пребываніяхъ въ Вологдѣ царственныхъ особъ и другихъ замѣчательныхъ лицъ историческихъ.

Въ предлагаемой статьѣ совмѣщаемъ всѣ, доселѣ извѣстныя объ этомъ предметѣ свѣдѣнія, обѣщая впослѣдствіи дополнить ихъ новыми, если таковыя будутъ найдены. Сообщаемыя свѣдѣнія большею частію извлечены изъ русскихъ лѣтописей и разныхъ историческихъ сочиненій; нѣкоторыя найдены въ архивныхъ бумагахъ вологодской консисторіи.

Начнемъ извѣстіями о пребываніяхъ въ Вологдѣ царственныхъ особъ, какъ-то: нѣкоторыхъ Великихъ Князей, Царей и Императоровъ русскихъ, одного Царя и одного Царевича татарскихъ.

***

Вел. Князь Василій Васильевичъ Темный въ Вологдѣ. (*)

Тридцатисемилѣтнее правленіе этого князя ознаменовано рядомъ продолжительныхъ, кровавыхъ междоусобій и споровъ его за великокняжескій престолъ сперва съ роднымъ дядею Юріемъ Димитріевичемъ, а потомъ съ тремя племянниками, дѣтьми Юрія, Димитріемъ Краснымъ, Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякою. Во время этихъ междоусобій Вел. Князь, какъ извѣстно, обезславилъ себя безчеловѣчнымъ поступкомъ съ однимъ изъ племянниковъ—Василіемъ Косымъ, приказавъ ослѣ-

(*) Ранѣе Василія Темнаго былъ ли въ Вологдѣ кто-либо изъ державцевъ русскихъ, лѣтописи умалчиваютъ.

пить его, за что впослѣдствіи и самъ подвергся той же участи, бывъ лишенъ (въ 1446 г.) зрѣнія Димитріемъ Шемякою. Совершивъ это злодѣяніе, Шемяка овладѣлъ великокняжескимъ престоломъ и сослалъ Василія Темнаго въ Угличъ. На другой послѣ этого годъ, Шемяка, не довѣряя искренности Великаго Князя, обѣщавшаго не искать болѣе великокняжескаго престола, посѣтилъ Угличъ, принудилъ Василія клятвенно, съ крестнымъ цѣлованіемъ, подтвердить свое отреченіе отъ престола, назначилъ ему въ удѣлъ Вологду и туда послалъ его съ семействомъ. Это было въ половинѣ Сентября 1447 года(*). Василій, пробывъ въ Вологдѣ *нѣсколько дней*, отправился на богомолье въ Спасокаменный на Кубенскомъ, а оттуда въ Кириллобѣлоезерскій монастырь. Настоятель этого послѣдняго, игуменъ Трифонъ объявилъ Великому Князю, что клятва, данная имъ въ Угличѣ, не есть законная, какъ дѣйствіе неволи и страха, и, разрѣшивъ его отъ присяги, благословилъ снова домогаться престола великокняжескаго. По этому Василій Васильевичъ уже не возвращался въ Вологду, а отправился въ Тверь, и вскорѣ, побѣдивъ Шемяку, утвердился на Московскомъ княженіи.

Въ «Историч. и топографич. извѣстіяхъ о Вологдѣ, сочин. г. Засѣцкаго, приводятся о пребываніи Василія Темнаго въ Вологдѣ слѣдующія три выписки изъ разныхъ лѣтописей и—

Во 1-хъ «изъ лѣтописи Россійской:

«Лѣта 6955 (1447), князь Дмитрей Юрьевичъ Шемяка, собравъ епископы, игумены и старцы, и пріѣхалъ на Угличъ и укрѣпи Великаго Князя Василія Васильевича крестнымъ цѣлованіемъ, и выпусти его изъ пойманія и съ дѣтьми, и *дастъ ему Вологду* въ удѣлъ. И пріиде Князь Великій *на Вологду*.»

(*) Въ Ист. Гос. Росс. (т. V, стр. 190) сказано, что Василій Темный отправился съ семействомъ изъ Углича къ берегамъ Кубенскаго озера, т. е. въ Вологду 15 Сентября упомянутаго года.

D 55/175

Во 2-хъ «изъ иной лѣтописи:»

«Лѣта 6955, князь Димитрій Юрьевичъ Шемяка выпустилъ Великаго Князя Василія Васильевича и съ дѣтьми изъ неволи съ Углича, и далъ ему въ удѣлъ городъ Вологду. Пріиде же Великій Князь *на Вологду*, и *мало побывъ*, пойде въ Кириловъ монастырь Бѣлоезерскій; а во опомъ бывый тогда игуменъ Трифонъ благослови Великаго Князя и пророчествова ему градъ Москву паки въ княженіе пріяти, еже и бысть.»

Въ 3-хъ «изъ лѣтописи Каменнаго монастыря:»

«Лѣта 6955, князь Димитрій Юрьевичъ Шемяка измѣнилъ крестное цѣлованіе Великому Князю Василью Васильевичу и благовѣрной Княгинѣ Маріи и дѣтямъ ихъ: свелъ великаго Князя съ великаго княженія Московскаго и *далъ ему Вологду*. И великій Князь, *мало побывъ на Вологдѣ*, пойде на Каменное въ Спасской монастырь, на богомоліе свое, съ великою княгинею и съ дѣтьми. И пріиде вѣстію тогда первая радость ему, что идутъ къ нему служити многіе князи и бояра, хотяще его видѣти на великомъ княженіи московскомъ. И постави Князь Великій *чудотворную икону Спаса Еммануила*, принесенную къ дѣду его Великому Князю Димитрію Іоанновичу Донскому изъ Царяграда въ Каменномъ монастырѣ въ церковь и *другой образъ Богоматери Одигитріи*. И оттолѣ пойде въ Кирилловъ монастырь, да къ Бѣлу Озеру и во Тверь; а отселѣ дошедъ въ Москву, и сѣде на великомъ княженіи московскомъ. А князь Димитрій Юрьевичъ Шемяка побѣже въ Галичъ. А Князь Великій (?) Іоаннъ Васильевичъ *(сынъ и преемникъ Темнаго)*, да съ нимъ Царевичъ пошелъ на *Кокшенгу*, и градки ихъ взяша, а землю ихъ плѣниша, и возвратяся, литургію слушалъ у *Спаса на Каменномъ*; и обѣдавъ, пойде къ отцу своему въ Москву, и сказавъ о семъ, что на

Каменномъ былъ; бѣ же ему 15 лѣтъ» (*).

*
* *

Ген. Князь Іоаннъ III Васильевичъ Великій дважды въ Вологдѣ.

Въ первый разъ былъ въ ней семилѣтнимъ отрокомъ, во время вышеупомянутаго, невольнаго пребыванія въ ней своего родителя; въ другой разъ—во вторый годъ своего княженія, какъ значится объ этомъ въ слѣдующей выпискѣ «изъ лѣтописца Россійскаго:

«Лѣта 6971 (1463), Государь Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ всея Руссіи былъ на Вологдѣ» (**).

По какому случаю былъ, въ какомъ мѣсяцѣ упомянутаго года и долговременно ли было его пребываніе, неизвѣстно. Можетъ быть, онъ, при началѣ своего княженія, путешествовалъ въ то время для богомолья по вологодскимъ монастырямъ. Знаемъ еще, что въ Вологдѣ хранилась часть великокняжеской казны Іоанна, которую онъ въ духовномъ своемъ завѣщаніи, вмѣстѣ съ городомъ, отказалъ наслѣднику своего единодержавія, Василію(***).

(*) Въ этой выпискѣ, подъ однимъ годомъ записаны событія двухъ годовъ: потому что походъ юнаго сына Василіева Іоанна на Кокшеньгу (волость и рѣчка въ нынѣшнемъ Тотемскомъ вологодск. губ. уѣздѣ, смежномъ тогда съ Яренскимъ уѣздомъ) относится къ 1452 году (см. Ист. Гос. Росс. т. V, стр. 201).—Князю Іоанну Васильевичу было во время этого похода не 15, а 12 лѣтъ: онъ родился въ 1440 г. Января 22.—Упоминаемый въ выпискѣ «царевичъ,» ходившій съ Іоанномъ на Кокшеньгу, былъ казанскій царевичъ Ягупъ, бѣжавшій изъ Казани во время междоусобій (Ист. Гос. Росс. т. V, прим. 354 и 356).—Въ Исторіи Росс. Іер. (часть IV, стр. 334, 335), въ статьѣ о Спасокаменномъ монастырѣ сказано, что по прибытіи въ этотъ монастырь Василія Темнаго, игуменъ обители и братія, ободряя Великаго Князя, предсказали ему: «Пойди, Государь, въ желаемый путь твой на великое Княженіе, а Богъ исправитъ путь твой.»—

(**) Засѣцк. стран. 36.

(***) «Каждому изъ сыновей моихъ (говоритъ Іоаннъ въ своемъ дух. завѣщаніи) оставляю по нѣскольку ларцовъ съ казною, за ихъ и моею печатями, у Государственнаго Казначея, Печатника и Дьяковъ. Всѣ иныя сокровища, злато, яхонты, жемчугъ, драгоцѣнныя иконы, сосуды, деньги, золото и серебро, соболи, шелковыя ткани, одежды,—все, что находится въ *моей* казнѣ *постельной*, у Дворецкаго, Конюшаго, Ясельничихъ, Прикащиковъ въ Москвѣ, въ Твери, Новѣгородѣ, Бѣлѣозерѣ, *Вологдѣ* и вездѣ—то все сыну моему Василію.» Ист. Гос. Росс. т. VI, стран. 218.

Крымскій царевичъ Айдаръ въ Вологдѣ.

Основатель Крымскаго царства, ханъ Ази-Гирей (или Гаджи-Гирей) умеръ около 1467 года, оставивъ послѣ себя шесть сыновей: *Нордоулата*, *Айдара*, Усмемаря, *Менгли-Гирея*, Ямгурчея и Милкомана. Братья долго спорили о наслѣдствѣ, и престолъ Крымскій переходилъ то къ одному изъ нихъ, то къ другому, пока окончательно утвердился на немъ Менгли-Гирей, отнявшій престолъ сперва у старшаго брата Нордоулата, потомъ у Айдара. Оба сверженные брата удалились въ Литву и искали покровительства у Литовскаго князя Казимира (Ягеллоновича). Между тѣмъ Великій Князь Московскій Іоаннъ III, помышляя объ освобожденіи Россіи отъ татарскаго владычества, предложилъ дружественный союзъ Менгли-Гирею, обѣщая ему свою помощь противъ его враговъ и взаимно просилъ его содѣйствія противъ своихъ недруговъ. Союзъ этотъ, столь благоплодный для Россіи, былъ заключенъ (1473 г.)—и Менгли-Гирей во всю свою жизнь остался преданнѣйшимъ другомъ Государя Московскаго. Вскорѣ (около 1480 г.) и братья Менгли-Гирея, Нордоулатъ и Айдаръ, не находя въ Литвѣ ожиданнаго вспоможенія, добровольно предались Іоанну, который и принялъ ихъ съ цѣлію (какъ самъ говорилъ) «отнять у нихъ способъ вредить Менгли-Гирею.»—Находясь въ Русской службѣ, Нордоулатъ заслужилъ расположеніе и довѣренность Государя Московскаго. Ему, какъ извѣстно, Іоаннъ, въ достопамятный годъ сверженія ига (1480), поручалъ вмѣстѣ съ воеводою Ноздроватымъ спуститься по Волгѣ съ отдѣльнымъ отрядомъ въ улусы Сарайскіе и раззорить ихъ (въ то время, когда самъ Іоаннъ, выступивъ съ войскомъ на поля Боровскія, заслонялъ Ахмату путь въ Россію). Слѣдствія Волжской экспедиціи извѣстны: Ахматъ, услышавъ о раззореніи своего царства, съ ужасомъ бѣжалъ изъ предѣловъ московскихъ; иго татарское кончилось; Россія избавилась отъ него почти безъ кровопролитія. И въ другой разъ видимъ Нордоу-

лата въ походѣ съ полками московскими на улусы Золотой Орды въ 1487 году(*). Дѣти Нордоулата, царевичи Салтаганъ и Зеденай также служили Государю Московскому вѣрой и правдою: первый изъ нихъ былъ въ походѣ противъ Ордынскаго Царя Шигъ-Ахмета въ 1491 году, другой—въ походѣ на Казань при Царѣ Василіѣ IV въ 1505 году(**).

Но не таковъ былъ братъ Нордоулата, царевичъ Айдаръ: онъ не только не заслужилъ расположенія и довѣренности Іоанна, но и подвергся отъ него опалѣ: онъ, въ достопамятный годъ сверженія ига, *весною* былъ *за что-то* (вѣроятно за тайныя сношенія съ королемъ польскимъ) (***) *сосланъ въ Вологду*, въ которой находимъ его и въ 1487 году; о дальнѣйшей же судьбѣ его не знаемъ.

*
* *

Казанскій Царь Алегамъ въ Вологдѣ.

Въ 1486 году, по усмиреніи Іоанномъ III мятежной Казани, взятый въ плѣнъ царь ея Алегамъ сосланъ былъ въ Вологду съ нѣкоторыми изъ членовъ его семейства. Въ вологодской лѣтописи объ этомъ записано:

«Лѣта 6994 (1486) года, Іюля 9 дня, Государь Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Руссіи, по взятіи Казанскаго царства, прислалъ Казанскаго царя во укрѣпленіе съ матерью и царицею на Вологду за стражею»(****).

У Карамзина члены семейства Алегамова показаны нѣсколь-

(*) Ист. Гос. Росс. т. VI. стран. 115.
(**) Ист. Гос. Росс. т. VI. стр. 128, т. VII, стран. 8.
(***) Въ 1487 году В. К. Іоаннъ увѣдомлялъ друга своего Менгли-Гирея, что Король Польскій тайно зоветъ къ себѣ брата его Айдара. (Ист. Гос. Росс. т. VI, стр. 117). Можетъ быть, подобныя сношенія открыты были и ранѣе. О содержаніи въ Россіи братьевъ Менгли-Гиреевыхъ Іоаннъ въ 1482 году писалъ къ крымскому своему другу: «не упускаю ни единаго случая дѣлать тебѣ угодное содержу твоихъ братьевъ въ Россіи Нордоулата и Айдара съ немалымъ убыткомъ для казны моей.» (Тамъ же стран. 102 и 107).
(****) Засѣцк. стран. 37, Архангелогор. Лѣтоп. стран. 195.

ко иначе: «Алегамъ *съ двумя женами* былъ сосланъ въ Вологду; а *мать, братья и сестры его* въ Карголомъ на Бѣлѣозерѣ»(*).

Долго ли содержался Алегамъ въ Вологдѣ и въ ней ли кончилъ жизнь, неизвѣстно; знаемъ только, что на третій годъ отъ начала ссылки онъ былъ еще въ неволѣ. У Карамзина сказано:

«Несчастная судьба Алегама оскорбила Шибанскихъ и Ногайскихъ владѣтелей, связанныхъ съ нимъ родствомъ: царь Ногайскій Ивакъ, мурзы-Алачъ, Муса, Ямгурчей и жена его, прислали въ 1489 году въ Москву грамоты, убѣждая въ нихъ Іоанна освободить сего плѣнника. Но не смотря на всѣ убѣдительныя просьбы Ногайскихъ владѣтелей, Іоаннъ держалъ Алегама въ неволѣ, отвѣтствуя: «изъ уваженія къ вамъ даю ему всякую льготу.» (**).

*
* *

Вел. Князь Василій IV Іоанновичъ въ Вологдѣ.

Былъ въ Декабрѣ, около праздника и въ самый праздникъ Рождества Христова 1528 года, вмѣстѣ со второю супругою своею, Великою княгинею Еленою Глинскою (матерью Іоанна Грознаго), во время путешествія по разнымъ монастырямъ. О времени и цѣли этого путешествія въ лѣтописи записано слѣдующее:

«Лѣта 7037 (1528) г., Князь Великій Василій Іоанновичъ и съ Великою Княгинею былъ *на Вологдѣ* и въ монастырѣхъ у чудотворцовъ: въ Кирилловѣ(***), на Каменномъ, въ Глушицѣ, на Прилуцѣ у Спаса, въ Корниліевѣ и въ Павловѣ(****)

(*) Ист. Гос. Росс. Карамз. т. VI, гл. 4, стран. 115.
(**) Ист. Гос. Росс. т. VI, стран. 117 и 118.
(***) Нынѣ Новгородской Епархіи.
(****) Всѣ эти обители и доселѣ существуютъ въ Вологодской Епархіи.

пустыни, и милостыню велію давалъ и потѣшеніе по монастыремъ и во градъ попомъ, а велѣлъ молитися *о чадородіи, чтобъ далъ Богъ—отродъ у него былъ*(*). А пріѣхалъ *на Вологду* за недѣлю до Рождества Христова; а въ монастырь ѣздилъ четыре дни до Кириллова; а Рождество Христово взялъ *на Вологдѣ*, назадъ ѣдучи изъ Кириллова»(**).

*
* *

Царь Іоаннъ IV Васильевичъ (Грозный) трижды въ Вологдѣ.

Въ первый разъ былъ въ 1545 г., во время путешествія по вологодскимъ и бѣлоезерскимъ монастырямъ. Во вторый разъ—въ 1565 (годъ учрежденія страшной опричнины въ мѣсяцѣ Февралѣ) и отчасти въ 1566 годахъ: во время этого втораго пребыванія Царь, предполагая основать въ Вологдѣ свою резиденцію, заложилъ въ ней каменную крѣпость. Въ третій разъ Іоаннъ жилъ въ Вологдѣ, если вѣрить вологодскому лѣтописцу, три года и пять мѣсяцевъ, начиная съ 1568 года: къ этому послѣднему времени относится построеніе въ Вологдѣ каѳедральнаго Софійскаго собора и прорытіе рѣчки Золотухи.

О всѣхъ этихъ пребываніяхъ Грознаго въ Вологдѣ приводимъ выписки изъ лѣтописей, дополняя ихъ нѣкоторыми собственными соображеніями:

Первое пребываніе. Въ «Царственной книгѣ» сказано: «Лѣта 7053 (1545) году, Маія 21 дня, ѣздилъ Государь съ братомъ Юрьемъ и съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ въ Троицкой монастырь и въ Переславль, а оттуда, отпустивъ Князей Юрія и Владиміра въ Москву, поѣхалъ въ Ростовъ, Ярославль, на Бѣлоозеро въ Кирилловъ монастырь, Ѳерапонтовъ, *Воло-*

(*) Отъ первой супруги Соломоніи Сабуровой Василій не имѣлъ дѣтей; почему, разведшись съ нею, вступилъ въ 1526 г. въ бракъ съ Еленою Глинскою, отъ которой, послѣ четырехлѣтняго неплодія, родился въ 1530 году, Августа 25 дня, сынъ, знаменитый Іоаннъ Грозный.—

(**) Ист. Гос. Росс. т. VII, прим. 308. выписка изъ Лѣтописца Димитрія Ростовскаго.

родской Спасовъ на Прилукѣ, Корниловъ, Павловъ, къ Борису и Глѣбу на Устье(*), и возвратился въ Москву Іюля въ 7-й день»(**).

Это путешествіе было въ послѣдній годъ несовершеннолѣтія Іоаннова, за годъ до его царскаго вѣнчанія и за полтора года до вступленія въ бракъ съ Анастасіею. О тогдашнихъ, не со всѣмъ благочинныхъ, разъѣздахъ Іоанна по монастырямъ Карамзинъ пишетъ слѣдующее:

....«Между тѣмъ Великій Князь ѣздилъ по разнымъ областямъ своей державы, не единственно для того, чтобы видѣть славные ихъ монастыри и забавляться звѣриною ловлею въ дикихъ лѣсахъ: не для наблюденій государственныхъ, не для защиты людей отъ притѣсненія корыстолюбивыхъ намѣстниковъ... Окруженный сонмомъ бояръ и чиновниковъ, онъ не видалъ печалей народа и въ шумѣ забавъ не слыхалъ стенаній бѣдности; скакалъ на борзыхъ ишакахъ(***) и оставлялъ за собою слезы, жалобу, новую бѣдность: ибо сіи путешествія Государевы, не принося ни малѣйшей пользы государству, стоили денегъ народу: Дворъ требовалъ угощенія и даровъ»(****).

Второе пребываніе. Оно ожидалось вологжанами, вѣроятно, съ ужасомъ и сопровождалось имъ же: на этотъ разъ грозный монархъ пріѣхалъ въ Вологду изъ Александровской Слободы и отдалъ приказъ начинать тяжкія земляныя и каменностроительныя работы, какъ бы въ ожиданіи какого-то непріятельскаго нашествія.

«Лѣта 7073 (1565) г., Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, въ бытность свою на Вологдѣ по-

(*) Нынѣ приходская церковь, бывшій Борисоглѣбскій монастырь.
(**) Ист. Гос. Росс. т. VIII, прим. 153, Засѣцк. стран. 39.
(***) *Ишакъ*—животное, родившееся отъ осла и кобылы, мескъ, См. Словарь Акад. Наукъ.
(****) Ист. Гос. Росс. т. VIII, стр. 54.

велѣлъ рвы копать и сваи уготовлять и мѣсто очистить, гдѣ быть градскимъ стѣнамъ каменнаго зданія»(*).

«Лѣта 7074 (1566) году, на Вологдѣ, при себѣ Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ повелѣлъ заложити градъ каменной. И его Великого Государя повелѣніемъ заложенъ градъ мѣсяца Апрѣля въ 28 день, на память святыхъ Апостоловъ Іасона и Сосипатра. Отъ нѣкіихъ же и нынѣ упоминается, яко бы и нареченъ бысть градъ во имя Святаго Апостола *Іасонъ*; но истинно ли такъ, попеже безъ письменнаго объявленія, то сіе неизвѣстнымъ оставляется» (**).

У Карамзина, въ выпискѣ изъ лѣтописей 1565 года сказано: «Тоя жъ *осени* Государь заложилъ городъ Вологду каменъ»(***).

Стало быть, въ это второе посѣщеніе царь былъ въ Вологдѣ около восьми мѣсяцевъ, *съ осени 1565 до лѣта 1566 года.* Начатая имъ въ этихъ годахъ крѣпость въ Вологдѣ, была, какъ увидимъ ниже, не окончена.

Третіе пребываніе. «Лѣта 7076 (1568) года, Великій Государь Царь Іоаннъ Васильевичъ повелѣлъ въ Вологдѣ соборную Софійскую церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы поставити внутри града у архіерейскаго дома; и дѣлаша ю

(*) Къ этому извѣстію вологодской лѣтописи г. Засѣцкій приводитъ въ подстрочномъ примѣчаніи слѣдующую выписку изъ какой-то «иной» лѣтописи: «По иному лѣтописцу значится пришествіе Государя Царя и В. К. Ивана Васильевича на Вологду съ Государынею Царицею и Вел. Княгинею (т. е. Маріею Черкасскою) и съ Государями Царевичами (Іоанномъ и Ѳеодоромъ) по бытіи въ Кирилловѣ монастырѣ 7077 (1569).»—Царица Марія, вторая супруга Грознаго, скончалась, какъ сказано ниже, 1-го Сентября 1569 года; слѣдовательно въ приведенной выпискѣ очевидная ошибка въ годѣ, т. е. вмѣсто 7077, вѣроятно должно читать 7076, т. е. первый годъ третьяго пребыванія Грознаго въ Вологдѣ.

(**) Засѣцк. стран. 43. Въ этой выпискѣ слова: «Отъ нѣкіихъ же и нынѣ упоминается»... принадлежатъ г. Засѣцкому, а предыдущія слова взяты изъ волог. лѣтописи Слободскаго, бывшаго пѣвчимъ при вологодскомъ архіепископѣ Гавріилѣ и жившаго въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Говоря о названіи нѣкоторыми г. Вологды *Іасономъ*, или по другому произношенію *Насономъ*, Засѣцкій, можетъ быть, намекаетъ на нижеприводимую нами старинную легенду о пребываніи Грознаго въ Вологдѣ.

(***) Ист. Гос. Росс. т. IX, примѣч. 268.

два года; а сколько сдѣлаютъ, то каждаго дни покрывали лубьемъ и другими орудіи, и того ради опая церковь крѣпка на разсѣлины. Нѣцыи же глаголютъ: едва совершена бысть опая церковь, и великій государь вшедъ видѣти пространство ея, и будто нѣчто отторгнувся отъ свода и падъ, Государю повреди главу; и того ради великій Государь опечалися и повелѣ церковь раззорити, но чрезъ-де нѣкоторое прошеніе преклонися на милость; обаче многіе годы церковь была не священа.»

«Того жъ года Великій Государь повелѣ (въ Вологдѣ) копати Шограшъ, Содемку и Золотуху рѣки, въ чемъ и исполненіе чинено выкопываніемъ земли, изъ коей нынѣ называются Татарскія горы, потому что тамъ погребали умершихъ плѣнныхъ Турокъ и Татаръ, бывшихъ въ семъ городѣ(*), а посему и около верхней части городскаго предмѣстія также поведенъ былъ капалъ и валъ, коихъ и нынѣ знаки имѣются.»

«Лѣта 7079 (1571), прінде на Русь Крымскій ханъ и градъ Москву пожегъ, а Царь Государь былъ тогда на Вологдѣ и помышляше въ поморскія страны, и того ради строены лодьи и другіе суда многіе къ путному шествію.»

«Того же году былъ на Вологдѣ моръ великъ, и того ради Великій Государь изволилъ итти въ царствующій градъ Москву, и тогда Вологды строеніе преста.»

«Великій Государь Царь Иванъ Васильевичъ изволилъ быть на Вологдѣ три лѣта и пять мѣсяцевъ»(**).

(*) По нынѣшнему раздѣленію г. Вологды, урочище, именуемое Татарскими горами, находится въ южномъ предмѣстіи, близъ не вой части города, саженахъ въ 200 отъ Солдатской Слободы, тамъ, гдѣ скотскія бойни.

(**) Зябк. стран. 43 и 44. Упоминаемое въ лѣтописи раззореніе Москвы Ханомъ Крымскимъ было въ Маѣ 1571 года (см. Ист. Гос. Росс. т. IX. стр. 106 и 107). О голодѣ и морѣ въ Россіи въ 1570 годахъ въ Лѣтописи Димитрія Ростовскаго сказано слѣдующее: «Грѣхъ ради нашихъ, бысть гладъ (въ 1570 г.) во всю Русскую землю: рожь купили на Москвѣ по 60 алтынъ (т. е. по Карамзину около девяти нынѣшнихъ серебреныхъ рублей за четверть), а на Вологдѣ по рублю и по всѣмъ городамъ также, а на Устюгѣ по 18 алтынъ, а на Ко-

И такъ по этимъ извѣстіямъ Вологда около трехъ съ половиною лѣтъ имѣла честь быть резиденціею грознаго царя, который, по учрежденіи въ 1565 году опричнины, оставивъ Москву и, день ото дня все болѣе и болѣе утверждаясь въ несчастной подозрительности, уже не считалъ себя безопаснымъ и въ Слободѣ Александровской, а потому искалъ убѣжища въ глуши страны вологодской, откуда въ 1569 году думалъ бѣжать въ Англію(*), а въ 1571 году, какъ сказано въ вологодской лѣтописи, «немышлялъ (удалиться) въ поморскія страны», т. е. къ берегамъ ледовитаго моря.

Не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ вѣрности сказаній вологодскаго лѣтописца о трехлѣтнемъ пребываніи Грознаго въ Вологдѣ, тѣмъ болѣе, что лѣтописецъ этотъ жилъ спустя только сто лѣтъ послѣ описываемаго событія и могъ слышать о немъ отъ такихъ старожиловъ, которые могли слышать о томъ же отъ очевидцевъ пребыванія въ Вологдѣ Грознаго. Но, по долгу точнаго историка, не можемъ не упомянуть, что означенныя сказанія лѣтописца вологодскаго посторонними источниками почти не подтверждаются. Такъ въ исторіи Карамзина есть только одно указаніе на третье пребываніе Грознаго въ Вологдѣ, именно въ 1568 году. Сказавъ о смерти второй супруги Грознаго, Маріи Черкасской (скончалась 1 Сентября 1569 г.), и о траурѣ по ней, Карамзинъ, въ подтвержденіе извѣстія о траурѣ, приводитъ слѣдующую выписку изъ «Дѣл. Польск. № 9, л. 1220: «Царь и В. Князь» (принимая Литовскаго гонца Сент. 12) «сидѣлъ въ столовой избѣ

могорахъ по 20 алтынъ; и много людей померло со гладу; а овесъ купили по 12 алтынъ, а ячменю по 20 алт., а пшеницу по 30 алтынъ за четверть.»—Бѣдствіе это продолжалось до 1572 года. (Ист. Гос. Росс. т. IX, стр. 93 и 99. прим. 326).

Гонимый моровою язвою, Царь выѣхалъ изъ Вологды въ Іюнѣ 1571 года (Ист. Гос. Росс. т. IX, стр. 108); по этому начало его трехлѣтняго съ пятью мѣсяцами пребыванія въ Вологдѣ надобно относить къ Январю 1568 года, (когда можетъ быть Царь былъ въ Вологдѣ, послѣ путешествія съ своею супругою и Царевичами въ Кириллобѣлоезерскій монастырь, о чемъ сказано выше).

(*) Ист. Гос. Росс. т. IX, стран. 80.

въ брусяной; а на боярѣхъ и на дворянѣхъ и на всѣхъ приказныхъ людѣхъ было *платье смирное* (траурное), шубы бархатные и камчатные безъ золота: потому что Государь былъ въ кручинѣ: Царицы Марьи въ животѣ не стало»,—и за тѣмъ историографъ прибавляетъ отъ себя: «Іоаннъ пріѣхалъ изъ Слободы въ Москву 10-го Сентября; въ Августѣ (т. е. по Сентябрскому счисленію—въ Августѣ 1568 года) онъ былъ на Вологдѣ»(*).—Откуда заимствовалъ Карамзинъ это послѣднее свѣдѣніе, нѣтъ указанія. Въ «Исторіи Россіи» Соловьева нѣтъ указаній ни на одно изъ пребываній Грознаго въ Вологдѣ.

Упомянувъ о поѣздкѣ Царя изъ Вологды въ Москву по случаю смерти царицы, скажемъ вкратцѣ и о другихъ отлучкахъ его изъ нея въ описываемое время, въ разныя мѣста (принявъ напередъ за вѣроятное, что третіе его пребываніе въ Вологдѣ началось, какъ выше сказано, въ Январѣ 1568 года).

Въ 1568 году, съ Іюля по Декабрь, видимъ Царя въ Москвѣ, гдѣ во время одного богослуженія въ кремлевскомъ Успенскомъ соборѣ (9 или 19 Іюля) митрополитъ Филиппъ всенародно обличаетъ царя въ богопротивной жизни, за что въ Ноябрѣ того же года ревностный святитель подвергается лишенію сана и заточенію.

Въ 1569 году, въ Декабрѣ, Царь съ царевичемъ Іоанномъ путешествуетъ по Тверской области, свирѣпствуетъ въ городахъ Клинѣ, Городнѣ, Твери (къ этому времени относится мученическая кончина св. митрополита Филиппа), опустошаетъ Торжокъ, Вышній Волочекъ и всѣ мѣста до озера Ильменя.

Въ 1570 году, продолжая упомянутое въ предъидущемъ году путешествіе, Царь 6-го Января приближается къ Новгороду, 8-го числа вступаетъ въ него, свергаетъ архіепископа Пимена, отбираетъ казну его, равно и казну Софійскаго собора и дру-

(*) Тамъ же, т. IX, стран. 81, примѣч. 269.

гихъ богатыхъ храмовъ; за тѣмъ въ продолженіе пяти недѣль творитъ судъ надъ Новгородцами и казнитъ до 60,000 гражданъ и окрестныхъ сельскихъ жителей; въ половинѣ Февраля отправляется во Псковъ, готовя ему участь Новгорода, но смягченный покорностію жителей, щадитъ этотъ городъ, за исключеніемъ немногихъ гражданъ, и уѣзжаетъ въ Москву, въ которой находимъ его до Августа того же года творящимъ судъ и расправу, т. е. казни. (*).....

Можно представить, какой ужасъ и трепетъ должны были господствовать въ Вологдѣ, по возвращеніи въ нее Царя, обагреннаго кровію столь многочисленныхъ своихъ подданныхъ(**), Царя, отъ гнѣва котораго даже *«мать сыра земля сотрясалася»*, какъ сказано въ вышеупомянутой старинной (о пребываніи Грознаго въ Вологдѣ) легендѣ, которую кстати здѣсь и приводимъ.

Легенда о Грозномъ. (***)

Что на славной рѣкѣ Вологдѣ,
Во Насонѣ было городѣ,
Гдѣ доселѣ было—Грозный Царь
Основать хотѣлъ престольный градъ
Для свово-ли для величества

(*) Обо всѣхъ вышеписанныхъ произшествіяхъ 1568—1570 годовъ см. Ист. Гос. Росс. т. IX, стран. 60—63, 85—98.

(**) О казняхъ въ Новгородѣ вологжане могли слышать отъ самихъ Новгородцевъ, изъ коихъ многіе, спасаясь отъ гнѣва Царскаго, бѣжали чрезъ предѣлы вологодскіе въ сѣверныя страны, гдѣ и основали въ устюжской области городъ *Лальскъ*. Въ Устюжскомъ Лѣтописцѣ сказано: «Когда Грозный Царь Иванъ Васильевичъ казнилъ (въ 1570 году) Новогородцевъ, тогда нѣцыи отъ гражданъ совѣщавшеся усовѣтовали тайно избѣжати изъ Новагорода и вселитися въ пустѣ мѣстѣ, идѣже Богъ наставитъ... И тако странствовали по лѣсамъ, пустынямъ и непроходимымъ мѣстамъ, донелѣже достигли рѣки *Лалы* отъ Устюга на Сибирь въ разстояніи 80-ти верстъ и ту поселялися... и начали размножатися, и нарекошася по имени рѣки *Лалечане;* а нынѣ уже тамъ имѣютъ пространное селеніе—*Лальскій погостъ;* а посадскіе люди имѣютъ тамъ села и деревни; внутрь же города соборная церковь, да три приходскія, да по край города Архангельская пустыня, все—каменнаго строенія. Ист. Гос. Росс. т. IX, прим. 294.

(***) Эта легенда въ 1842 году была доставлена наставникомъ волог. семин. П. И. Савваитовымъ редактору журнала «Москвитянинъ», М. П. Погодину и томъ же году напечатана въ № 8 означеннаго журнала.

И для царского могущества;
Укрѣпилъ стѣной градъ каменной
Со высокими со башнями,
Съ неприступными бойницами.
Посреди онъ града церковь склалъ,
Церковь лѣпую соборную,
Что во имя Божьей Матери
Ея честнаго Успенія:
Образецъ онъ взялъ съ московского
Со собору со Успенского:
Стѣны храма поднималися,
Христіана утѣшалися;
А какъ стали послѣ сводъ сводить,
Туда царь самъ не коснѣлъ ходить,
Надзиралъ онъ надъ наемники,
Чтобы Божій крѣпче клали храмъ,
Не жалѣли бъ плинѳы красныя
И той извести горючія.
Когда царь о томъ кручинился,
Въ храмѣ новоемъ похаживалъ,
Какъ изъ своду туповатова
Упадала плинѳа красная,
Попадала ему въ голову,
Во головушку во буйную,
Въ мудру голову во царскую....
Тутъ нашъ грозный царь прогнѣвался,
Взволновалась во всѣхъ жилахъ кровь,
Закипѣла молодецка грудь,
Ретиво сердце взъярилося,
Выходилъ изъ храма новаго,
Онъ садился на добра коня,
Уѣзжалъ онъ въ каменну Москву,
Насопъ городъ проклинаючи

И съ рѣкою славной Вологдой.
Отъ того проклятья царского
Мать сыра земля тряхнулася—
И въ Насонъ—градѣ горнстоемъ
Стали блаты быть топучія,
Рѣка быстра славна Вологда
Стала быть водой стоючею,
Водой мутною, вонючею,
И покрылася вся тиною,
Сверной зеленью со плѣснетью.....

Ко времени послѣдняго, трехгодичнаго пребыванія Грознаго въ Вологдѣ, построенъ былъ въ ней (на мѣстѣ нынѣшняго новаго зданія городскихъ присутственныхъ мѣстъ, близъ Покровской, что внутри города, церкви) деревянный дворецъ съ домовою церковію во имя Богоотецъ Іоакима и Анны, называвшеюся послѣ «что у Государя на сѣняхъ.» Дворецъ этотъ существовалъ еще во время Михаила Ѳеодоровича, что видно изъ Писцовыхъ книгъ 1624 года(*); а памятникомъ бывшей придворной церкви служитъ доселѣ существующій въ упомянутой Покровской церкви придѣлъ во имя Богоотецъ Іоакима и Анны.—

(*) См. статью «Семисотлѣтіе Вологды», напеч. въ Прибавл. къ Журн. Министер. Нар. Просв., 1847 г. кн. 4.

Царь Петръ Великій пять разъ въ Вологдѣ. (*)

Въ первый разъ былъ въ Вологдѣ весною 1692 года, проѣздомъ на Кубенское озеро (въ 50 верстахъ отъ города), для изслѣдованія глубины этого озера, и на сколько оно удобно для навигаціи: по причинѣ мелководія, оно ему не понравилось.

Второе посѣщеніе было въ Іюлѣ 1693 года и продолжалось трои сутки, съ 9-го по 13-е число этого мѣсяца. Свита Царя состояла изо 101 человѣка, въ томъ числѣ около 40 знатныхъ сановниковъ; 12-го Іюля Царь удостоилъ посѣтить архіепископа вологодскаго Гавріила и раздѣлить съ нимъ обѣденный столъ. Цѣлію путешествія былъ г. Архангельскъ, въ которомъ Царь прожилъ болѣе полутора мѣсяца, занимаясь мореплаваніемъ

Въ третій разъ Царь былъ въ Вологдѣ въ 1694 году, съ 4-го по 8-е Мая, въ сопровожденіи свиты около 300 человѣкъ, проѣздомъ также въ Архангельскъ, въ которомъ пробылъ въ этомъ году около четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, продолжая свои мореходныя упражненія.

Четвертое посѣщеніе было въ Маѣ (15 числа) 1702 года, опять мимоѣздомъ въ Архангельскъ. На этотъ разъ въ свитѣ Царя былъ и молодой двѣнадцатилѣтній царевичъ Алексѣй Петровичъ, съ которымъ вмѣстѣ Царь вторично былъ и обѣдалъ у архіепископа Гавріила.

Въ послѣдній, въ пятый разъ Вологда видѣла Великаго Преобразователя Россіи за десять мѣсяцевъ до его кончины, въ Мартѣ 1724 года. Императоръ проѣзжалъ въ то время чрезъ Вологду въ Москву, съ Олонецкихъ минеральныхъ водъ

(*) О посѣщеніяхъ Вологды Царемъ Петромъ мы уже имѣли случай сообщить все извѣстное (См. Волог. Епарх. Вѣд. 1866 года, въ № 1, въ біографіи волог. архіепископа Гавріила и въ № 7, въ біографіи епископа Павла). Въ настоящей статьѣ ограничиваемся только краткимъ перечнемъ сообщенныхъ свѣдѣній.

вмѣстѣ съ супругою Екатериною Алексѣевною, и былъ здѣсь двои сутки, удостоивъ посѣтить между прочимъ тогдашняго вологодскаго преосвященнаго Павла, который, до рукоположенія своего (въ 1716 году) въ санъ архіерейскій, былъ, въ званіи іеромонаха Александроневской лавры, духовникомъ Государя и всей Царской фамиліи и крестнымъ отцомъ дочери Петра, цесаревны, впослѣдствіи Императрицы Елисаветы Петровны. Квартирою Государя въ Вологдѣ во время этого посѣщенія былъ, по преданію, каменный домъ иностранки, купеческой вдовы Гоутманъ, родомъ изъ Голландіи (*).

Императоръ Александръ I Благословенный въ Вологдѣ.

По смерти Петра Великаго, въ продолженіе ста лѣтъ, Вологда не имѣла счастія видѣть никого изъ своихъ Вѣнценосцевъ. Это счастіе принесъ ей 1824-й годъ, въ которомъ Императоръ Александръ Благословенный, путешествуя по сѣверо-восточнымъ областямъ имперіи, посѣтилъ и Вологду, пробывъ въ ней двои съ половиной сутки, съ вечера 15-го по утро 18-го числа мѣсяца Октября. Приводимъ описаніе этого достопамятнаго въ исторіи нашего города событія(**):

«1824 года, въ исходѣ лѣта, замѣтно было въ Вологдѣ какое-то радостное движеніе; все показывало дѣятельныя приготовленія, и древній городъ нашъ, знакомый семи вѣкамъ,

(*) Домъ этотъ указываютъ доселѣ въ первой части г. Вологды, близъ церкви Ѳеодора Стратилата, на самомъ берегу р. Вологды. Каменный нижній этажъ этого дома и есть та палата, или часть той палаты, (устроенной вѣроятно въ началѣ XVIII столѣтія), въ которой, по преданію, имѣлъ пребываніе Императоръ Петръ Великій въ 1724 году. См. Волог. Епарх. Вѣдом. 1866 года, № 7, въ біографіи преосв. Павла, Епископа вологодскаго, стран. 246, примѣч.

(**) Современное описаніе этого событія было напечатано въ С.П.бургскихъ Вѣдомостяхъ 1824 года; потомъ оно же, нѣсколько дополненное, помѣщено въ Прибавл. къ Журналу Мин. Народн. Просв. въ 1849 г. и оттуда перепечатано въ Волог. Губ. Вѣдом. того же 1849 г. (№ 37), изъ которыхъ и заимствуемъ нижеприводимыя свѣдѣнія. Подстрочныя примѣчанія принадлежатъ редакціи.

быстро измѣнялъ свой наружный видъ, какъ будто бы хотѣлъ мгновенно переродиться, и, стряхнувъ нѣсколько сотенъ лѣтъ съ себя, помолодѣть. Главныя городскія улицы и площади, дотолѣ искривленныя и грязныя, были выпрямлены, выровнены, разчищены и осушены. Уличныя мостовыя, по большей части деревянныя и дурно намощенныя, исправлены и усыпаны пескомъ. Вездѣ, по возможности, возстановлялась чистота и порядокъ (*). Да и было для чего похлопотать нашей старушкѣ Вологдѣ: она ожидала принять въ стѣны свои Великаго, Державнаго Гостя, Гостя, вѣнчаннаго всемірною славою: она ожидала Императора Александра Благословеннаго.

«Въ первыхъ числахъ Октября, 1824 года, Императоръ Александръ, обозрѣвая нѣкоторыя губерніи обширной своей Монархіи, принялъ намѣреніе обозрѣть и вологодскую. Преждевременный восторгъ жителей нашей губерніи ясно выразился повсюду: въ городахъ, селахъ и деревняхъ всѣ горѣли нетерпѣливымъ ожиданіемъ—видѣть своего Благотворителя, земнаго Бога—Александра.

(*) Наружность г. Вологды, около 50 лѣтъ назадъ, была въ общихъ чертахъ почти таже, что и теперь, но въ частностяхъ представляла много отличій. Тѣже 40 каменныхъ церквей возвышались надъ сѣзданіями (впрочемъ съ прибавленіемъ одной деревянной, Борисоглѣбской, до 1830-хъ годовъ существовавшей въ нынѣшнемъ приходѣ Благовѣщенія); и прочія каменныя зданія было почти тѣже, кромѣ весьма немногихъ; но за то въ деревянныхъ постройкахъ города было много такого, что напоминало времена до-Петровскія: въ разныхъ мѣстахъ, какъ-то въ Колачной улицѣ, по правому берегу р. Золотухи отъ Винтеровскаго моста до торговыхъ рядовъ, въ приходахъ церквей Благовѣщенской, Николаевской-на Извести, Вознесенской и проч. были десятки старинныхъ домовъ и домиковъ съ косящатыми и волоковыми окнами и съ вычурными крыльцами; улицы между этими домами были до невѣроятности тѣсны и неправильны. Бульваровъ, такъ много украшающихъ нынѣ дворянскую улицу, тогда еще не было: они устроены, не задолго до прибытія Импер. Александра, губернаторомъ П. П. Брусиловымъ; въ тоже время на соборной горѣ разведенъ садъ; улица передъ каѳедрал. Воскресенскимъ соборомъ, проходившая дотолѣ весьма близко отъ каменной стѣны, окружающей архіерейскій домъ, была разширена до нынѣшняго ея размѣра; а къ самому зданію этого собора былъ съ южной стороны придѣланъ, для встрѣчи Державнаго Гостя, парадный входъ, украшенный четырмя колоннами и фронтономъ. Къ тому же времени былъ оконченъ постройкою, близъ московской заставы, Тюремный замокъ.

«Жители г. Грязовца, въ 42 верстахъ отстоящаго отъ Вологды, первые удостоились этого счастія, встрѣчи Государя въ своемъ городѣ. Сюда 15 Октября, въ 3 часа по полудни прибылъ онъ изъ г. Буя, и, пробывъ въ Грязовцѣ съ небольшимъ часъ (*), въ тотъ же день, послѣ вечерни, отправился по московскому тракту въ Вологду.

«Погода была неблагопріятна для дороги: дулъ вѣтеръ и морозило. Императоръ ѣхалъ скоро, въ открытыхъ саняхъ, тройкою, съ двумя факелами. Съ полверсты не доѣзжая до Вологды, Государь остановился въ деревнѣ Удѣльнаго вѣдомства Кобылинѣ, гдѣ въ особенно устроенномъ для Него домикѣ переодѣвался (**).

«Наступила наконецъ и радостная для вологжанъ минута прибытія Александра въ Вологду. Императоръ, встрѣченный у градской заставы г.г. генералъ-губернаторомъ Мишицкимъ, гражданскимъ губернаторомъ Брусиловымъ и полицмейстеромъ Домашневымъ, торжественно, въ 8 часовъ вечера, въѣхалъ въ городъ. Громко ударили въ колокола на всѣхъ церквахъ вологодскихъ, и жители, въ одно мгновеніе узнавшіе о радостномъ прибытіи Государя, толпами бросились къ Нему на встрѣчу. Вмигъ вся московская улица наполнилась восторженнымъ народомъ; не было проѣзда. Тѣснота, радостныя народныя восклицанія, заглушавшія даже звонъ колокольный, все это вмѣстѣ привѣтствовало Императора. На улицахъ, крышахъ, заборахъ и окнахъ вездѣ раздавалось съ живымъ усердіемъ радостное

(*) Въ г. Грязовцѣ Государь прибылъ прямо къ собору, гдѣ встрѣченъ былъ протоіереемъ съ крестомъ и св. водою, уѣзднымъ предводителемъ дворянства Пасынковымъ, всѣми чиновниками, дворянами и гражданами. Оттуда изволилъ прибыть въ квартиру, назначенную въ домѣ купца Гудкова, гдѣ изволилъ кушать чай. Здѣсь, по волѣ Государя, представлены были Его Величеству: уѣздный предводитель дворянства, чиновники, дворяне и купечество. Государь, изъявивъ предводителю дворянства, Высочайшее благоволеніе за устройство дорогъ, хозяйкѣ дома пожаловалъ брилліантовый перстень. См. первонач. Опис. пребыв. въ Вологдѣ Импер. Александра.

(**) Домикъ этотъ въ настоящее время уже не существуетъ.

ура Высокому Гостю. Государь ѣхалъ скоро, но народъ ни на шагъ не отставалъ отъ Царскаго экипажа, бѣжалъ за нимъ до Воскресенскаго собора. Здѣсь Его Императорское Величество встрѣтили: преосвященный Онисифоръ съ св. крестомъ, все духовенство города, генералъ-губернаторъ, гражданскій губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, всѣ чиновники, купечество и граждане. Преосвященный Онисифоръ, старецъ, посѣдѣвшій въ иноческихъ подвигахъ и святой жизни, удостоившійся быть духовникомъ Свѣтлѣйшаго Князя Кутузова въ минуты кончины его въ Бунцлау (*), постигавшій вполнѣ все величіе и трудности неизмѣримыхъ по благодѣтельному вліянію на всѣ народы подвиговъ Александровыхъ, съ восторгомъ на челѣ и священнымъ трепетомъ въ сердцѣ, представъ предъ Императора, привѣтствовалъ Его краткою, но сильною рѣчью, въ которой прекрасно высказалъ восторгъ жителей, цѣлые уже 100 лѣтъ, со временъ Петра Великаго, невидавшихъ въ своемъ городѣ Августѣйшихъ Монарховъ. Потомъ началось молебствіе: Государь стоялъ на правой сторонѣ, противъ мѣстнаго образа Воскресенія Христова, близко къ иконостасу(**). Народу была полная церковь, такъ что никогда еще столько не бывало въ соборѣ; всѣ единодушно молились за Царя Всевышнему. По окончаніи молебствія, Императоръ изволилъ отправиться въ квартиру, приготовленную для Него въ домѣ бургомистра 1-й гильдіи купца Витушешникова. Онъ ѣхалъ черезъ рынокъ по Кирилловской улицѣ, на Красной мостъ, и по набережной. На крыльцѣ Императоръ встрѣченъ былъ хозяиномъ дома съ хлѣбомъ и солью. Тутъ же гражданскій губернаторъ имѣлъ честь подать Императору рапортъ. Въ этотъ вечеръ только генералъ-

(*) До рукоположенія своего (въ 1814 г.) въ санъ архіерейскій, Онисифоръ (въ мірѣ Опанскій) былъ протоіереемъ и оберъ-священникомъ Молдавской арміи.

(**) Въ то время иконостасъ и солейное мѣсто отдѣлялись отъ храма деревянною рѣшеткою и устройство собора было нѣсколько иное, чѣмъ нынѣ; иконостасъ былъ старинной формы; надъ аркою, ведущею въ храмъ, существовали хоры, а у лѣваго клироса настѣнѣ была проповѣдническая каѳедра.

губернаторъ съ гражданскимъ удостоились чести лично разговаривать съ Государемъ. Получивъ Монаршую благодарность за хорошее устройство дорогъ, они откланялись. Ночью, когда, уже всѣ спали, Императоръ, оставшись одинъ въ кабинетѣ, случайно оперся на столикъ, поставленный подлѣ Его кровати и замѣтивъ, что онъ изъ стороны въ сторону качается, потребовалъ пилу. Отпиливъ собственноручно кончики двухъ ножекъ и уставивъ столикъ такъ, какъ слѣдовало, Государь приказалъ своему камердинеру сказать хозяевамъ дома, что *«это сдѣлалъ Онъ въ память своего у нихъ пребыванія.»* Витушешниковы до сихъ поръ хранятъ и этотъ столикъ и эту пилу и самые отпилочки, какъ драгоцѣнную для нихъ рѣдкость, и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ показываютъ любопытнымъ.

«Въ этотъ вечеръ и въ слѣдовавшіе за нимъ два, Вологда была прекрасно иллюминована: вся лицевая сторона гимназіи, семинарія и присутственныя мѣста ярко освѣщены были шкаликами; по правую сторону набережной, начиная отъ церкви Николая Чудотворца на Извести до самаго Краснаго моста устроено было нѣсколько блестящихъ щитовъ и особенный противъ дома Витушешниковыхъ, на рѣкѣ, съ вензловымъ изображеніемъ имени Императора. Этотъ вечеръ (15 Октября) едва ли былъ не первымъ по торжеству своему у вологжанъ. Долго горѣли огни въ домахъ, долго толпился народъ предъ квартирой Императора, безумолкно продолжая восклицать привѣтственное *ура*. Императоръ, къ величайшему удовольствію народа, не смотря на вечерній Октябрскій холодъ, не одинъ разъ выходилъ на балконъ къ восторженной и нетерпѣливой толпѣ, которая, вѣроятно, простояла бы цѣлую ночь, если бы не надобно было дать покой Высокому Посѣтителю.

«На другой день (16 Октября) снова заликовала, полная радости, Вологда. Еще не проглянулъ свѣтъ Божій, какъ любопытная толпа ремесленниковъ, работниковъ и всякаго другаго

рода людей, собралась на набережную, и какъ пчелы около улья, роилась вокругъ «новаго Дворца Вологодскаго.» Въ 8 часовъ утра этого дня были представлены Его Величеству: духовенство, военные и гражданскіе чиновники, дворянство и купечество. При представленіи дворянъ, Государь изволилъ замѣтить дворянскому предводителю Брянчанинову: «*Вы имѣете отличную память, безъ списка представя всѣхъ дворянъ своихъ.*»—«Государь! мы всѣ одна семья,»—было отвѣтомъ губернскаго предводителя. По окончаніи представленія, Государь Императоръ изволилъ осматривать сперва гимназію, при бывшемъ тогда директорѣ Шипиловѣ, потомъ городскую больницу, сиротскій домъ, богадѣльни и прочія заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія, и вновь построенный Тюремный Замокъ. Его Величество вездѣ изволилъ находить порядокъ, чистоту и опрятность: особенно церковь въ Тюремномъ замкѣ обратила на себя вниманіе Императора.—Въ первомъ часу по полудни, посѣтивъ древній вологодскій Софійскій соборъ—памятникъ архитектуры XVI столѣтія(*)—Государь посѣтилъ потомъ преосвященнаго Онисифора и Спасокаменный Духовъ мужескій монастырь. Поклонившись нетлѣннымъ мощамъ князя Іоасафа Каменскаго и преподобномученика Галактіона, Его Величество изволилъ отправиться въ монастырь Спасоприлуцкій—древнюю обитель св. Димитрія, отстоящую въ 4-хъ верстахъ отъ города по Архангельскому тракту. Здѣсь Онъ встрѣченъ былъ архимандритомъ съ иконою св. Димитрія Прилуцкаго, коею настоятель монастыря и благословилъ Александра(**). Государь,

(*) Преданіе говоритъ, что приближаясь къ собору, Государь велѣлъ остановить экипажъ, чтобы лучше прислушаться къ звону соборной колокольни, который показался ему необыкновенно стройнымъ. Дѣйствительно, многіе колокола на этой колокольнѣ, при епископѣ Іосифѣ Золотомъ, были, по словамъ старожиловъ, взяты съ разныхъ колоколенъ и звуки ихъ „подобраны по камертону.“

(**) Въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ, въ келліяхъ настоятеля, удостоились вниманія и одобренія Государя нѣкоторыя картины, писанныя монастырскими живописцами существовавшей въ обители въ XVIII столѣт. живописной школы, въ особенности-портретъ Митрополита С.П.бургскаго Гавріила; обрученіе Сарры съ Товіею; свиданіе Александра съ Діогеномъ

по возвращеніи въ свою квартиру, тотчасъ же отправилъ икону въ С.П.бургъ къ Благочестивѣйшей Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

«Вечеромъ этого дня, Императоръ, къ всеобщему удовольствію дворянъ вологодскихъ, изволилъ осчастливить Своимъ присутствіемъ балъ, данный дворянствомъ съ Высочайшаго Его соизволенія въ домѣ дворянскаго Депутатскаго Собранія. Онъ прибылъ на балъ съ генералъ-губернаторомъ Миницкимъ въ одномъ экипажѣ и у подъѣзда былъ встрѣченъ гражданскимъ губернаторомъ, губернскимъ предводителемъ съ уѣздными, дворянствомъ и купечествомъ, а на верху лѣстницы почетными дамами: дѣйствительною статскою совѣтницею Брусиловою, супругою дворянскаго предводителя Бранчаниновою, контръ-адмиральшею Ѳедоровою, тайною совѣтницею Рындиною и женою градскаго главы Ягодниковою. Государь, послѣ ласковаго привѣтствія, открылъ балъ польскимъ, прежде всѣхъ удостоивъ чести танцовать съ Собою супругу губернатора, потомъ супругу дворянскаго предводителя. Онъ танцовалъ 28 польскихъ, преимущественно са тѣми дамами, которыя имѣли счастіе воспитываться подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Государь пробылъ на балѣ до часу по полночи. Во все это время Онъ былъ чрезвычайно веселъ, все хвалилъ, всѣмъ былъ доволенъ, и, уѣзжая, сказалъ: *«Мнѣ весьма пріятно видѣть согласіе, господствующее въ обществѣ: все, видѣнное Мною въ Вологдѣ, далеко превзошло Мое ожиданіе во всѣхъ отношеніяхъ.»*

«На третій день (17 Октября), въ 7 часовъ утра, губернскій предводитель отъ всего дворянства ѣздилъ благодарить Государя за посѣщеніе бала. «*Я* (отвѣтствовалъ Александръ губернскому предводителю) *во все время путешествія своего*

и нѣкоторыя другія. См. Опис. Спасоприл. мон., соч. П. Савваитова, издан. въ 1844 г.

ни на одномъ еще балѣ не былъ такъ долго и такъ веселъ, какъ у васъ въ Вологдѣ.» Это были подлинныя слова, которыми привѣтствовалъ Государь губернскаго предводителя. Въ этотъ день Государь Императоръ одинъ изволилъ ѣздить для подробнѣйшаго обозрѣнія Вологды: посѣтилъ Горній Успенскій дѣвичій монастырь, гдѣ встрѣченъ былъ священникомъ съ крестомъ и св. водою. Александръ приложился къ св. кресту; потомъ, въ сопровожденіи всѣхъ инокинь, при торжественномъ хорѣ «Всемірную славу,» изволилъ зайти въ ветхую обитель игуменьи Серафимы и пожертвовалъ 5,000 руб. ассигн. на постройку новыхъ келлій (*).

«Въ сей день приглашены были къ обѣду Его Величества: преосвященный Онисифоръ, генералъ-губернаторъ, гражданскій губернаторъ, губернскій предводитель дворянства и бригадный начальникъ Внутренней Стражи полковникъ Жолвинскій. Императоръ какъ до обѣда, такъ и во время обѣда безпрестанно разговаривалъ, непеременно обращаясь къ своимъ гостямъ, чѣмъ каждому желалъ доказать Свое милостивое расположеніе. Весьма лестно изволилъ Государь отзываться о набережной, иллюминаціи и бульварѣ. За обѣдомъ Онъ спрашивалъ у губернскаго предсдителя о городѣ Кадниковѣ, и когда послѣдній отвѣчалъ Ему, что Кадниковъ не много похуже Грязовца, то Онъ милостиво изволилъ отвѣчать: *«А что вы? Грязовецъ довольно изрядный городъ»*; тутъ же изволилъ объявить, что Онъ еще намѣренъ посѣтить Вологду и проѣхать къ Архангельску чрезъ Тотьму и Устюгъ. Наконецъ послѣ обѣда, когда дворяне готовы были откланяться, Императоръ, обратясь къ преосвященному, сказалъ: *«Такъ какъ завтра великій и памятный день для жителей Вологды(**), то Богу угодно, чтобъ Я молился здѣсь,»*

(*) На эти 5.000 рублей и построены нынѣшнія каменныя келліи настоятельницы обители.

(**) Въ 1655 году, по случаю свирѣпствовавшей въ г. Вологдѣ и ея окрестностяхъ моровой язвы, вологжане, для утоленія праведнаго гнѣва Божія, ночью на день 18 Октября общими силами соорудили и въ тотъ

и просилъ преосвященнаго Онисифора начать обѣдню на другой день въ 7 часовъ.

«Всѣ три дня пребыванія Своего въ Вологдѣ Александръ ознаменовалъ милостями и благодѣяніями; гдѣ ни былъ, вездѣ оставилъ неизгладимые по Себѣ слѣды, и съ кѣмъ ни говорилъ, всякій встрѣтилъ въ Немъ и щедраго Царя и кроткаго Ангела. Никто изъ вологжанъ не былъ забытъ Имъ: всѣ, чѣмъ нибудь обратившіе на себя вниманіе Его Величества, получили отъ Него царскія милости. Бѣднымъ выданы были денежныя пособія, людямъ, ревностнымъ къ службѣ, пожалованы ордена и подарки: такъ къ вечеру послѣдняго дня, Государь Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать: генералъ-губернатору Миницкому орденъ Св. Владиміра 2-й степени и 25,000 рубл. ассигн.; гражданскому губернатору Брусилову орденъ Св. Анны 1-й степени, а предводителю дворянства штабсъ-капитану Брянчанинову бриллiантовые знаки ордена Св. Анны, которые Государь, въ изъявленіе отличнаго благоволенія къ нему и ко всему вологодскому дворянству, послалъ въ награду изъ Череповца по выѣздѣ изъ Вологды. Кромѣ того, многимъ чиновникамъ роздано было множество другихъ наградъ. Губернскому секретарю Угрюмовскому, за хорошія распоряженія при иллюминаціи, Его Величество изволилъ пожаловать 300 руб. ассигн. Супругѣ управляющаго Удѣльною Конторою Готовцевой, за особенныя приготовленія ея въ томъ домикѣ, гдѣ Государь изволилъ персодѣваться, подарилъ бриллiантовый фермуаръ. Дочери надворнаго совѣтника Шишиловой и княжнѣ Засѣцкой, подносившимъ Ему свои работы и крестницѣ Своей, подпоручицѣ Зубовой, также изволилъ пожаловать бриллiантовые фермуары. Матери г. Витушешникова пожаловалъ бриллiантовый перстень, женѣ его—бриллiантовыя серьги, сестрѣ—бриллiантовый фер-

---

же день освятили церковь во имя Всемилостиваго Спаса. Съ того дня язва прекратилась. Въ память этого чуднаго событія, въ Вологдѣ 18 Октября издревле совершается всеградское празднество.

муаръ; людямъ же, служившимъ въ комнатахъ, Его Величество роздалъ болѣе 1000 рублей.

«Наконецъ 18 числа, отслушавъ литургію во всеградской Спасской церкви(*), Императоръ оставилъ Вологду. На первой станціи, въ селеніи Терпелкѣ, Государь изволилъ обѣдать; къ столу Его Величества приглашенъ былъ вологодскій уѣздный предводитель дворянства Ярославовъ. Въ продолженіе всего обѣда, Государь разговаривалъ съ нимъ, не переставая хвалить вологодское общество: «*Кланяйтесь ему отъ Меня,*» говорилъ Императоръ, садясь въ дорожный экипажъ Свой. Въ 6 часовъ по полудни, Государь былъ уже внѣ вологодской границы.» —

* * *

Императоръ Александръ II Николаевичъ

въ Вологдѣ (**).

1858 года, Іюня 15 дня, Вологда, вторично въ текущемъ столѣтіи, была осчастливлена Монаршимъ посѣщеніемъ, благополучно нынѣ царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Въ 6 часовъ по полночи означеннаго дня, въ сопровожденіи Его Высочества, Наслѣднаго Принца Виртембергскаго, генералъ-адъютантовъ: графа Адлерберга 1-го, графа Адлерберга 2-го, князя Долгорукаго, лейбъ-медика Енохина и другихъ лицъ, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО прибылъ, при стеченіи многочисленнаго народа, безпрерывными криками *ура* выражавшаго свою радость, въ городъ Вологду, и тріумфаль-

(*) Эту литургію, вмѣстѣ съ преосвященнымъ Онисифоромъ, совершали: ректоръ семин. Спасоприлуцкій архимандритъ Евтихіанъ, инспекторъ семин. Духовскій архимандритъ Мельхиседекъ, каѳедральный протоіерей Викторъ Иван. Вѣнскій и мѣстный (за три мѣсяца предъ тѣмъ опредѣленный и рукоположенный) священникъ Василій Иван. Нордовъ, (нынѣшній протоіерей волог. каѳедр. собора).

(**) Нижесообщаемыя свѣдѣнія о пребываніи въ Вологдѣ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, заимствованы изъ статьи: «Историческая записка о губернскомъ городѣ Вологдѣ,» напечатанной въ Памятной книжкѣ волог. губерніи на 1861 годъ. Къ этой статьѣ редакція прибавляетъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ достовѣрныхъ источниковъ.

ными воротами(*), нарочно для сей цѣли устроенными, изволилъ проѣхать въ домъ начальника губерніи, гдѣ былъ встрѣченъ вологодскимъ гражданскимъ губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Стопинскимъ, губернскимъ предводителемъ дворянства Бограковымъ и завѣдывавшимъ выдѣломъ Корабельныхъ рощъ, генералъ-лейтенантомъ Паренсовымъ. При въѣздѣ на дворъ, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО привѣтствовала выстроенная на дворѣ для почетнаго караула рота солдатъ, во главѣ которой находился Окружный генералъ III Округа Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи генералъ-маіоръ Кобелевъ. Выслушавъ рапортъ начальника губерніи и поздоровавшись съ солдатами, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ войти въ приготовленные для Него въ бель-этажѣ покои и нѣсколько времени отдыхать.

Въ началѣ 11-го часа ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ принимать представителей вологодскаго дворянства и купечества и вѣдомствъ военнаго, гражданскаго, лѣснаго и другихъ.

За нѣсколько минутъ до представленія, губернскій предводитель дворянства, чрезъ графа Адлерберга 2-го, былъ приглашенъ во внутреннie покои (кабинетъ) ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и встрѣченъ милостивыми словами: «*Я исполнилъ Свое обѣщаніе быть у васъ*» (**). На это губернскій предводитель отвѣчалъ: «мы давно уже ожидали этого счастливаго времени—

(*) Эти тріумфальныя ворота устроены были на срединѣ площади между торговыми рядами, у окончностей бульваровъ. Такъ какъ Высочайшее прибытіе въ Вологду ожидаемо было на канунѣ 15 Іюня, то вечеромъ 14 Іюня эти тріумфальныя ворота и соборная колокольня были иллюминованы. Народъ въ безчисленномъ множествѣ толпился всю ночь около этихъ воротъ и по тѣмъ улицамъ, по которымъ надлежало проѣзжать ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.—

(**) Это обѣщаніе ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ благоволилъ выразить 27 Августа, 1856 года, на другой день послѣ коронованія, при представленіи ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ губернскихъ градскихъ головъ. При этомъ случаѣ Вологодскій градскій голова, 2 гильдіи купецъ Бѣлозеровъ имѣлъ счастіе поднесть ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ изготовленную усердіемъ вологодскаго купечества икону и вмѣстѣ хлѣбъ-соль. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, при поднесеніи св. иконы перекрестясь и поцѣловавъ изображеніе на ней святителя, изволилъ принять оную; а по принятіи хлѣба-соли, изволилъ сказать: «*Я буду у васъ въ Вологдѣ.*» «См. Волог. Губ. Вѣдом. 1856 г. № 36, часть неоффиц. въ статьѣ; «Губернскія извѣстія.»

видѣть у себя ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО.» ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ продолжалъ: «*Вологодское дворянство всегда отличалось своею преданностію къ Престолу, а потому Я вполнѣ увѣренъ, что и въ настоящее время, въ общемъ дѣлѣ, оно, по мѣрѣ силъ, будетъ споспѣшествовать исполненію Моихъ предначертаній.*» Губернскій предводитель отвѣчалъ: «Вологодское дворянство всегда готово исполнить благія предначертанія ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и въ настоящемъ дѣлѣ не станетъ въ ряду послѣднихъ губерній; мы уже имѣли счастіе доказать любовь къ своему ГОСУДАРЮ и преданность Его Престолу, сформировавъ въ минувшую войну полный комплектъ офицеровъ на десять дружинъ изъ трехъ дворянскихъ уѣздовъ.»

Потомъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, выйдя въ пріемную залу къ дворянамъ, былъ такъ милостивъ, что почти каждаго удостоилъ разговоромъ и въ заключеніе сказалъ: «*Господа! Я радуюсь, что вы совершенно сочувствуете Моимъ желаніямъ и будете способствовать общей пользѣ по крестьянскому дѣлу, и тѣмъ улучшите бытъ крестьянъ вашихъ, нераздѣльно съ общею выгодою.*»

Точно также Всемилостивѣйшаго вниманія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА удостоились представители военнаго, гражданскаго и лѣснаго вѣдомствъ.

За тѣмъ, обратившись къ представителямъ купечества, ГОСУДАРЬ изволилъ принять поднесенную ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ градскимъ головою хлѣбъ-соль и коммерціи совѣтникомъ А. О. Витушешниковымъ серебряную ручонку съ поляничнымъ варенъемъ. Ручонка эта была приготовлена для ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА еще въ 1837 году, въ которомъ ожидали ЕГО, тогда ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА, прибытія въ Вологду (*).

(*) Въ 1837 г. прибытіе ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА въ Вологду было от-

Обратившись къ служащимъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ соизволилъ почетнаго попечителя гимназіи Брянчанинова спросить: «*Сколько воспитанниковъ?*» и «*не распущены ли они?*» и на отвѣтъ его: «186» и «не распущены, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО,» Всемилостивѣйше изволилъ прибавить: «*Я у тебя непремѣнно буду.*»

За тѣмъ, въ сопровожденіи Свиты и представлявшихся ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ лицъ, ГОСУДАРЬ изволилъ отправиться въ каѳедральный Софійскій соборъ къ литургіи(*), которая соборнѣ совершена была Преосвященнѣйшимъ Христофоромъ, епископомъ вологодскимъ и устюжскимъ.

По возвращеніи изъ собора, ГОСУДАРЬ изволилъ на плацъ-парадѣ произвести смотръ вологодскому гарнизонному баталіону и, оставшись совершенно довольнъ, изволилъ благодарить военное города Вологды начальство и солдатъ, и каждому изъ нихъ пожаловалъ по 50 коп., а ротѣ, составлявшей почетный караулъ при Особѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, по 1 руб. сер.

Послѣ смотра, изволивъ зайти на короткое время въ приготовленныя для ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА комнаты и переодѣвшись,

---

мѣнено по причинѣ господствовавшей тогда въ Вологдѣ и ея окрестностяхъ епидеміи (корь). См. «Русскій Архивъ,» издан. въ Москвѣ, 1866, годъ третій, въ статьѣ: «Замѣтки и дополненія Вологжанина объ А. П. Мельгуновѣ,» стран. 923 и 924, примѣч.

(*) Передъ входомъ въ соборъ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО встрѣченъ былъ у крыльца соборнаго Преосвященнѣйшимъ Христофоромъ въ сопровожденіи всего градскаго духовенства. Литургію, вмѣстѣ съ преосвященнымъ совершали: ректоръ семинаріи Спасоприлуцкій архимандритъ Ювеналій, инспекторъ сем. Спасокаменскій архим. Діонисій, каѳедр. протоіерей В. Нордовъ и ключарь соб. протоіерей Никиф. Иконниковъ. Во время литургіи ГОСУДАРЬ стоялъ близъ перваго южнаго столба (съ сѣверной его стороны): на этомъ мѣстѣ, въ 1860 году, на память Высочайшаго посѣщенія собора, поставлена въ особомъ, изящно устроенномъ, помѣщеніи икона Св: Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, подъ которою въ овальномъ клеймѣ изображена слѣдующая надпись: «Во славу Господа Бога, «во Святой Троицѣ славимаго, на воспомнианіе пребыванія въ г. Вологдѣ Бла«гочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего «ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА и Высочайшаго присут«ствія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на семъ мѣстѣ святаго храма сего, при совершеніи «Божественныя литургіи мѣсяца Іюня 15 дня, 1858 года, поставлена сія икона «Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, при преосвященномъ Христофорѣ, «Епископѣ Вологодскомъ и Устюжскомъ, 6-го Августа, 1860 года.»—

ГОСУДАРЬ, въ началѣ 2-го часа по полудни, осчастливилъ Своимъ посѣщеніемъ духовную семинарію. При входѣ въ семинарскій корпусъ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ пожаловать въ залъ, гдѣ собранные воспитанники всѣ, какъ казеннокоштные, такъ и своекоштные, въ однообразной одеждѣ, въ числѣ пяти сотъ человѣкъ, встрѣтили ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО пѣніемъ церковной пѣсни: «Царю небесный.» Когда ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ обратиться къ воспитанникамъ съ словами: «*здравствуйте, дѣти!*», они отвѣтствовали ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ скромнымъ поклономъ. За тѣмъ ректоромъ семинаріи представлены были ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ наставники семинаріи, при чемъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было спросить: «въ какой академіи они воспитывались?» Потомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ были указаны отдѣльно ученики казеннокоштные, при чемъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ спросить: «*Сколько всѣхъ учениковъ, сколько оканчивающихъ курсъ въ богословскомъ классѣ, и какое назначеніе имѣетъ эта зала?*» По выходѣ изъ зала, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО посѣтилъ семинарскую библіотеку, изволилъ обозрѣвать классы, комнаты для домашнихъ занятій учениковъ, семинарское правленіе, канцелярію, дортуары(*), ученическую столовую и больницу; изволилъ также посѣтить и квартиру ректора отъ первой комнаты до послѣдней. Всѣ помянутыя помѣщенія семинаріи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ обозрѣвать подробно и во время обозрѣнія изволилъ отзываться: «*хорошо, въ порядкѣ, опрятно, хорошее заведеніе;*» между тѣмъ изволилъ спрашивать ректора: «*въ какомъ состояніи нравственность и успѣхи учениковъ?*» а по окончаніи всего

(*) При проходѣ чрезъ дортуары, ректоръ семинаріи имѣлъ случай (по поводу находившагося тутъ экономa семинаріи, іеромонаха Виталія, природнаго Зырянина) доложить ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, что въ вологодской семинаріи преподается между прочимъ мѣстный языкъ Зырянскій. При этомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было спросить: «*къ какому семейству языковъ принадлежитъ языкъ Зырянскій,*» и потомъ отъ позваннаго наставника Зырянскаго языка милостиво выслушать отвѣтъ на этотъ вопросъ и нѣсколько фразъ на Зырянскомъ языкѣ, переведенныхъ на русскій.—

обзора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ выразить такой общій отзывъ: «*Очень хорошо устроена семинарія.*»

Потомъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ осчастливилъ Своимъ посѣщеніемъ губернскую гимназію. По прибытіи въ гимназію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, директоръ гимназіи и училищъ статскій совѣтникъ Латышевъ встрѣтилъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО у подъѣзда, отрапортовалъ о благосостояніи вологодской дирекціи училищъ и имѣлъ счастіе представить всеподданнѣйшій о томъ рапортъ, который ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ передать сопровождавшему Его генералъ-адъютанту графу Адлербергу 2, и, вступивъ въ публичный залъ, гдѣ были собраны всѣ преподаватели и всѣ воспитанники, изволилъ спросить директора о служащихъ: «*это преподаватели?*» По утвердительномъ отвѣтѣ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО привѣтствовалъ ихъ поклономъ, и, обратясь къ воспитанникамъ, поздоровался съ ними словами: «*Здравствуйте, дѣти!*», на что тѣ отвѣтствовали въ одинъ голосъ: «Здравія желаемъ, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!» За тѣмъ директоръ доложилъ о причинѣ раздѣленія воспитанниковъ на двѣ колонны, то есть, что одни пансіонеры, живущіе въ заведеніи и имѣющіе всѣ одинаковую одежду, а другіе—приходящіе, изъ которыхъ каждый экипируется родителями, смотря по средствамъ; потомъ на вопросъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА: «*Отъ чего у иныхъ воротники съ петлицами, а у другихъ безъ петлицъ?*», отвѣчалъ, что недостаточнымъ дозволяется довольствоваться форменнымъ сюртукомъ. Послѣ этого ГОСУДАРЬ изволилъ войти въ физическій кабинетъ, пройти по всѣмъ классамъ, подняться въ гимназическую церковь, осмотрѣть компату для занятій и столовую пансіонеровъ. Во время этого обзора благоволилъ разспрашивать директора: «*сколько всѣхъ учащихся, сколько въ каждомъ классѣ, хорошо ли учатся и ведутъ себя воспитанники;*» въ столовой изволилъ спросить: «*тутъ ли же они и занимаются,*» а въ церкви,

которая не велика: «*помѣщаются ли въ ней всѣ пансіонеры;*» также: «*давно ли отстроенъ настоящій домъ, сухо ли въ немъ и тепло ли?*» На вопросъ о поведеніи учащихся директоръ отвѣчалъ: «благодарю Бога», а на вопросъ объ успѣхахъ: «изъ тринадцати кончившихъ теперь курсъ, восемь поступаетъ въ университетъ, и двое въ уѣздные учители;»—на всѣ прочіе вопросы далъ удовлетворительные отвѣты и численныя показанія. На возвратномъ пути, въ залѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ обратиться къ воспитанникамъ съ незабвенными для нихъ навсегда словами: «*учитесь, дѣти; Я надѣюсь, что вы будете полезны отечеству: слышите ли?*»—На что воспитанники отвѣчали: «рады стараться.» Послѣ чего ГОСУДАРЬ привѣтствовалъ воспитанниковъ поклономъ, благоволилъ спуститься по парадной лѣстницѣ въ нижній этажъ, и, осмотрѣвъ дортуары, изволилъ оставить гимназію.

Потомъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ осматривать всеградскую церковь Спаса Всемилостиваго, гдѣ преосвященный Христофоръ благословилъ ГОСУДАРЯ образомъ Спасителя.

За симъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО посѣтилъ городскую больницу, гдѣ, послѣ рапорта смотрителя больницы, Всемилостивѣйше изволилъ спросить у него: «*много ли военныхъ?*» а при обходѣ у нѣкоторыхъ больныхъ спрашивалъ: «*военные ли они?*» Изъ больницы ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ отправиться въ домъ, гдѣ помѣщались увѣчные инвалиды и богадѣленные; войдя въ комнату, гдѣ находились инвалиды, ГОСУДАРЬ у двухъ изъ нихъ изволилъ спросить фамиліи и гдѣ они служили, а у одного инвалида: «*почему у него ноги отняты,*» потомъ спросилъ у всѣхъ инвалидовъ: «*хорошо ли имъ жить.*» Изъ больницы ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ отправиться пѣшкомъ въ домъ страждущихъ душевными болѣзнями и осматривать оный.

Потомъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ посѣтить женское перворазрядное училище для дѣвицъ, открытое на канунѣ (14 Іюня), въ ознаменованіе всерадостнѣйшаго посѣщенія Вологды ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, въ классахъ котораго были собраны какъ 30 дѣвицъ, записанныхъ въ число воспитанницъ въ теченіе двухъ первыхъ сутокъ со дня полученія разрѣшенія на открытіе училища, т. е. 13 и 14 Іюня, такъ питомицы Дѣтскаго Пріюта, дабы не утруждать ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО переходомъ изъ каменнаго дома въ деревянный, гдѣ помѣщался Дѣтскій Пріютъ. У подъѣзда встрѣтилъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА директоръ гимназіи, а исправляющая должность попечительницы Пріюта, дочь гражданскаго губернатора, дѣвица Е. Ф. Стопинская, въ залѣ, гдѣ помѣщались воспитанницы Пріюта, и избранная для ближайшаго завѣдыванія новооткрытымъ училищемъ, вдова надворнаго совѣтника г-жа Дозе—въ залѣ, гдѣ помѣщались новопоступившія дѣвицы училища. Исправляющая должность попечительницы Пріюта имѣла счастіе вручить ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ всеподданнѣйшій рапортъ о благосостояніи заведенія, принимая который, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ благоволилъ спросить: «*по Пріюту?*» и удостоилъ благосклоннаго разспроса: «въ какомъ домѣ помѣщается Пріютъ, какія имѣетъ средства существованія, также о числѣ призрѣваемыхъ, приходятъ ли они утромъ и уходятъ вечеромъ, или «есть живущіе, и сколько такихъ»—Исправляющая должность попечительницы на все дала положительныя отвѣты и численныя показанія. Въ отдѣленіи новаго училища для образованія дѣвицъ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ обращаться къ гражданскому губернатору, директору и г-жѣ Дозе съ вопросами о времени открытія училища, о числѣ ученицъ, о томъ, когда онѣ поступили и когда начнется ученье, будутъ ли ученицы имѣть однообразную одежду и какую именно. Двухъ ученицъ осчастливилъ вопросомъ объ ихъ фамиліяхъ.

Оставивъ женское училище, и посѣтивъ вслѣдъ за симъ Скулябинскую и Витушешниковскую богадѣльни, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО благоволилъ, въ 3½ часа по полудни прибыть съ Своею свитою на выставку сельскихъ и другихъ произведеній вологодской губерніи, устроенную въ зданіи, предназначенномъ для помѣщенія гарнизоннаго баталіона, съ цѣлію—представить благосклонному воззрѣнію ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА произведенія посѣщаемой Имъ мѣстности. Хотя краткость времени не позволила представить совершенно полнаго собранія всѣхъ произведеній природы, хозяйства и промышленности края,—при всемъ томъ на выставкѣ находилась большая часть произведеній, которыми изобилуетъ вологодская губернія, въ сыромъ и обработанномъ видѣ, такъ что, обозрѣвъ выставку, АВГУСТѢЙШІЙ МОНАРХЪ легко могъ узнать, чѣмъ богатъ край, который Онъ осчастливилъ Своимъ пріѣздомъ, и чего ему не достаетъ.

По прибытіи на выставку, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ встрѣченъ былъ ея распорядителемъ, управляющимъ сѣверною учебною фермою, надворнымъ совѣтникомъ Кеномъ, къ которому обратился съ милостивымъ вопросомъ о мѣстѣ нахожденія сѣверной фермы, ея разстояніи отъ г. Вологды и пользѣ, ею приносимой. Получивъ надлежащее объясненіе, ГОСУДАРЬ вошелъ въ залы выставки и удостоилъ Высочайшаго вниманія почти всѣ, находившіяся тутъ, въ количествѣ 790 предметовъ, произведенія(*).

По обозрѣніи выставки, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, въ сопровожденіи пріѣхавшихъ съ Нимъ лицъ Свиты и начальника губерніи, при безчисленномъ множествѣ народа, изволилъ возвратиться въ Свою квартиру.

(*) Здѣсь, ради краткости, исключаемъ изъ статьи подробный перечень сельскохозяйственныхъ и другихъ произведеній вологодской губерніи.

Въ 5 часовъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ кушать; къ столу удостоились счастія быть приглашенными, кромѣ Его Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго и Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, преосвященный Христоферъ, начальникъ губерніи, губернскій предводитель дворянства Бограковъ, генералъ-лейтенантъ Паренсовъ, генералъ-маіоръ Кобелевъ, исправляющій должность вице-губернатора Пейкеръ и жандармскій штабъ-офицеръ Либгартъ.

Около 9 часовъ вечера, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ удостоилъ Своимъ присутствіемъ данный въ домѣ Дворянскаго Собранія здѣшнимъ дворянствомъ и купечествомъ балъ, на которомъ пробылъ, къ общей для всѣхъ радости, около часу. На этомъ балѣ Всемилостивѣйше удостоены были счастія танцовать съ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ польскій— супруга губернскаго предводителя дворянства Боградова, супруга генералъ-лейтенанта Паренсова, супруга генералъ-маіора Кобелева и супруга уѣзднаго предводителя дворянства, камеръ-юнкера князя Волконскаго.

Провожая ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА изъ Собранія, супруга губернскаго предводителя, вмѣстѣ съ обществомъ, въ краткихъ словахъ благодарила ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО за то высокое счастіе, котораго Онъ удостоилъ всѣхъ Своимъ посѣщеніемъ, на что ГОСУДАРЬ изволилъ благосклонно сказать: *«равно благодарю и васъ; Я надѣюсь еще быть у васъ.»*

Возвратившись изъ Собранія въ Свою квартиру, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ соизволилъ оставаться въ ней еще полтора часа.

Оставляя городъ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ пріемной залѣ занимаемаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ дома, съ милостивою благосклонностію изволилъ сказать губернскому предводителю: *«Благодарю все дворянство въ лицѣ вашемъ, равно прошу васъ передать Мою признательность хозяйкамъ бала*

Мнѣ ничего не остается болѣе, какъ повторить слова Моего Дяди.» Эти слова въ Бозѣ почившаго Александра I, вырѣзанныя золотыми буквами на мраморной доскѣ въ залѣ Дворянскаго Собранія, слѣдующія: «Все, видѣнное Мною въ Вологдѣ, далеко превзошло Мое ожиданіе.»

Въ половинѣ 12 часа по полудни, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, вмѣстѣ съ Свитою, сопровождаемый безчисленною толпою народа, при громкихъ крикахъ *ура*, изволилъ по иллюминованнымъ улицамъ выѣхать изъ города и отправиться въ дальнѣйшій путь по Архангельской дорогѣ.—

Приступаемъ къ второму отдѣлу настоящей статьи,—къ извѣстіямъ о пребываніяхъ въ Вологдѣ, кромѣ царственныхъ особъ, другихъ замѣчательныхъ лицъ историческихъ. Такихъ лицъ насчитано нами до нынѣшняго столѣтія шесть, а именно:

1.) Князь Константинъ Іоанновичъ Острожскій, знаменитый на полѣ брани и въ лѣтописяхъ Православія, плѣнникъ русскій послѣ славной битвы при Ведроши.

2.) Архимандритъ Осодоритъ, просвѣтитель Лапландіи Христіанскою вѣрою;

3.) Митрополитъ новгородскій, (впослѣдствіи Патріархъ всероссійскій), Никонъ;

4) Бояринъ и другъ Царя Алексія Михайловича, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ;

5.) Іеромонахъ, (впослѣдствіи Митрополитъ ростовскій) Арсеній Мацѣевичъ извѣстный своимъ протестомъ по дѣлу объ отобраніи монастырскихъ имѣній при Императрицѣ Екатеринѣ II и плачевнымъ концомъ своей жизни;

(*) См. начало и продолженіе въ №№ 9, 10 и 11, Епарх. Вѣд. сего года.

6) Графъ Іоаннъ-Эрнестъ Минихъ, сынъ знаменитаго фельдмаршала Императрицы Анны Іоанновны.

Вотъ найденныя объ этихъ лицахъ свѣдѣнія: (*)

* *
*

Князь Константинъ Іоанн. Острожскій въ Вологдѣ.

Въ 1495 году, Вел. Князь Литовскій Александръ Казимировичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Вел. Князя Московскаго Іоанна III, Еленою. Однимъ изъ главныхъ условій брачнаго договора съ обѣихъ сторонъ клятвенно утвержденнаго, было между прочимъ, то, чтобы Княгиня Елена находясь въ Литвѣ, не была стѣсняема въ отправленіи обрядовъ православной вѣры и не была принуждаема къ ея перемѣнѣ. Условіе это Литовскимъ Княземъ не было исполнено: усердно преданный Римскому Двору, Александръ не только дозволилъ въ своемъ княжествѣ гоненіе послѣдователей православія, но и самую супругу принуждалъ къ перемѣнѣ вѣры. Слѣдствіемъ этой неблагоразумной политики его было то, что Князь Московскій послѣ тщетныхъ стараній образумить зятя, послалъ наконецъ ему *складную грамоту, т. е, сложивъ съ себя крестное цѣлованіе*, объявилъ ему войну за принужденіе Княгини Елены и всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ въ Литвѣ къ латинству. Эта война была для Литвы несчастлива, не смотря на то, что силами ея главнопачальствовалъ вождь знаменитый на полѣ брани, Князь Константинъ Іоанновичъ Ост-

---

(*) Предваряемъ читателей, что свѣдѣнія эти большею частію весьма отрывочны, а нѣкоторыя состоятъ только въ томъ, что въ такомъ-то году, по такому-то случаю, былъ такой-то въ Вологдѣ. Но, кажется, незазрительно и этого рода свѣдѣнія внести въ лѣтопись Вологды, по тому же побужденію, по которому всякій изъ насъ любитъ хранить воспоминанія о своихъ, хотя бы случайныхъ и притомъ особенныхъ неизвѣстныхъ, встрѣчахъ съ людьми значительными, или по которому каждый домовладѣлецъ, удостоившись посѣщенія въ своемъ домѣ отъ какого-либо важнаго лица, потомъ съ нѣкоторою гордостію разсказываетъ тому своимъ знакомымъ.

рожскій. (*) Прекратившая эту войну битва при рѣчкѣ Ведроши (Смоленск. губерн. въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, 14 Іюля, 1500 года) окончилась славною побѣдою русскихъ и взятіемъ въ плѣнъ самого Князя Острожскаго со многими другими знатными Литовцами, со всѣмъ обозомъ и артиллеріею. (**)

Привезенные въ Москву, плѣнники Литовскіе были отсюда разосланы по городамъ; князь Острожскій былъ отправленъ въ оковахъ въ Вологду, въ которой держали его крѣпко, но поили и кормили довольно. Вотъ объ этомъ слова русской лѣтописи:

«... Князь Великій розосла всѣхъ князей Литовскихъ и пановъ по городомъ въ заточеніе; а князя Констянтина Острожскаго, *оковавъ, посла въ заточеніе на Вологду*, и велѣлъ его не нужно держати, и поити и кормити довольно; а инымъ воеводамъ и княземъ и паномъ кормили по полуденгѣ на день, а князю Констянтину Острожскому кормили *по четыре алтына на день.*»(***)

Заточеніе князя Острожскаго въ Вологдѣ продолжалось около шести лѣтъ, до осени 1506 года. Въ этомъ году (18 Октября) онъ, давъ преемнику Іоанна III, В. Князю Василію присягу на подданство Россіи, (****) къ чему безуспѣшно скло-

---

(*) Впослѣдствіи Князь Константинъ Острожскій прославился своими воинскими дарованіями въ тридцати битвахъ, счастливыхъ для оружія Литовскаго. Ист. Гос. Росс. т. VI, гл. VI, стр. 185.

(**) Ист. Гос. Росс. т. VI, гл. VI. стран. 185, 186, описан. Ведрошск. битвы.

(***) Архангел. Лѣтописецъ стран. 207 и 208. И такъ содержаніе князя Острожскаго въ Вологдѣ стоило по 3 руб. 60 коп. въ мѣсяцъ. При этомъ вѣроятно многіе спросятъ: возможно ли было на эту сумму «поить и кормить князя довольно»? Для такихъ любопытныхъ выписываемъ нѣсколько цифръ цѣнъ на разныя жизненныя потребности въ Вологдѣ въ XVII столѣтіи: пшеницы четверть 60 коп.; ржи четверть—30 коп.; ячменя четверть—20 коп.; пшена сороч. фунтъ 3 коп.; говядины туша—70 коп.; масла коров. пудъ 45 коп.; семги пудъ—45 коп.; вина горяч. ведро—50 коп.; романеи ведро 1 руб.; меду пудъ—75 коп.; яицъ куриц. сто—6 коп.; огурцовъ тысяча—20 коп.; свѣчъ сальн. пудъ 80 коп. См. Памятн. книжк. Волог. губ. на 1862 и 1863 г. въ статьѣ: «О цѣнахъ въ Вологдѣ и проч.»...

(****) Ист. Гос. Росс. т. VII, прим. 24., гдѣ приводится крестоцѣловальная запись князя Острожскаго на вѣрность Князю Василію.

нялъ его Іоаннъ III, (*) получилъ свободу, санъ воеводы и земли. Но присяга его была неискренняя; вскорѣ онъ измѣнилъ ей и въ 1503 году нашелъ случай убѣжать изъ Москвы въ Литву. (**)

* *
*

Архимандритъ Осодоритъ, просвѣтитель Лапландіи Христіанскою вѣрою, въ Вологдѣ.

Вологда видѣла этого ревностнаго проповѣдника вѣры Христовой въ послѣдніе годы его многотрудной жизни, во время пребыванія его на покоѣ въ Вологодскомъ Спасоприлуцкомъ монастырѣ, съ 1561-го года, предположительно по 1577 годъ. Вотъ краткій очеркъ жизни этаго подвижника. (***)

(*) Польскій историкъ Стрыйковскій пишетъ, что Іоаннъ III склонялъ князя Острожскаго вступить въ русскую службу сперва добрыми увѣщаніями, а потомъ, не получивъ согласія, принуждалъ къ тому *«тяжкою неволею»* (подъ тяжкою неволею историкъ вѣроятно разумѣетъ заточеніе въ отдаленной Вологдѣ); что кн. Острожскій наконецъ согласился на подданство Россіи, но согласился *«нечистосердечно, съ умысломъ»* измѣнить. Вотъ подлинныя слова Стрыйковскаго въ славянскомъ переводѣ: «Егда не можаше добротою, тогда тяжкою неволею въ вѣрности ко крестному цѣлованію Московскій Князь (князя Острожскаго) принуждалъ, еже по семъ, аще и отъ неправаго сердца, сотвори (кн. Острожскій) умыслъ, и бѣ одаренъ княжьскими имѣніи въ Москвѣ, и вели брани съ Татары имѣлъ и побѣждалъ». Ист. Гос. Росс. т. VI, примѣч. 491.

(**) Ист. Гос. Росс. т. VII, стран. 11. Ист. Росс. Солов. т. V, стр. 313, прим. 318.—Для полноты извѣстій о пребываніи въ Вологдѣ князя Острожскаго, не можемъ не упомянуть и того, что сообщаетъ объ этомъ пребываніи Князь Курбскій. Онъ пишетъ, что князь Острожскій, сосланный въ Вологду Іоанномъ III, подружился(?) тамъ съ Св. Димитріемъ Прилуцкимъ, который будто бы и освободилъ его отъ заточенія. «Той святый (говоритъ Курбскій) князя Константина (Острожскаго) отъ многолѣтныхъ его веригъ свободилъ, ими же былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, и изсохшія уже ему руцѣ прикосновеніемъ своимъ исцѣлилъ, яко и здѣ (въ Польшѣ) уже Князь сей зѣло Святаго прославлялъ и любовь къ нему велію имѣлъ до преставленія своего». (См. Ист. Гос. Росс. т. VII, примѣч. 24.)—Преподобный Димитрій Прилуцкій преставился въ 1392 году, слѣдоват. за *сто восемь лѣтъ* до ссылки князя Острожскаго въ Вологду. Курбскій могъ не знать и, вѣроятно хорошо не зналъ, хронологіи нашихъ святыхъ; по этому слышанное имъ о дружествѣ князя Острожскаго съ Преп. Димитріемъ Прилуцкимъ и понятое имъ буквально,—очевидно надобно понимать въ смыслѣ иносказательномъ, т. е. этотъ набожный князь, во время своего заточенія въ Вологдѣ, часто обращался въ своихъ молитвахъ къ Препод. Димитрію Прилуцкому и испытавъ на себѣ благодатную силу этихъ молитвъ, до конца своей жизни хранилъ благоговѣйное уваженіе и любовь къ этому святому.—

(***) Свѣдѣнія о Осодоритѣ см. въ Ист. Русск. Церкви преосв. Филар. часть 3, стран. 51, 52, въ статьѣ: «Крещеніе Лонарей»: въ Ист. Госуд. Росс. Карамз. томъ IX, гл. IV, стран. 159, въ описаніи шестой эпохи казней Іоанна Грозн. въ 1577 г.: см. еще Сказанія Князя Курбскаго, изд. 2, 1842 г. стран. 126, 133, 139, и житіи священномученика Осодорита.

Воспитанникъ Соловецкой обители, съ тринадцатилѣтняго возраста посвятившій себя Богу, Ѳеодоритъ (происхожденіе его, мѣсто и время рожденія неизвѣстны) въ началѣ XVI-го столѣтія поселился на берегахъ р. Колы для безмятежнаго уединенія, провелъ здѣсь 20 лѣтъ съ однимъ старцемъ и, удостоенный сана священства въ Новгородѣ, возвратился на Колу, чтобы возвѣстить имя Христово погруженнымъ во тьму язычества обитателямъ Лапландіи. Старецъ занимался проповѣдію о Христѣ съ юношескимъ жаромъ ревности, научилъ Лопарей письменамъ, перевелъ на ихъ языкъ нѣсколько молитвъ. Бесѣда его была исполнена силы духовной, а нѣсколько знаменій еще болѣе укрѣпили дѣйствіе ея,-и Ѳеодоритъ въ одинъ разъ крестилъ до 2000 Лопарей. На Устьѣ р. Колы построилъ онъ храмъ и обитель во имя Св. Троицы (*). Строгость правилъ его была причиною того, что малодушные изгнали его изъ обители. Послѣ сего онъ два года былъ игуменомъ одного бѣднаго Новгородскаго монастыря, потомъ около пяти лѣтъ архимандритомъ Суздальскаго монастыря. Оклеветанный (въ 1554 г.) въ единомысліи съ Башкинымъ (**), заточенъ былъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ пробылъ 1½ года. Оправданный и освобожденный митрополитомъ Макаріемъ, отправленъ былъ (въ 1557 г.) Царемъ Іоанномъ Грознымъ въ Константинополь къ Патріарху и оттуда привезъ ему (въ 1561 г.) благословеніе духовнаго собора на титло Царя съ книгою «Вѣнчанія на царство.» По возвращеніи изъ Константинополя, Ѳеодоритъ удалился на пребываніе въ вологодскій Спасоприлуцкій монастырь, и несмотря на глубокую ста-

(*) См. Ист. Росс. Іер. нѣтъ свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ, а есть свѣдѣніе о другомъ Кольскомъ, также Троицкомъ монастырѣ, бывшемъ за сто верстъ за Колою, на рѣкѣ Печенгѣ, близъ Норвежской границы, у Норд-Капа, и основанномъ около 1533 года Прем. Трифономъ, который въ одно время съ Ѳеодоритомъ просвѣщалъ Лопарей Христіанскою вѣрою. См. Ист. Іер. ч. IV, стран. 579; «Кольскій, или Кольскопеченгскій монастырь».

(**) Ересь Матѳѣя Башкина состояла въ томъ, что онъ отвергалъ преданія отеческія и постановленія св. соборовъ; не признавалъ Сына Божія равнымъ Богу Отцу и отрицалъ таинства Евхаристіи и Покаянія.

рость, два раза путешествовалъ изъ Вологды къ любезнымъ дѣтямъ своимъ Лопарямъ. Когда, гдѣ и какъ Ѳеодоритъ окончилъ жизнь, достовѣрно неизвѣстно: по сказанію нѣкоторыхъ, онъ былъ, по повелѣнію Грознаго (около 1577 г.) утопленъ въ рѣкѣ за то, что дерзнулъ ходатайствовать о прощеніи князя Курбскаго, бывшаго нѣкогда его духовнымъ сыномъ; по другимъ извѣстіямъ, онъ, хотя и заслужилъ опалу царскую, мирно скончался въ уединеніи.

* *
*

Митрополитъ новгородскій, впослѣдствіи патріархъ всероссійскій, Никонъ, въ Вологдѣ.

Въ началѣ 1652 года, царь Алексѣй Михайловичъ, по совѣщаніи съ святѣйшимъ патріархомъ Іосифомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, указалъ: мощи священномученика Филиппа, бывшаго митрополита Московскаго, погребенныя сперва въ Тверскомъ Отрочѣ монастырѣ, гдѣ и замученъ былъ святитель - по повелѣнію Грознаго, а потомъ въ 1594 году перенесенныя въ Соловецкій монастырь, котораго нѣкогда былъ настоятелемъ усопшій,—возвратить въ Москву, въ первопрестольный храмъ Успенія. Митрополиту Новгородскому Никону поручено было отправиться въ Соловецкую обитель для препровожденія оттуда мощей Угодника Божія. Снаряжено было почетное посольство и 11-го Марта Государь выходилъ въ Успенскій соборъ на молебенъ, послѣ котораго отпустилъ Никона, въ сопровожденіи своего боярина князя Ивана Никитича Хованскаго, множества дворянъ, людей служилыхъ и богомольцевъ.(*) Путь посланныхъ назначенъ былъ чрезъ Вологду, чтобы отсюда, по вскрытіи рѣкъ, отплыть въ Бѣлое море. Въ Вологду прибыли они 18 Марта: объ этомъ заключаемъ изъ того, что въ этотъ день поднесена была митрополиту Никону

(*) См. «Житія Русскихъ святыхъ», соч. Муравьева, мѣсяцъ Январь, стран. 136 и далѣе.

отъ архіепископа вологодскаго Маркелла, по русскому обычаю, привѣтственная *сльбъ-соль*. «*Марта 18 дня: куплено въ относъ Новгороцкому Митрополиту Никону, пирогъ столовой, дано 5 алтынъ*», (записано въ приходорасходной книгѣ волог. архіер. дома 1652 года). Такъ какъ рѣки Вологда и Сухона вскрываются около половины Апрѣля, то митрополитъ Никонъ и спутники его пробыли въ Вологдѣ за половину этого мѣсяца, въ ней провели и день Св. Пасхи (бывшій 18 Апрѣля). Въ праздникъ Пасхи митрополиту Никону опять поднесенъ былъ отъ преосвященнаго Маркелла, по правиламъ стариннаго этикета, праздничный пирогъ. «*Апрѣля 15 дня* (велик. четвертокъ), *куплено къ святому Христову Воскресенію, въ относъ Новгороцкому Митрополиту Никону, пирогъ дано 5 алтынъ.*» Когда отправилось посольство изъ Вологды въ дальнѣйшій путь неизвѣстно; въ Соловецкій монастырь прибыло 3 Іюня(*).

* *
*

Боярин Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ Вологдѣ.

Этотъ добродѣтельный боярин, другъ царя Алексѣя Михайловича, воспитатель царицы Наталіи Кирилловны и благодѣтель народа (которому однажды Москвичи, въ знакъ признательности, подарили на фундаментъ его новаго дома камни съ могилъ своихъ отцовъ и дѣдовъ), подвергся, по смерти своего благодѣтеля Царя Алексѣя (скончъ. въ Январѣ 1676 г.), вслѣдствіе навѣтовъ злыхъ людей, тяжкой опалѣ: лишенный боярства и всего имѣнія, былъ сосланъ въ заточеніе въ г. Пустозерскъ (Архангел. губерніи), гдѣ и томился, среди лишеній

(*) Въ обратный путь изъ Соловецк. монастыря со св. мощами отправились посланные 7-го Іюня; 10-го Іюня достигли устья рѣки Онеги; 20 Іюня прибыли въ Каргополь; отсюда шли сухимъ путемъ до Кириллобѣлоезерскаго монастыря и недалеко отъ него опять сѣли на суда и плыли рр. Шексною и Волгою до Ярославля. Изъ Ярославля, чрезъ Переяславль Залѣсскій и Троицкую Лавру, прибыли въ Москву 9-го Іюля.

всякаго рода, съ 1678(*) до 1680 года. Въ этомъ послѣднемъ году невинный узникъ, почти оправданный передъ царемъ, былъ освобожденъ изъ-подъ надзора и переведенъ на жительство въ г. Мезень (той же Арханг. губерн.), гдѣ и велѣно было ему оставаться впредь до разсмотрѣнія дѣла. Дѣло разсматривалось около двухъ годовъ; наконецъ въ 1682 году послѣдовалъ Царскій указъ—совершенно освободить Матвѣева, возвратить ему всѣ его вотчины, но до новаго указа, велѣть ему жить въ г. Лухѣ (Костромск. губерн.)(*)

На пути изъ Мезени въ Лухъ, Матвѣевъ былъ въ Вологдѣ въ концѣ Марта 1682 года, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая запись въ приходорасх. книгѣ волог. архіер. дома 1682 года: «*Марта 29 дня: колачнику Ермолѣ Казачкову*

(*) Годъ ссылки Матвѣева въ Пустозерскъ, не показанный ни въ одномъ изъ бывшихъ у насъ подъ рукою печатныхъ источниковъ (Истор. Росс. Соловьева, Словарь Достопам. людей Бантыша—Каменскаго и въ другихъ менѣе важныхъ сочиненіяхъ) мы выставили согласно найденному въ архивѣ г. Яренска документу, который сообщимъ ниже. Извѣстно, что, по смерти Царя Алексѣя Мих. опала на Матвѣева началась тѣмъ, что онъ сперва назначенъ былъ, какъ бы въ почетную ссылку, воеводою въ Сибирь, въ г. Верхотурье (отъ Москвы 2024 версты), куда и отправился въ сопровожденіи сына своего Андрея, учителя при немъ Поборскаго—польскаго шляхтича, священника Василія Черницова и 30 человѣкъ прислуги. На пути въ Сибирь, по новымъ происканъ недоброжелателей, Матвѣевъ былъ остановленъ въ г. Лаишевѣ (Казанск. губ.) и обратно привезенъ въ Казань. Здѣсь послѣ произведеннаго надъ нимъ суда и слѣдствія, объявленъ былъ ему царскій указъ, которымъ повелѣвалось—отнять у него боярство, все имѣніе и сослать на житье въ Пустозерскъ. Въ которомъ году состоялся этотъ указъ? Въ вышеозначенныхъ историческихъ сочиненіяхъ нѣтъ отвѣта; а вотъ что гласитъ упомянутый письменный документъ, найденный въ г. Яренскѣ и свидѣтельствующій о времени, въ которое везли въ Пустозерскъ чрезъ Яренскій уѣздъ Матвѣева и добровольныхъ участниковъ его заточенія, сына его и всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ. Документъ этотъ не что иное, какъ росписка въ полученіи денегъ, данная въ 1678 году Яренскому Земскому начальству тѣми извощиками, которые везли Матвѣева на своихъ подводахъ изъ Яренскаго уѣзда въ Пустозерскій острогъ.

«Се азъ Яковъ Ивановъ сынъ Одинцовъ, да Панкратьевъ сынъ Семенъ Малаѳіевыхъ, далъ есми сію отпись Устьвымскому земскому цѣловальнику Кирилу Аѳонасьевичу сыну Туркину въ томъ, что нанялись мы у него цѣловальника у Кирила Устьвымского да у Вожемского да у Шехапского, на своихъ лошадѣхъ везти стольника Гаврила Тухачевскаго и Артамона Матвѣева и сына ево Андрѣя и людей и запасы. И на тѣ подводы рядили шестьдесятъ рублевъ, двадцать пять алтынъ. И съ ево доли взяли ево повытку 17 рублевъ, 30 алтынъ, 4 денги: въ томъ и отпись дали: на то послухъ Аѳонасей Серебряниковъ. Писалъ отпись по ихъ велѣнью Коземка Тарховъ лѣта 7186 (1678) году, Марта въ 16 день».

Упоминаемый въ этой отписи Гаврила Тухачевскій былъ приставомъ Матвѣева въ Пустозерскѣ и вмѣстѣ воеводою этого города.

(**) См. Ист. Россіи Соловьева томъ XIII, стран. 236, 333, 345. Слов. Досто-

заплачено за пирогъ столовой, что у него взятъ и отнесенъ въ почесть Артемону Сергѣевичю Матвѣеву, какъ онъ ѣхалъ съ низу, 2 алтына».

* *
*

Іеромонахъ, впослѣдствіи митрополитъ Ростовскій, Арсеній Мацѣевичъ, въ Вологдѣ(*).

Въ 1737 году, въ мѣсяцѣ Декабрѣ, іеромонахъ Арсеній Мацѣевичъ, проѣзжая изъ Архангельска въ С.-Петербургъ(**), былъ въ Вологдѣ и являлся къ вологодскому преосвященному Амвросію Юшкевичу, бывшему членомъ Св. Синода. Этотъ случай бытности въ Вологдѣ и знакомства съ преосвященнымъ Амвросіемъ имѣлъ весьма важное значеніе въ жизни Арсенія, былъ причиною его быстраго возвышенія на служебномъ поприщѣ, такъ что черезъ три года послѣ того онъ, прямо изъ іеромонаховъ, посвященъ былъ въ санъ митрополита. Преосвященный Амвросій (съ 1740 года, по смерти Ѳеофана Прокоповича, архіепископъ Новгородскій и первенствующій членъ Св. Синода), узнавъ Арсенія, умѣлъ оцѣнить его просвѣщенный умъ и отличныя душевныя качества и сдѣлался его ревностнымъ покровителемъ. Когда въ 1741 году открылась митрополичья каѳедра въ Тобольскѣ, то первымъ кандидатомъ на эту каѳедру поставили Черниговскаго архимандрита Тимоѳея Максимовича, вторымъ—іеромонаха Арсенія Мацѣевича. Правительница Анна Леопольдовна, безъ сомнѣнія по вліянію преосвященнаго Амвросія, избрала послѣдняго. Посвященный въ митрополита, Арсе-

---

памятн. людей Бантышъ Каменск. часть III, стран. 290—300. —По смерти царя Ѳеодора Алекс. (27 Апр. 1682 г.) царица Наталія Кирилловна поспѣшила возвратить Матвѣева въ Москву, въ которую онъ прибылъ 12 Іюня, а 15 числа того же мѣсяца убитъ во время стрѣлецкаго бунта.

(*) Свѣдѣнія объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ заимствованы изъ статьи: «Іерархи Ростовско-Ярославской паствы», напечат. въ Яросл. Епарх. Вѣдом. 1862 года, №№ 34 и 39.

(**) Въ Архангельскѣ Арсеній Мацѣевичъ служилъ съ 1734 по 1737 годъ флотскимъ іеромонахомъ при эскадрѣ, назначавшейся въ Камчатскую экспедицію. Это было въ цвѣтущіе годы жизни Арсенія.

ній въ Тобольскѣ былъ менѣе года и въ 1742 г., 31-го Мая переведенъ на каѳедру Ростовской епархіи, которою и управлялъ мирно до роковаго 1763 года, въ которомъ, за смѣлый протестъ свой противъ отобранія въ казну монастырскихъ имѣній, онъ, по указу Императрицы Екатерины II, лишенъ былъ архіерейства и священства и, въ званіи простаго инока, сосланъ въ заточеніе въ Николаевскій Корельскій монастырь Архангельской епархіи. Когда же и тамъ продолжалъ утверждать свои прежнія мнѣнія, то лишенный и иноческаго сана, былъ переведенъ въ Ревельскую крѣпость, въ которой и скончался 28 Февраля 1772 года. При перемѣщеніи изъ Архангельска въ Ревель, Арсеній везенъ былъ (1-го Января, 1768 года) *чрезъ Вологду:* здѣсь послѣдовала смѣна сопровождавшаго его конвойнаго офицера(*).

*
* *

Графъ Іоаннъ-Эрнестъ Минихъ въ Вологдѣ.

Этотъ сынъ знаменитаго фельдмаршала графа Бурхарда—Христофора Миниха, по паденіи Правительницы Принцессы Анны Леопольдовны и по воцареніи Императрицы Елисаветы, подвергся одинаковой съ своимъ родителемъ и другими приверженцами предшествовавшаго правительства участи, т. е, лишенію чиновъ, имѣнія и ссылкѣ. Но, менѣе другихъ виновный въ сочувствіи честолюбивому замыслу Правительницы (провозгласить себя Императрицею) (**) и вѣроятно по родству съ однимъ изъ приближенныхъ Елисаветы, (***) онъ подвергся опалѣ менѣе тяжкой: тогда какъ главнымъ совѣтникамъ и помощникамъ Принцессы-фельдмаршалу Миниху, Остерману,

(*) Первый конвойный офицеръ при Арсеніѣ былъ маіоръ Тоузаковъ, принявшій его въ Архангельскѣ 28 Декабря 1767 года; въ Вологдѣ, смѣнилъ его другой офицеръ Христоферъ фонъ-Нолькенъ и сопровождалъ арестанта до Ревеля.

(**) Когда, по паденіи Анны, раздавали вины осужденнымъ въ ссылку, то графу Іоанну Эрнесту Миниху, за неимѣніемъ другихъ обвиненій, поставили въ вину то, что онъ *зналъ о намѣреніи* Правительницы объявить себя Императрицею.

(***) Въ супружествѣ за нимъ была баронесса Анна Доротея Менгденъ, родная сестра баронессы Авроры Менгденъ, бывшей за графомъ Лестокомъ, зейбъ-

Головкину и Лесвольду назначена была мѣстомъ ссылки отдаленная и безлюдная Сибирь, Минихъ-сынъ былъ сосланъ въ Вологду, могшую назваться столицею въ сравненіи съ Пелымомъ и Березовымъ. Въ Вологдѣ графъ Іоаннъ провелъ съ своимъ семействомъ въ грустномъ заточеніи цѣлые 20 лѣтъ, ежегодно получая отъ Высочайшаго Двора на содержаніе по 1200 рублей, (*) до воцаренія Императора Петра III, который возвратилъ ему свободу (**). Въ Вологдѣ скончались супруга графа и нѣкоторые изъ дѣтей: тѣла ихъ въ 1763 году, указомъ Императрицы Екатерины II, дозволено было перевезти въ Лифляндію (***). Скучные досуги пребыванія въ Вологдѣ графъ Минихъ между прочимъ посвящалъ литературнымъ занятіямъ и составилъ *Записки для* своихъ *дѣтей,* напечатанныя въ 1817 году, въ С. Петербургѣ (****). Въ годъ воцаренія Императрицы Елисаветы (1741), графъ имѣлъ отъ рожденія 32 года. По свидѣтельству его жизнеописателей, онъ одаренъ былъ отъ природы хорошими качествами, правомъ тихимъ, разсудкомъ основательнымъ; отличался примѣрною честностію, прямодушіемъ.

Теперь, по порядку нашего повѣствованія, сообщаемъ свѣдѣнія о пребываніяхъ въ Вологдѣ разныхъ замѣчательныхъ

медикомъ и любимцемъ Елисаветы Петровны. См. «Русскій Архивъ», изд. въ Москвѣ 1866 г., годъ третій, статья: «Случайные люди въ Россіи», стран. 456, прим.

(*) Минихъ-отецъ въ Сибири, въ г. Пелымѣ, получалъ на свое содержаніе ежедневно по 3 рубля, что составитъ въ годъ 1095 рублей.

(**) Свѣдѣніе о графѣ Іоаннѣ-Эрнестѣ Минихѣ заимствовано изъ Слов. Достопам. людей Бантышъ-Каменск. часть III, стр. 348 и 349.

(***) Это свѣдѣніе найдено въ архивѣ волог. консисторіи, въ указѣ Св. Синода отъ 1763 г., Октябр. 14, «о Высочайшемъ дозволеніи покойной жены графа Миниха тѣло и дѣтей ихъ тѣла, находящіяся въ Вологдѣ, перевезть въ Лифляндію», (вѣроятно въ помѣстье графовъ Минихъ, Лунію, близъ Дерпта, гдѣ покоится прахъ знаменитаго фельдмаршала.)

(****) Къ сожалѣнію, этихъ «Записокъ», которыя Бантышъ-Каменскій называетъ весьма любопытными, мы не имѣли случая видѣть и узнать ихъ содержаніе.

лицъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, начиная съ второй четверти этого столѣтія(**). Эти лица были слѣдующія:

* *
*

1. Павелъ Михайловичъ Строевъ,

извѣстный русскій ученый, незабвенный своими заслугами отечественной археологіи и археографіи. Онъ былъ въ Вологдѣ въ 1829 году, въ качествѣ начальника Археографической Экспедиціи, съ Высочайшаго разрѣшенія снаряженной въ 1828 году Императорскою Академіей Наукъ для осмотра всѣхъ старинныхъ библіотекъ и архивовъ Имперіи. Въ упомянутомъ 1829 году Экспедиція обозрѣла губерніи Вологодскую и Архангельскую. Въ Вологодской губерніи, г. Строевъ, съ двумя причисленными къ нему изъ вѣдомства Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сотрудниками, осмотрѣлъ библіотеки и архивы монастырей—Спасоприлуцкаго, Коряжемскаго, Устюжско-Архангельскаго и другихъ; сверхъ сего разобралъ архивы въ городахъ: Вологдѣ, Тотьмѣ, Устюгѣ, Сольвычегодскѣ и Яренскѣ.(*)—Обильна ли была археографическая жатва г. Строева въ нашихъ архивахъ? Вотъ цифры, показывающія число найденныхъ г. Строевымъ въ вологодскихъ архивахъ актовъ, (разумѣется, достойныхъ вниманія въ научномъ отношеніи), съ означеніемъ годовъ, къ которымъ они относятся:

	Число найден. актовъ:	Годы, къ которымъ акты относятся:
Въ архивѣ Спасоприлуцк. монастыря	31.	—1546—1694.
— — — Устюжскаго Арханг.	4.	—1610—1696.
— — — Коряжемскаго	12.	—1588—1691.

(**) За первую четверть, кромѣ Высочайшаго посѣщенія Вологды въ 1824 году, не имѣемъ свѣдѣній, посѣщали ли нашъ городъ какія либо замѣчательныя личности.

(*) См. Предисловіе къ первому тому Актовъ Археогр. Экспед., напеч. въ С.Пбургѣ, 1836 г. См. еще: «Отчеты о занятіяхъ и изданіяхъ Археограф. Коммиссіи за двадцатипятилѣтіе ея существованія (1834—1859 г.)», напеч. въ С.П.Б. 1860 г.

— — — Волог. архіерейскаго дома(*) 13.—1624—1694.
— — — Сольвычег. Введенскаго собора 2.—1607— —
— — — Успенск. Верховажск. собора 15.—1629—1696.

Итого: 77 актовъ.(**)

Только 77-мь актовъ: скудная жатва!... Но могла ли она и быть обильнѣе въ столь непродолжительное время археографическихъ работъ г. Строева съ сотрудниками? Если полагать по полугоду на обозрѣніе той и другой губерніи, то на разборъ каждаго архива этихъ губерній приходилось времени (за исключеніемъ дней переѣзда членовъ экспедиціи отъ одного архива до другаго) вѣроятно не болѣе двухъ недѣль: много ли можно было сдѣлать въ это время даже и въ трои руки?(***).....

* *
*

2. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.

Вологда была и родиною и мирнымъ пріютомъ, въ которомъ этотъ поэтъ-страдалецъ, постигнутый тяжкимъ недугомъ, провелъ послѣдніе двадцать два года своей жизни (съ 1833 по 1855 г.). Для чтителей памяти этого человѣка, котораго имя останется на всегда памятнымъ въ русской литературѣ, вмѣстѣ съ именемъ его знаменитаго современника и друга, Жуковскаго, не будетъ, думаемъ, излишнимъ, если сообщимъ здѣсь краткія свѣдѣнія о его жизни до прибытія въ Вологду и о послѣднихъ годахъ жизни его въ Вологдѣ.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился въ Вологдѣ, въ 1787 году. Образованіе получилъ онъ въ Петербургѣ, въ частномъ пансіонѣ г. Жакино, а службу свою началъ при Московскомъ Университетѣ, въ качествѣ письмоводителя при кураторѣ М. Н. Муравьевѣ, который былъ ему дядя. Онъ рано

(*) Подъ архивомъ архіерейскаго дома разумѣется архивъ вологодской консисторіи, находящейся въ оградѣ архіер. дома и въ связи съ нимъ.

(**) См. въ концѣ перваго тома Актовъ Археогр. Экси. «Таблицу библіотекъ и архивовъ, изъ которыхъ извлечены Акты Арх. Экспедиціи».

(***) На скудость здѣшнихъ архивовъ, особенно нѣкоторыхъ (Спасоприлуц. и консисторскаго), жаловаться нельзя: доселѣ отыскиваются въ нихъ документы, интересные не менѣе тѣхъ, которые найдены въ нихъ г. Строевымъ.

началъ заниматься литературой, и нѣтъ сомнѣнія, что много обязанъ развитіемъ вкуса къ ней просвѣщенному покровительству своего родственника. Батюшковъ не долго однакоже служилъ въ гражданской службѣ и поступилъ, въ 1806 году, въ Стрѣлковый баталіонъ петербургской милиціи, а въ 1807 году отправился въ походъ. Въ Гейльсбергскомъ сраженіи онъ былъ тяжело раненъ и долго страдалъ отъ этой раны, пріѣхалъ въ Петербургъ, былъ переведенъ въ гвардейскій Егерскій полкъ, потомъ служилъ въ Финляндіи, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, а по заключеніи мира опять перешелъ въ гражданскую службу, поступивъ библіотекаремъ въ Императорскую Публичную библіотеку. Въ концѣ 1812, или въ началѣ 1813 года онъ однакоже снова взялся за мечъ, поступивъ адъютантомъ къ генералу Бахметеву; но такъ какъ генералъ Бахметевъ, лишившійся ноги подъ Бородинымъ, не могъ нести боевой службы, то отправилъ его къ Н. Н. Раевскому, при которомъ Батюшковъ и состоялъ до самаго вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ. Изъ Парижа онъ ѣздилъ въ Лондонъ и оттуда возвратился въ Петербургъ моремъ. Въ 1816 году онъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ коллежскаго асссссора, и уже сильно страдалъ отъ разстройства первовъ. Для поправленія здоровья, Батюшковъ отправился въ Одессу, пользовался морскимъ купаньемъ, писалъ оттуда, 30 Іюня 1818 года, къ А. И. Тургеневу, и получилъ чрезъ его ходатайство мѣсто при русскомъ посольствѣ въ Неаполѣ, съ чиномъ надворнаго совѣтника. Но и благословенное небо Италіи не возстановило его силъ: онъ возвратился въ Россію больной, и уже почти ничего не писалъ. Послѣднимъ трудомъ его былъ переводъ двѣнадцати пьесъ изъ греческой антологіи. 1820 годъ былъ послѣднимъ годомъ его литературной дѣятельности: съ тѣхъ поръ онъ умеръ для насъ за-живо(*). . . .

(*) Предыдущія біографическія свѣдѣнія о Батюшковѣ взяты изъ статьи, напечатанной въ С.П.бургскихъ Вѣдом. 1855 года, по случаю смерти поэта. Даль-

Никто не думалъ, чтобы нервная болѣзнь, которою страдалъ Батюшковъ, могла когда нибудь повергнуть его въ ужасное психическое разстройство, которое открылось послѣ непродолжительнаго пребыванія его въ Италіи. Возвратившись, въ половинѣ 1820 года, изъ Неаполя въ Петербургъ, Батюшковъ не долго оставался въ немъ; по совѣту врачей и по собственному желанію, онъ отправился въ Крымъ, думая тамъ найти здоровье и силы. Но вскорѣ начали обнаруживаться у него признаки умственнаго разстройства. Въ Симферополѣ, вдали отъ друзей и знакомыхъ, страдалъ Батюшковъ; но, къ счастію, не долго. Одинъ изъ его родственниковъ отправился туда и почти насильно привезъ его въ Петербургъ. Кажется, что свиданіе съ друзьями, которые посѣтили его тотчасъ по пріѣздѣ, имѣло нѣкоторое вліяніе на больнаго; но, несмотря на это, онъ поселился вдали отъ шумной столицы, на Карповкѣ, вскорѣ отказался видѣть знакомыхъ и погрузился еще въ сильнѣйшую меланхолію; сестра его Александра Николаевна при первой вѣсти о прибытіи брата изъ Симферополя, прилетѣла въ Петербургъ и предложила ету отправиться за границу, въ надеждѣ, что лучшій климатъ, разсѣяніе и нѣжная ея заботливость отвратятъ отъ К. Н. тотъ смертельный ударъ, который ему грозилъ. Пожертвовавъ всѣмъ, она повезла брата, по совѣту врачей, въ Зонненштейнъ и Дрезденъ. Два года, проведенные внѣ отечества, не принесли облегченія Батюшкову; ни нѣжныя заботы сестры, ни совѣты лучшихъ Дрезденскихъ врачей, ничто не могло возстановить К. Н.; онъ погибъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, въ лучшую эпоху развитія своего таланта. Видя, что всѣ старанія напрасны, сестра Батюшкова вмѣстѣ съ нимъ возвратилась въ Россію. Это было въ концѣ 1828 года; Батюшкова, или лучше сказать, тѣнь его, привезли

нѣкія извѣстія заимствованы изъ записки о Батюшковѣ, составленной вскорѣ по смерти его однимъ изъ его родственниковъ и напечатанной въ Волог. Губернск. Вѣдом. 1855 г. №№ 42 и 43.

въ Москву и помѣстили у доктора Киліани, подъ надзоромъ тетки несчастнаго страдальца, К. О. Муравьевой; но Киліани, самъ больной человѣкъ, не хотѣлъ, или лучше сказать, не могъ надлежащимъ образомъ исполнить свою обязанность. Въ это время здоровье и моральныя силы К. Н. находились въ самомъ печальномъ состояніи; тѣмъ не менѣе, по пріѣздѣ роднаго своего брата Помпея Николаевича, страдалецъ узналъ его, спрашивалъ о прочихъ родныхъ и снова впалъ въ тоже положеніе; часто говорилъ съ своимъ камердинеромъ о родственникахъ, и когда слышалъ, что они далеко отъ него, то горько плакалъ. Бывало время, что болѣзнь его принимала страшный оборотъ, и въ эти минуты проклятія сыпались на все, что было мило и дорого Батюшкову въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ. Нравственное его разстройство усиливалось постоянно, чему много способствовало и дурное содержаніе и совершенное одиночество.

Наконецъ, въ началѣ 1833 года, одинъ изъ его племянниковъ, Г. А. Гревеницъ, пріѣхалъ въ Москву и убѣдившись, что для К. Н. необходимы постоянныя и неусыпныя попеченія, съ согласія роднаго дяди его Павла Львовича Батюшкова и К. Ѳ. Муравьевой, принялъ на себя успокоить страдальца, который и перевезенъ былъ имъ въ Вологду.

Между тѣмъ, съ пріѣзда изъ Италіи, Батюшковъ все еще считался на службѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и получалъ прежнее жалованіе. Въ 1833 году онъ былъ совершенно уволенъ отъ службы, и, по милости въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая Павловича, получалъ по смерть пенсіонъ въ 2000 рубл. сер. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ увѣдомило объ этой Монаршей волѣ покойнаго дядю поэта, сенатора Батюшкова: «Государь Императоръ,

по всеподданнѣйшему докладу г. Вице-Канцлера, въ 9 день Декабря, сего 1833 года, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: числящагося при миссіи Нашей въ Неаполѣ надворнаго совѣтника Батюшкова, и находящагося нынѣ по болѣзненному состоянію въ Россіи подъ опекою, не считать въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; а въ вознагражденіе прежней его 16-ти лѣтней усердной службы какъ военной, такъ и гражданской, и бытности его въ 1806, 1807, 1808, 1809, 1813 и 1814 годахъ въ походахъ и сраженіяхъ и полученной имъ раны въ ногу, пулею на вылетъ, и заслугъ, оказанныхъ имъ Русской литературѣ, производить ему по смерть изъ Государственнаго Казначейства сумму, равную достоинству оклада жалованья, которое онъ получалъ по Неаполитанской миссіи.»—Жуковскій принималъ немалое участіе въ исходатайствованіи этой послѣдней милости своему, столь рано отжившему, другу.

Съ этого времени Константинъ Николаевичъ до самой своей кончины жилъ въ Вологдѣ, въ домѣ Г. А. Гревеницъ, выѣзжая изъ города только на лѣтнее время, которое онъ любилъ проводить въ деревнѣ.

По пріѣздѣ въ 1833 году въ Вологду, К. Н. былъ почти неукротимъ и сильно страдалъ нервознымъ раздраженіемъ, малѣйшая бездѣлица приводила его въ изступленіе; но постоянно—кроткое, предупредительное обхожденіе постепенно смягчало старца. Душевное его разстройство было такъ велико что онъ боялся зеркалъ, свѣта свѣчи; а о томъ, чтобы увидѣть кого-нибудь, не хотѣлъ и слышать,—и въ эти печальные дни бывали съ нимъ ужасные пароксизмы: онъ рвалъ на себѣ платье, не принималъ никакой пищи и только спасительный сонъ укрощалъ его возмущенный организмъ.—Но за десять лѣтъ до смерти, начала въ немъ обнаруживаться значительная перемѣна къ лучшему: онъ сталъ гораздо кротче, общи-

тельнѣе, началъ заниматься чтеніемъ, и страсть его къ чтенію постоянно усиливалась до самой кончины. Любимыми авторами его были: М. Н. Муравьевъ, Карамзинъ, Измайловъ, Крыловъ, Капнистъ и Кантемиръ. Очень часто случалось, что онъ цитировалъ цѣлыя страницы изъ Державина на память, которая ему не измѣняла до послѣднихъ дней. Говоря о своихъ походахъ, онъ всегда вспоминалъ о Денисѣ Васильевичѣ Давыдовѣ, превозносилъ похвалами его историческую отвагу, съ грустью говорилъ о бывшихъ своихъ начальникахъ,—генералахъ Бахметевѣ и Раевскомъ и въ особенности о послѣднемъ. Изъ друзей своихъ чаще всего упоминалъ о Жуковскомъ, Тургеневѣ и князѣ Вяземскомъ, и всегда съ особенною любовію отзывался о Карамзинѣ и обо всемъ его семействѣ, которое называлъ роднымъ себѣ. Неизмѣнный въ любви своей къ природѣ, онъ не переставалъ жить ею: собираніе цвѣтовъ и рисованіе ихъ съ натуры составляло любимѣйшее его занятіе. Иногда выходили изъ-подъ его кисти и пейзажи; но что-то печальное отражалось на его рисункѣ и характеризировало его моральное состояніе. *Луна, крестъ* и *лошадь*—вотъ непремѣнныя принадлежности его ландшафтовъ. Глубокое знаніе языковъ французскаго и итальянскаго не оставляло его никогда, и весьма часто, сидя одинъ, цитировалъ онъ цѣлыя тирады изъ Тасса.

День его обыкновенно начинался очень рано. Вставалъ онъ часовъ въ 5 лѣтомъ, зимою же часовъ въ 7-мь, за тѣмъ кушалъ чай и садился читать, или рисовать; въ 10-ть часовъ подавали ему кофе и въ 12-ть онъ ложился отдыхать и спалъ до обѣда, т. е. часовъ до 4-хъ; опять рисовалъ, или приказывалъ приводить къ себѣ маленькихъ своихъ внуковъ, изъ которыхъ одного чрезвычайно любилъ, и когда тотъ умеръ, то горевалъ очень долго о потерѣ, какъ онъ самъ говорилъ, «своего маленькаго друга.» —Живя лѣтомъ въ деревнѣ, К. Н. одну только

ночь проводилъ въ домѣ, а прочее время постоянно гулялъ, и это движеніе много способствовало тому прекрасному состоянію его физическаго здоровья, которымъ онъ пользовался до послѣднихъ дней своей жизни.—

Современныя событія чрезвычайно занимали К. Н., и, читая газеты какъ русскія, такъ и иностранныя, изъ которыхъ особенно любилъ l' Indépendance Belge, онъ часто разбиралъ политику властителя Франціи, называлъ ее вѣроломною и постыдною, а въ особенности бранилъ Турокъ, которые, по мнѣнію его, возбудили тогдашнія кровопролитія. Имѣя предъ собою карту военныхъ дѣйствій, К. Н. шагъ за шагомъ разбиралъ всѣ дѣйствія союзныхъ армій. При этомъ онъ вспоминалъ свои походы въ Финляндію и любилъ говорить о сраженіяхъ подъ Гейльсбергомъ и Лейпцигомъ. Въ первомъ изъ нихъ онъ былъ раненъ въ ногу, во второмъ потерялъ своего друга, Петина.

Тифозная горячка, которая унесла въ могилу К Н., началась 27 Іюня (1855 года); но никто изъ окружавшихъ его не могъ думать, чтобы она приняла такой печальный исходъ. Въ періодъ времени отъ начала болѣзни до дня кончины К. Н. чувствовалъ облегченіе; за два дня до смерти даже читалъ самъ газеты, приказалъ подать себѣ бриться и былъ довольно веселъ; но на другой день страданія его усилились; пульсъ сдѣлался чрезвычайно слабъ, и 7-го Іюля Батюшковъ умеръ въ 5-ть часовъ по полудни; конецъ его былъ тихъ и спокоенъ. —10-го Іюля онъ погребенъ въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ со всѣми почестями, приличными его таланту и извѣстности и положенъ рядомъ съ вышеупомянутымъ маленькимъ внукомъ котораго столь нѣжно любилъ.

Такъ въ Вологдѣ угасъ (скажемъ словами самого Батюшкова) «*Пѣвецъ, достойный лучшей доли.*»(*)

* *
*

(*) Слова изъ стихотворенія Батюшкова: «Умирающій Тассъ».

3. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій и 4. Главноуправляющій Путей сообщенія и Публичныхъ зданій графъ Толь.

Были въ Вологдѣ лѣтомъ 1834 года, проѣздомъ на Кубенское озеро, для осмотра новоустроеннаго при истокѣ р. Сухоны изъ Кубенскаго озера шлюза, получившаго названіе «*Знаменитаго*»(*). Въ Вологдѣ между прочимъ посѣтили губернскую гимназію(**).

* * *

5. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, попечитель С.П.бургскаго учебнаго округа и 6. профессоръ А. В. Никитенко.

Въ Августѣ 1834 года обозрѣвали вологодскую губернскую гимназію (***), послѣдній въ качествѣ спутника князя.

* * *

6. Николай Ивановичъ Надеждинъ.

Въ 1837 году, за напечатаніе въ издававшемся Г. Надеждинымъ журналѣ «Телескопъ» нѣкоторой статьи предосудительнаго содержанія, Николай Ивановичъ былъ посланъ, въ видѣ наказанія, въ г. Устьсысольскъ вологодской губерніи, въ которомъ и находился около года. Проѣзжая въ Устьсысольскъ, («на теплыя воды полечиться,» какъ шуточно отозвался Ни-

---

(*) Плаваніе судовъ по Кубенскому озеру сопряжено съ большими опасностями и затрудненіями. Бездѣсные, плоскіе берега озера не представляютъ никакой преграды дѣйствію вѣтровъ и потому оно чрезвычайно бурно; по берегамъ его суда не находятъ никакого убѣжища, въ случаѣ непогоды; наконецъ фарватеръ тянется узкою полосою по срединѣ озера, дно котораго усѣяно отмелями, особенно въ восточной части его, близъ истока Сухоны. Чтобы отвратить послѣдняго рода неудобство, и устроенъ упомянутый «*Знаменитый*» шлюзъ, цѣль котораго—удерживать воду Кубенскаго озера на высокомъ горизонтѣ. (См. Памятн. книжку Волог. Губ. на 186[illegible] г., Выпускъ 2, стран. 153, въ статьѣ: «Очеркъ Кубенскаго края»).

(**) См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1866 г., мѣсяцъ Октябрь, въ статьѣ: «Матеріалы для исторіи учебн. заведеній Мин. Нар. Просв., стр. 74.

(***) Тамъ же.

колай Ивановичъ о своей поѣздкѣ тогдашнему вологодскому преосвященному Стефану, при первомъ свиданіи съ нимъ), и возвращаясь оттуда, онъ по нѣскольку недѣль жилъ въ Вологдѣ, пользуясь самымъ радушнымъ вниманіемъ и гостепріимствомъ высшаго вологодскаго общества, которое любопытствовало посмотрѣть и послушать *Никодима Аристарховича Надоумка*(*), этого рьянаго и остроумнаго антагониста тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей Н. А. Полеваго, Ѳ. В. Булгарина и даже самаго А. С. Пушкина. Пребываніе г. Надеждина въ нашемъ захолустьѣ не было безплоднымъ для русской литературы вообще и для вологодской въ особенности. Вотъ что говоритъ о поѣздкѣ г. Надеждина въ Устьсысольскъ и о его литературныхъ занятіяхъ въ немъ бывшій учитель и инспекторъ вологодской гимназіи Ѳ. Н. Фортунатовъ, лично познакомившійся въ 1837 году съ устьсысольскимъ заточникомъ(**):... «Ему (т. е. г. Надеждину) пришлось въѣзжать въ «Устьсысольскъ въ тотъ самый день, въ который онъ ровно за «годъ до того, во время путешествія своего по Европѣ, въѣз- «жалъ въ Парижъ(***). О Зырянскомъ краѣ помѣстилъ онъ «любопытную статейку въ альманахѣ Владиславлева: «Ут- «ренняя Заря»(****). Живя въ Устьсысольскѣ, онъ трудил- «ся неутомимо для «Библіотеки для Чтенія», редактируемой «Сеньковскимъ, а также и для Энциклопедическаго Лексикона «Плюшара, который съ XI тома поступилъ тогда уже подъ «редакцію Осипа Иванов. Сеньковскаго. Вознагражденіе за «литературные труды обезпечивало для него безбѣдное сущест- «вованіе въ Устьсысольскѣ. Онъ принялъ на себя, между про- «чимъ, составленіе всѣхъ статей, относящихся до Вологодской

(*) Псевдонимъ, которымъ Надеждинъ подписывалъ свои сатирическія и критическія статьи въ Телескопѣ.

(**) См. статью Ѳ. Н. Фортунатова: «Замѣтки и дополненія вологжанина объ А. П. Мелагуновѣ», напечатанную въ «Русскомъ Архивѣ», годъ третій (1865), изданіе второе, Москва, 1866 г., стран. 946 и 947, подстрочн. примѣч. 13.

(***) Въ какомъ мѣсяцѣ и въ какой день былъ этотъ въѣздъ въ Парижъ и Устьсысольскъ, не знаемъ.

(****) Не премнемъ со временемъ сообщить содержаніе этой статейки.

«губерніи, а потому получилъ изъ редакціи на просмотръ до-«ставленныя мною туда статьи: *Вологда и Вологодская губер-«нія.* Воспользовавшись, съ согласія моего, заключавшимися «въ нихъ матеріалами, онъ самъ обработалъ эти статьи для «XII тома Энциклопедическаго Лексикона.—Когда онъ былъ «прощенъ и изъ Устьсысольска возвращался черезъ Вологду, «то на вопросъ мой про нашу губернію, о которой, въ пер-«вый проѣздъ его чрезъ Вологду, сообщилъ я ему кое-какія «свѣдѣнія, онъ отвѣчалъ мнѣ словами псалма: *сіе море вели-«кое и пространное...* и проч. (Псал. 103.); можетъ быть «частію онъ этимъ намекалъ на то мѣсто въ статьѣ своей о «Вологодской губерніи, гдѣ онъ говоритъ объ ней, что она «есть «*дно моря, которое несовсѣмъ еще просохло и затяну-«лось*»(*).—Имѣвъ случай видѣть большую часть городовъ на-

(*) Энцикл. Лексик. т. XII, статья: «Волог. губернія», стран. 409. Выписываемъ изъ упомянутой статьи это любопытное относительно топо-гидрографіи нашей губерніи мѣсто: . . . «Вообще все пространство Вологодской губерніи есть сырая, болотная топь, зачерствѣлая въ иныхъ мѣстахъ глинистымъ, въ другихъ песчанымъ грунтомъ, рѣдко гдѣ покрытая черноземомъ. Берега Сухоны, Вычегды и Двины, тамъ гдѣ наиболѣе плотны и возвышенны, напитаны солью, которая нерѣдко сама выбиваетъ на поверхность соляными фонтанами. Все это заставляетъ предполагать съ достовѣрностью, что процессъ образованія планеты здѣсь еще не совершился, что это пространство есть не что иное, какъ «дно моря, которое не совсѣмъ еще просохло и затянулось.» Въ сосѣдствѣ Урала первоначальное обнаженіе дна изъ подъ водъ должно было произойти не безъ насильственной катастрофы. Это доказывается берегами Печоры, которые истерзаны множествомъ ущелій и норъ, наполненныхъ разными животными окаменѣлостями, въ числѣ ихъ слоновыми костями. Подобные остатки находятся раскиданными и по другимъ возвышеніямъ губерніи, особенно въ восточной половинѣ; большая часть ихъ принадлежитъ морскимъ животнымъ, погребеннымъ въ известковомъ грунтѣ береговъ рѣчныхъ, преимущественно вокругъ Вымы; многіе имѣютъ типъ и колоссальные размѣры допотопной природы. Внутренность губерніи просыхала медленно, мало по малу; «она и теперь порядочно не высохла». Стоитъ только всмотрѣться пристальнѣе въ ея гидрографическую сѣть, которой нити переплетаются межъ собой чудными узорами. Всѣ здѣшнія рѣки почти соприкасаются одна съ другой своими истоками. Отдѣльные бассейны чуть не цѣпляются другъ за друга своими побочными вѣтвями. . . . (слѣдуетъ описаніе соприкосновеній между собою главныхъ рѣкъ волог. губерніи) . . . Невозможно изчислить всѣхъ подобныхъ соприкосновеній черезъ рѣчки и ручьи меньшаго размѣра, здѣсь упомянуты только главнѣйшія, которыя находятся и на картахъ, а эти карты очень недостаточны: на нихъ нѣтъ и сотой доли всѣхъ водяныхъ нитей, испещряющихъ Вологодскую губернію, которыхъ впрочемъ большая часть не имѣетъ и названій. Такъ какъ всѣ эти нити во внутренности губерніи начинаются изъ сырыхъ, топкихъ трясинъ, которыя во многихъ мѣстахъ налиты водою, то пространство ея и теперь еще въ мокрое лѣто представляетъ родъ грязнаго, болотнаго архипелага, изъ котораго мѣста самыя воз-

шей губерніи, г. Надеждинъ очень не лестно отзывается о ихъ наружности и хозяйствѣ, не изключая и губернскаго нашего г. Вологды. «Начиная съ губернскаго (говоритъ онъ), всѣ они (т. е. города нашей губерніи) похожи на большія деревни, отъ которыхъ отличаются только многочисленностію домовъ и церквей. Городовое хозяйство здѣсь менѣе развито, чѣмъ сельское. Многіе города занимаются земледѣліемъ наравнѣ съ деревнями; на примѣръ, въ Устьсысольскѣ каждый огородъ внутри города есть пашня»(*). Напротивъ о бытѣ поселянъ и о наружности селеній вологодской губерніи г. Надеждинъ дѣлаетъ самый благопріятный отзывъ: «Вообще—вологодскій крестьянинъ (пишетъ онъ), за исключеніемъ отлетныхъ пустошей Печоры, Удоры и Пинеги, при небольшомъ трудолюбіи, живетъ безбѣдно, но, при усиленіи порядка въ домоводствѣ, можетъ жить отлично. И теперь селенія вологодской губерніи по наружности представляютъ образецъ довольства, которому дол-

---

вышенныя, принадлежащія къ кольцеобразной опушкѣ Двинскаго бассейна, торчатъ плавучими оазисами. Другое очевидное доказательство того, что поверхность Вологодской губерніи есть еще спорное поприще между водою и землею, находится въ характеристическомъ свойствѣ рѣчныхъ нитей, изъ которыхъ самыя главныя не установились до сихъ поръ въ своемъ направленіи. Въ этомъ отношеніи замѣчательна особенно Вычегда, которая почти ежегодно перемѣняетъ русло; кидается въ ту и въ другую сторону по своему широкому займищу. Не отстаетъ отъ ней и Сухона, тамъ гдѣ ложе ея просторно. Долины этѣхъ обѣихъ рѣкъ изрыты такъ называемыми «полóями»: имя, которое туземцы даютъ новымъ каналамъ, прорываемымъ ими въ замѣну старыхъ, которые за тѣмъ или вовсе пересыхаютъ, или остаются длинными побочными заливами нынѣшнихъ русель, или даже, отдѣлясь отъ нихъ вовсе, покоятся уединенными озерами. Вообще на пространствѣ Вологодской губерніи озеръ находится чрезвычайное множество.»———Изъ упоминаемыхъ въ этой выпискѣ такъ называемыхъ полóевъ, указываемъ на извѣстный многимъ «полóй» въ г. Устюгѣ, близъ Пятницкой городской церкви, проложенный рѣкою Сухоной въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, годъ отъ году все болѣе и болѣе обрывающій лѣвый берегъ Сухоны и чрезъ то угрожающій близкимъ разрушеніемъ означенной Пятницкой церкви.—

(*) Поко, но благодаримъ за этотъ безпристрастный отзывъ; но долгомъ считаемъ довести нашимъ читателямъ, что съ 1837 года наши города много подвинулись впередъ относительно внѣшняго благоустройства. Что касается до пахотныхъ мѣстъ внутри нашихъ городовъ, то такія мѣста существовали прежде не въ одномъ г. Устьсысольскѣ, а и въ другихъ городахъ нашей губерніи. Въ самой Вологдѣ въ началѣ XVIII столѣтія было 65 мѣстъ сѣнокосныхъ и три пахотныхъ. См Памятн. книжку Вологодск. губерніи на 1861 годъ, въ статьѣ «Вологда въ началѣ XVIII столѣтія», стран. 96.

жны завидовать внутреннія области Россіи. Живя въ вольномъ лѣсу, крестьянинъ строитъ себѣ не домъ, а городъ. У него все домашнее строеніе подъ одною, огромною крышею, точно какъ у Швейцарскихъ поселянъ, съ хижинами которыхъ вологодскія избы имѣютъ поразительное сходство. Рѣдко бываетъ, чтобы крестьянинъ не имѣлъ у себя двухъ жилыхъ избъ, одну совершенно чистую и содержимую въ замѣчательной опрятности. Во глубинѣ Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ случается часто находить отлично свѣтлыя, просторныя и уютныя горницы, съ прекраснымъ видомъ на окрестности, съ печатью вкуса во внутренней, хотя простой и грубой работы, меблировкѣ.»

Живописнѣйшимъ пунктомъ панорамы г. Вологды г. Надеждинъ находитъ вологодскій архіерейскій домъ съ каѳедральнымъ соборомъ и близълежащимъ публичнымъ «красивымъ» садомъ, что на «соборной горѣ.»

* * *

7. Михаилъ Петровичъ Погодинъ, профессоръ Московскаго университета.

Г. Погодинъ былъ въ Вологдѣ въ 1841 году, въ мѣсяцѣ Августѣ (съ 17 по 26 число) гостемъ у тогдашняго вологодскаго преосвященнаго Иннокентія (впослѣдствіи епископа харьковскаго и наконецъ архіепископа хер онскаго) (*). Квартирою московскаго гостя въ архіерейскомъ домѣ была огром-

(*) Преосвящ. Иннокентій Борисовъ, изъ викаріевъ Кіевской митрополіи назначенъ на каѳедру вологодскую въ Мартѣ 1841 года; прибылъ въ Вологду 31 Мая того года; управлялъ епархіею только восемь мѣсяцевъ; изъ Вологды переведенъ на каѳедру Харьковской епархіи, куда отправился 2 Февраля 1842 года. Преосв. Иннокентій обозрѣвалъ волог. епархію въ Іюлѣ и Августѣ, въ сопровожденіи тогдашняго профессора волог. семинаріи Павла Ив. Савваитова, и возвратился изъ этого путешествія только за два дня до прибытія Г. Погодина въ Вологду, а именно 13 Августа. Во время этого путешествія Преосв. Иннокентій (съ 20 Іюля по 13 Августа), сказалъ въ разныхъ мѣстахъ епархіи четырнадцать проповѣдей.

ная зала въ верхнемъ этажѣ, гдѣ помѣщалась библіотека преосвященнаго Иннокентія и гдѣ любилъ онъ, вмѣсто отдыха отъ дѣлъ епархіальныхъ, посвящать время собственно ученымъ занятіямъ: тутъ же бывали у него иногда вечернія ученыя собранія, состоявшія преимущественно изъ наставниковъ семинаріи и гимназіи (*). Какъ ревностный археологъ, г. Погодинъ большую часть времени своей вологодской гостьбы провелъ въ обозрѣніи мѣстныхъ старинныхъ архивовъ и библіотекъ, древнѣйшихъ церквей и обителей, и потомъ въ издававшемся имъ тогда журналѣ «Москвитянинъ» (№ 8, 1842 года) напечаталъ дневникъ своего пребыванія въ Вологдѣ.—Извлекаемъ изъ этого дневника нѣкоторыя замѣтки достопочтеннаго путешественника, съ цѣлію—съ одной стороны напомнить нашимъ читателямъ—землякамъ о нѣкоторыхъ достойныхъ памяти лицахъ тогдашняго вологодскаго общества, нынѣ или уже несуществующихъ (умершихъ), или дѣйствующихъ на иныхъ поприщахъ, съ другой стороны—показать, какіе предметы и какъ занимали у насъ любопытное вниманіе московскаго ученаго(**). На себя и на все свое мы привыкли смотрѣть своими, часто пристрастными, а иногда отъ привычки невнимательными глазами; а потому для насъ всегда интересно знать чужія мнѣнія о насъ и о всемъ нашемъ.

Прибывъ въ Вологду поздно вечеромъ 16-го Августа, г. Погодинъ начинаетъ свой вологодскій дневникъ съ утра 17-го

(*) Объ этихъ вечернихъ собраніяхъ вотъ что пишетъ участвовавшій въ нихъ бывшій инспекторъ волог. гимназіи Ѳ. И. Фортунатовъ: „Памятны намъ вечера у Преосв. Иннокентія въ зиму 1841 года, на которыхъ кромѣ устныхъ бесѣдъ читаны были переводы проповѣдей съ новѣйшихъ языковъ; время отъ времени бесѣды прерывались концертами пѣвчихъ архіерейскаго хора, состоявшаго при Преосв. Иннокентіи подъ управленіемъ знатока своего дѣла, іеромонаха Димитрія, вызваннаго нарочно Владыкою изъ Ростова.“—См. Русск. Архивъ 1866, годъ третій, стран. 944, подстрочн. примѣч. 12.

(**) И наконецъ съ цѣлію—къ замѣткамъ Г. Погодина прибавить, для большей ясности, полноты и интереса, нѣсколько и собственныхъ нашихъ замѣчаній, заимствованныхъ изъ вѣрныхъ источниковъ, Г. Погодину больш. частію неизвѣстныхъ.

числа. Этотъ день въ 1841 году былъ воскресный (недѣля тринадцатая по Пятдесятницѣ, въ которую на литургіи читается Апостолъ изъ перваго посланія Св. Ап. Павла къ Коринѳянамъ, зачало 166, глав. 16, стих. 13 по 24, въ которомъ между прочимъ находится громопотрясающій стихъ, подавшій, какъ увидимъ ниже, поводъ Преосвященному Иннокентію сказать въ тотъ день на литургіи слово, произведшее на слушателей необыкновенное впечатлѣніе).

* *
*

Извлеченія изъ дневника М. П. Погодина въ Вологдѣ.

«*Августа 17.* Проснулся въ прекрасной огромной комнатѣ, только что отдѣланной и назначенной быть кабинетомъ Преосвященнаго. Оконъ 12 на три стороны: изъ однихъ видѣнъ соборъ, изъ другихъ поле и часть города. Въ углу передо мною стоялъ большой образъ Троицы, древняго письма. Подхожу къ нему... что же?.. Это тотъ историческій образъ, съ Зырянской подписью, о которомъ столько было писано въ статьѣ Митрополита Евгенія о «Древностяхъ Вологодскихъ и Зырянскихъ, въ Вѣстникѣ Европы 1814 года. Подпись составляетъ единственный почти памятникъ Зырянскаго письма(*).

(*) По какому случаю упомянутый историческій образъ, со времени принесенія своего изъ Зырянскаго края въ Вологду (въ 1790-хъ годахъ при Преосвящ. Арсеніѣ Тодорскомъ, см. Волог. Епарх. Вѣд. 1867 г. № 5, часть неофф. стран. 152 и 153) постоянно находившійся въ соборномъ храмѣ, очутился въ архіерейскихъ келліяхъ? Случай этотъ, какъ мы слышали, былъ слѣдующій. До 1832 года на этомъ образѣ существовала серебряная, во всю величину его, риза, устроенная въ 1820-хъ годахъ усердіемъ вологжанъ, при старостѣ соборномъ С. М. Рыпинѣ и стоившая до 2000 рублей ассигнаціями. Въ 1832 году, когда по случаю возобновленія теплаго Воскресенскаго собора требовались чрезвычайные расходы, означенная риза вмѣстѣ съ другимъ ветхимъ соборнымъ серебромъ поступила въ продажу, а самый образъ отнесенъ въ соборную ризницу. Услышавъ объ этомъ образѣ, Преосв. Иннокентій велѣлъ принести его къ себѣ въ келлію и предполагалъ помѣстить его въ началѣ (на первомъ мѣстѣ) предметовъ вологодскаго епархіальнаго музея; а самый музей думалъ онъ помѣстить въ вышеупомянутой огромной комнатѣ верхняго этажа архіер. дома, въ которой жилъ Погодинъ. Преданіе о музеѣ слышали мы отъ П. И. Савваитова.—(Всѣ подстрочныя примѣчанія къ дневнику Г. Погодина принадлежатъ редакціи).

Какъ археологъ, я помолился предъ нимъ съ большимъ усердіемъ.

Ударили въ колоколъ, и я поспѣшилъ къ обѣднѣ въ соборъ; народу было множество изъ всѣхъ званій. Предъ окончаніемъ обѣдни Преосвященный вышелъ изъ царскихъ вратъ и, остановясь на амвонѣ, началъ говорить: «*Слышали-ль вы, братіе, громъ? Видѣли-ль молнію?*» Всѣ мы изумились, не понимая, что значитъ вопросъ. «*Громъ прогремѣлъ въ этомъ храмѣ. Молнія блеснула здѣсь: это слова изъ прочитаннаго нынѣ Апостола: «аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ.» Не любитъ Христа тотъ, кто*»... и проч. Проговоривъ минуть десять, онъ заключилъ: «*братіе, обратите вниманіе на эти слова; небо и земля прейдутъ, а они не прейдутъ*».

Послѣ обѣдни нѣсколько почетныхъ гражданъ собралось въ кельи Владыки; разговоръ коснулся тотчасъ до слышаннаго за литургіею слова. «Съ дороги я не успѣлъ ничего сообразить для нынѣшняго дня (сказалъ Преосвященный) и принесъ было вамъ печатную книгу—прочесть превосходное истолкованіе молитвы—«*Отче нашъ*» Московскаго Митрополита Филарета, какъ вдругъ слова Павловы при слушаніи Апостола поразили меня, и я рѣшился вкратцѣ обратить на нихъ ваше вниманіе.»

Разговоръ обратился на Апостола Павла, котораго жизнь нѣкогда писалъ Преосвященный: онъ объяснилъ нѣсколько недоразумѣній, предложенныхъ гостями, на прим. объ отношеніяхъ Павла къ Петру. Потомъ много говорено о соборѣ, основанномъ Іоанномъ Грознымъ, въ то время какъ онъ намѣревался перенести свое пребываніе въ Вологду и жилъ здѣсь года три (1568—1571), выѣзжая изрѣдка въ свой любимый Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. «Мысль для его времени небезосновательная (замѣтилъ Преосвященный); Вологда, много-

людная и богатая, могла быть центромъ его владѣній, на торговомъ путя между Сѣверомъ и Сибирью».

Это правда: Новгородъ, Тверь, Устюгъ, Нижній, Москва— почти правильный кругъ около этого центра. Но трусость Грознаго очевидна въ этомъ намѣреніи: избирая Вологду, онъ показывалъ, какъ боялся Поляковъ и Татаръ, и какъ мало думалъ о возвращеніи природной нашей Малороссіи и Бѣлоруссіи. Ему становилось страшно и въ Вологдѣ, и онъ велѣлъ готовить лодки и другія суда для отъѣзда въ Поморскія страны. Но тогда же случился въ Вологдѣ моръ, и Грозный поѣхалъ назадъ въ Москву.

Предложены были разныя мнѣнія о происхожденіи имени— *Вологда*—отъ волока, вологи, Волхова, Волотовъ, Володи. Далѣе говорили—о губерніи, которую только-что осмотрѣли Губернаторъ и Архіерей. Они обмѣнялись своими замѣчаніями, а слушатели узнали много любопытнаго о разныхъ ея частяхъ и вмѣстѣ о сторонахъ сосѣднихъ, о Сухонѣ, уставленной селеніями среди лѣсовъ, болотъ и пустынь; о Тотьмѣ, съ заштатнымъ монастыремъ въ честь знаменитаго отшельника Ѳеодосія, котораго особенно чтитъ вся сѣверная сторона; объ Устюгѣ Великомъ, богатомъ и цвѣтущемъ до основанія Архангельска, перепутьѣ Сибирской торговли; о Сольвычегодскѣ съ ясными еще слѣдами богатства Строгановыхъ и ихъ величавыхъ затѣй въ архитектурѣ и живописи(*)....

(*) О „величавыхъ затѣяхъ“ г.г. Строгановыхъ въ архитектур и живописи досель ясно напоминаютъ: 1) Сольвычегодскій Благовѣщенскій соборъ, строенный Іоанникіемъ Строгановымъ въ 1560—1584 годахъ, двухэтажный, первоначально бывшій о осми верхахъ весьма замѣчательной и оригинальной архитектуры; 2.) Введенская соборная церковь во Введенскомъ монастырѣ г. Сольвычегодска, строенная именитымъ человѣкомъ Григоріемъ Дмитріев. Строгановымъ въ 1689—1697 годахъ, великолѣпной римско-готической архитектуры, двухэтажная, весьма значительныхъ размѣровъ. Вышина ея до 25, длина до 26 саженъ. Чертежъ фасада этой церкви сочиненъ былъ въ Голландіи, а для постройки его нѣкоторые мастера вызваны были изъ за границы. Иконы въ этой церкви писаны въ 1693 году съ лучшихъ италіанскихъ рисунковъ русскимъ живописцемъ Стеланомъ Дометіевымъ Нарѣковымъ, бывшимъ изъ домо-

Осмотрѣлъ Соборъ, очень обширный, сходный съ нашими (Московскими). Стѣнная живопись похожа на нашу въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Теперь подновляютъ ее, и очень искусно, оживляя нѣсколько цвѣта, и то не вездѣ, проводя черты(*).- Стѣнная наша живопись сохранилась у насъ по мѣстамъ болѣе образнòй, и должно бъ ее разсмотрѣть внимательнѣе и воспользоваться ею для той *русской* живописи, которая составляетъ наши pia desideria. Она доставитъ много матеріаловъ и для исторіи одежды древнихъ князей, бояръ, простолюдиновъ, въ случаяхъ изъ ихъ жизни представленныхъ въ чудесахъ Угодниковъ, и тому подобн. Примѣчательные образа въ волог. соборѣ: Софіи Премудрости Божіей съ огненнымъ лицемъ Спасителя, Успенія Божіей Матери и Спасителя съ ницъ лежащими Угодниками.

Вечеромъ Преосвященный взялъ меня къ знаменитому старожилу и хлѣбосолу вологодскому, Д. И. Самарину(**), къ которому приглашенъ былъ почти весь городъ. Общество многочисленное, сдѣлавшее бы честь столицѣ. Я порадовался успѣхамъ нашего общежитія и образованности: едва ли часто и

выхъ людей г.г. Строгановыхъ, обучавшимся живописи въ чужихъ краяхъ „Ясные слѣды богатства Строгановыхъ“ также доселѣ отчасти видны въ многочисленныхъ, богато украшенныхъ золотомъ и серебромъ и драгоцѣнными камнями, иконахъ и другихъ церковныхъ утвaряхъ, жертвованныхъ Строгановыми въ два упомянутые храма и въ другія церкви г. Сольвычегодска.—Между прочимъ, вотъ доказательство бывшаго богатства Сольвычег. Благовѣщенскаго собора. Въ 1818 году, съ разрѣшенія Высшаго Начальства, продана была въ Московской Синодальной конторѣ „нѣкоторая“ часть драгоцѣнныхъ вещей, принадлежавшихъ сему собору, на сумму 21.600 руб. ассигнаціями, и деньги эти были употреблены на починку и возобновленіе собора.—См. указъ Св, Синода отъ 29 Октября, 1817 года „объ отправленіи принадлежащихъ къ Сольвычег. Благовѣщ. собору“ нѣкоторой части драгоцѣнныхъ вещей въ Московскую Св. Синода Контору» и о проч.—

(*) При Преосвящ. Иннокентіи сдѣланъ былъ только небольшой опытъ возобновленія стѣнной живописи, въ одномъ клеймѣ (на сѣверной стѣнѣ собора), масляными красками. Объ этомъ-то подновленіи и говоритъ г. Погодинъ.

(**) Вологодскій помѣщикъ, генералъ гражд. службы, Д. И. Самаринъ многимъ доселѣ памятенъ въ Вологдѣ своимъ хлѣбосольствомъ. Всѣмъ извѣстенъ при домѣ его садъ, называемый Самаринскимъ, при жизни амфитріона открытый для всѣхъ посѣтителей.

тамъ разговоръ бываетъ занимательнѣе и умнѣе.... Много говорено было о Вологодской губерніи: о корабельныхъ лѣсахъ въ сѣверной части ея, о проложеніи новыхъ и исправленіи старыхъ дорогъ, о большомъ проэктѣ купца Лыткина для Печерской страны, о червѣ, поѣдающемъ озимыя сѣмена, который и въ нынѣшнемъ году грозитъ Вологодской губерніи....

Угощеніе русское, старинное, которое начинаетъ уже пропадать даже въ Москвѣ.... Варенье изъ поляники таково, какому нѣтъ подобнаго нигдѣ: благовоніе преусладительное, не говоря уже о пріятной кислотѣ, при сладости. Странно, что его не вывозятъ отсюда никуда(*). Варенье изъ морошки также очень хорошо. За роскошнымъ ужиномъ подавались наливки изъ тѣхъ же ягодъ, которыя восхитили бы знатоковъ и охотниковъ.

Августа 18. Разсматривалъ матеріалы, собранные Преосвященнымъ Евгеніемъ, во время управленія его вологодскою епархіею, для здѣшней исторіи церковной и гражданской(**). Вотъ былъ человѣкъ, который не могъ пробыть нигдѣ одного дня безъ того, чтобъ не ознаменовать его трудами на пользу Исторіи. Новгородъ, Псковъ, Вологду, Кіевъ—онъ наградилъ плодами своей неутомимой дѣятельности. Это былъ одинъ изъ величайшихъ собирателей, которые когда либо существовали. Съ собою не бралъ онъ ни откуда ничего. Гдѣ что собралъ,

---

(*) Отъ вологодскихъ старожиловъ мы слышали, что въ тѣ годы дѣйствительно варенья какъ изъ поляники, такъ и изъ другихъ ягодъ мѣстной флоры, никуда невывозились для продажи, а приготовлялись единственно для домашняго употребленія. Но лѣтъ десять назадъ, торговля ими распространилась въ обѣ столицы, а года два назадъ одинъ изъ вологодскихъ торговцевъ началъ препровождать и препро ождаетъ значительный запасъ поляничнаго варенья даже въ Туркестанъ, въ г. Ташкентъ.

(**) Подъ матеріалами, собранными Преосв. Евгеніемъ, разумѣется рукописная книга подъ заглавіемъ: „Собраніе разныхъ извѣстій о волог. епархіи и губерніи, состав. въ 1811 году.“ Въ этой книгѣ между прочимъ находятся упоминаемыя ниже г. Погодинымъ Описанія вологодской губерніи академиковъ Лепехина и Иноходцева. См. Волог. Еп. Вѣд. сего года, № 22, въ статьѣ: „Памяти Преосвящ. Евгенія.“

тамъ то и оставилъ, приведя въ порядокъ, перемѣтивъ, означивъ, откуда что и какъ взято. Это былъ Русскій Миллеръ. Замѣчу еще особенность въ его умѣ и характерѣ: необыкновенная положительность, безъ примѣси малѣйшей идеальности. Это былъ какой-то Статистикъ Исторіи. Онъ кажется даже не жалѣлъ, если гдѣ чего ему не доставало въ Исторіи; для него было это какъ будто все равно. Что есть—хорошо, а чего нѣтъ—нечего о томъ и думать. Никакихъ разсужденій, заключеній.

Въ Вологодской епархіи считается больше семидесяти Угодниковъ Божіихъ, прославившихся своими подвигами и чудесами... Преосвященный хочетъ посвятить всѣмъ Вологодскимъ Угодникамъ церковь, которую теперь отдѣлываетъ при архіерейскомъ домѣ и сочинить имъ службу. Прекрасная мысль!(*)

Изъ Архіереевъ вологодскихъ примѣчательны: *Симонъ*, который, одинъ съ Лазаремъ Черниговскимъ, не хотѣлъ присутствовать на соборѣ при осужденіи Патріарха Никона, *Аѳанасій Кондоиди*, учредившій Семинарію, и наконецъ *Евгеній*.

Въ описаніяхъ (волог. губерніи) Лепехина и Иноходцева, незабвенныхъ членовъ нашей Академіи, и при томъ русскихъ, также есть много любопытнаго. Въ этомъ собраніи есть и анекдоты, на прим. объ одномъ воеводѣ Гороховѣ, котораго «дворяне высѣкли, сдѣлали приговоръ о смѣнѣ, выбрали другаго воеводу и представили Сенату о неспособности перваго и объ утвержденій послѣдняго».—И это было около 1770 года!

(*) Мысль эта отчасти и была имъ исполнена. Отстроивъ, въ значительно-большемъ противъ прежняго размѣрѣ, нынѣшнюю крестовую церковь, Преосвящ. Иннокентій освятилъ ее во имя всѣхъ вологодскихъ Св. Угодниковъ, но службу сочинить имъ не успѣлъ. Преосвященный Евлампій, послѣ поправокъ въ крестовой церкви, освятилъ ее во имя Богоявленія Господня и вологодскихъ чудотворцевъ, каковою она остается и нынѣ.

Императрица Екатерина II повелѣла оштрафовать своевольниковъ годовымъ ихъ жалованьемъ въ пользу наказаннаго воеводы, который былъ отставленъ, но получилъ около 20,000 рублей (*).

Обошелъ Архіерейскій дворъ. Точь въ точь Перонна Валтера Скотта, какъ она осталась въ моемъ воображеніи послѣ чтенія Кентень-Дюрварда: стѣны высокія, мрачныя, съ рѣдкими узкими оконцами, почти скважинами, на значительной высотѣ отъ земли. Впрочемъ строилъ ихъ, говорятъ, не Грозный(**). Часть городскаго вала осталась только въ саду архіерейскомъ.

Познакомился съ Профессоромъ семинаріи Савваитовымъ(***) и получилъ отъ него много извѣстій о матеріалахъ, имъ собранныхъ. Есть очень любопытные, особенно относящіеся до жизни частной, о коей мы знаемъ такъ мало. Взялъ съ него слово приготовлять Вологодскій сборникъ. У г. Савваитова столько же собрано для Вологды, сколько у г. Мельникова для Нижняго...

(*) Въ вышеупомянутой рукописной книгѣ Преосв. Евгенія, анекдотъ о воеводѣ Гороховѣ начинается слѣдующими словами: "Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, около 1770 года, былъ въ Вологдѣ воевода, по фамиліи Гороховъ, человѣкъ простый и кроткій, а потому часто подвергавшійся оскорбленіямъ отъ вологодскихъ дворянъ, изъ коихъ многіе были весьма безпокойнаго и буйнаго нрава, такъ что притязанія на имѣніе маломощныхъ изъ нихъ самихъ, взаимныя драки, наглости, грабежи, насилія и безобразное пьянство отличали ихъ свойство. Послѣ многихъ обидъ своему воеводѣ, они наконецъ высѣкли его, сдѣлали приговоръ о снѣмѣ . . . и, проч. (какъ въ разсказѣ г. Погодина.

(**) Дѣйствительно не Грозный. Стѣны эти начаты были постройкою въ 1671 году, при волог. архіепископѣ Симонѣ (слѣдов. спустя ровно сто лѣтъ послѣ послѣдняго, въ 1571 году, отъѣзда изъ Вологды царя Іоанна Грознаго); окончены при томъ же архіепископѣ въ 1675 году.—См. Волог. Епарх. Вѣдом. 1865 г. № 23, часть неофф. стран. 928 и 929.

(***) П. И. Савваитовъ, сынъ священника волог. каѳедр. собора, былъ профессоромъ философіи въ волог. семинаріи съ 1837 по 1842 г. Отсюда перешелъ въ С.П.бургскую семинарію.

Августа 19. Приходскій праздникъ во Власіевской церкви, явленіе Донской Божіей Матери. Послѣ обѣдни въ этой церкви, отправленной самимъ Преосвященнымъ, я былъ приглашенъ въ домъ къ священнику (*). Послѣ чая предложена была закуска и обѣдъ. Разговоръ за столомъ обращенъ былъ на древности. Сначала на все слышались отвѣты отрицательные: «нѣтъ, ничего нѣтъ, не слыхать, не знаемъ,» но послѣ мало по малу, изъ того угла слышалось одно извѣстіе, изъ этого другое и къ концу обѣда понабралось у меня кое что для записной книжки, на примѣръ:

Нынѣ 19-е Августа,—день прибытія въ Вологодскіе предѣлы Св. Герасима (въ 1147 году) и слѣд. начало Вологды.

Не далеко отъ Вологды есть село Говорово, гдѣ *проговорилъ* будто бы Іоаннъ Васил. Грозный, и другое—Свистуново, гдѣ онъ *свиснулъ*.

Вологду называютъ Іасономъ (?), потому что каменный городъ заложенъ здѣсь Грознымъ во имя Св. Апостоловъ Іасона и Сосипатра, коимъ посвященъ и придѣлъ въ одной приходской церкви (**).

Церковь Ѳеодора Стратилата построена Грознымъ будто бы по случаю полученія имъ здѣсь извѣстія о рожденіи сына—Ѳеодора Ивановича(***).

Одна церковь называется здѣсь всеградскою, потому что

(*) Къ Протоіерею Павлу Петр. Ермилову, кончившему курсъ въ семин. при Преосв. Евгеніѣ. Умеръ въ 1863 году.

(**) Въ городской Казанской церкви. Въ просторѣчіи Вологду называли встарину не Іасономъ, а Насономъ. См. Волог. Еп. Вѣд. 1867 г. № 9, часть неофф., стр. 312.

(***) Сынъ Грознаго Ѳеодоръ Иван. родился въ 1557 г.; но въ этомъ году, сколько извѣстно по лѣтописямъ, Грознаго не было въ Вологдѣ. Стало быть церковь эта строена послѣ, въ честь Ангела Царевича.

выстроена отъ всего града въ одинъ день по случаю моровой язвы. Такая же церковь есть въ Устюгѣ и еще гдѣ-то (*).

Недавно найдено около Тотьмы(**) много монетъ, кои по описанію (шлемъ съ гребнемъ, крестикъ по срединѣ) кажется Нормапскія, какихъ найдено лѣтъ пять назадъ множество около Ростова; недавно я купилъ также ихъ нѣсколько отъ Одоевскаго(***) купца. Мѣста находокъ любопытнѣе самыхъ монетъ, показывая пути нашихъ удальцовъ.

Родовъ древнихъ ведется здѣсь очень мало: богатые во 2 или въ 3 колѣнѣ бѣднѣютъ, и такъ далѣе. Къ числу древнихъ принадлежатъ Колесовы. Многіе послѣ перемѣны торговаго пути выселились въ другіе города.

Нѣкоторые священники занимаются здѣсь архитектурою и строятъ церкви. Это не съ того ли времени, какъ Преосвященный Евгеній завелъ при Семинаріи классъ черченія и рисованія? (****). Такъ благая мысль даетъ плоды въ свое время, а другое громкое учрежденіе завядаетъ до разцвѣта.

Ѣздилъ осматривать вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Иннокентіемъ монастырь Спасоприлуцкій. Въ ризницѣ монастыря есть много

(*) Въ Устюгѣ—Воскресенская обыденная и въ г. Сольвычегодскѣ Спасская обыденная. Другихъ обыденныхъ церквей въ здѣшней епархіи не знаемъ.

(**) Въ Стрѣлицкомъ приходѣ Тотемскаго уѣзда. На одной изъ найденныхъ монетъ П. И. Савваитовъ читалъ имя Этельреда. См. „Москвитянинъ, 1842 г., № 12. статью г. Савваитова:“ Дорожныя замѣтки отъ Вологды до Устюга, стран. 314.

(***) Одоевъ—городъ Тульской губерніи.

(****) Преосвященнымъ ли Евгеніемъ заведенъ былъ, и былъ ли заведенъ, при семинаріи классъ черченія и рисованія, не знаемъ, а извѣстно намъ слѣдующее. Въ бытность г. Погодина въ Вологдѣ одно только духовное лице занималось здѣсь архитектурою и постройкою церквей: это тогдашній ключарь каѳед. собора, протоіерей Павел. Васил. Иконниковъ (котораго отецъ также былъ ключаремъ собора и зналъ архитектуру)- Объ этомъ-то ключарѣ П. Иконниковѣ, вѣроятно, и слышалъ г. Погодинъ. Въ послужномъ спискѣ покойнаго протоіерея П. Иконникова (умеръ въ

древнихъ крестовъ, складней съ мощами, рѣзныхъ образовъ отличной работы, принадлежавшихъ, вѣроятно, племяннику Іоанна III, (*) и полученныхъ въ наслѣдство послѣ Темнаго, Донскаго, Калиты.

Посѣтили вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Архіепископа Иринея, который здѣсь живетъ на покоѣ. Онъ сообщилъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи, гдѣ онъ служилъ долго и разбиралъ права собственности по древнимъ грамотамъ. Преосвященный Иринеи родился въ тѣхъ странахъ и тоскуетъ по своей отчизнѣ(**).

Августа 20. Гимназія просила нынѣ Преосвященнаго о посѣщеніи, и онъ пригласилъ меня ѣхать съ собою, чему я былъ очень радъ.

Ученики были всѣ собраны въ залѣ актовъ и стояли въ порядкѣ съ учителями въ полныхъ мундирахъ. Лишь только показался Преосвященный, встрѣченный на крыльцѣ Инспекторомъ, какъ раздалось привѣтствіе, прекрасно положенное на ноты:

«Гряди, о Пастырь нашъ желанный,
Гряди, воззри, благослови!
И властію, отъ Бога данной,
Ты въ сердцѣ насъ усынови.

***

1862 г.) значится, что „имъ всѣхъ плановъ, фасадовъ и профилей для церковныхъ и монастырскихъ зданій съ 1807 года (слѣдоват. ранѣе Преосвящ. Евгенія) по 1860 годъ составлено болѣе 500 по одной вологодской епархіи; сверхъ сего для зданій частныхъ онъ сочинилъ въ г. Вологду и другіе города и въ помѣщичьи села около 20 проэктовъ.“

(*) Т. е. Князю Іоанну Андреевичу (въ монашествѣ Игнатію, мощи котораго почиваютъ въ Прилуцкомъ монастырѣ), сосланному въ заточеніе въ Вологду В. К. Іоанномъ III и тридцать два года томившемуся въ темницѣ вологодской.

(**) Краткую біографію Архіеп. Иринея см. въ Волог. Епарх. Вѣдом. 1864 г. въ № 2.

«По гласу пастыря, какъ дѣти,
Мы въ море истины святой
Ума таинственныя сѣти
Закинемъ съ вѣрою живой(*)... и проч.

Слезы были у многихъ на глазахъ, и я былъ очень тронутъ. Выслушавъ привѣтствіе, Преосвященный сказалъ воспитанникамъ: «Благодать вамъ и миръ отъ Господа нашего Іисуса Христа.»—Надо сказать, что Вологодскіе гимназисты знаютъ почти наизустъ Седмицы(**), кои всякое воскресенье читались у нихъ въ собраніяхъ и что все вообще начальство предано было особенно Преосв. Иннокентію, коего имя безпрестанно поминалось въ гимназіи, какъ вдругъ получается извѣстіе, что онъ назначенъ епископомъ въ Вологду. Радость была неописанная. Послѣ стиховъ, Инспекторъ произнесъ рѣчь, изъ коей я и привелъ вышеупомянутыя обстоятельства.... Обошли всѣ классы и комнаты. Осмотрѣли все, даже до книги, въ коей записывается полученіе лекарствъ. Гимназія возведена почтеннымъ своимъ Директоромъ Г. Башинскимъ, при содѣйствіи инспектора ея, Г. Фортунатова (котораго отецъ, дядя и дѣдъ были въ ней учителями), на отличную степень. Предложено было нѣсколько вопросовъ ученикамъ. Поговорено со всѣми учителями.....

Послѣ обѣда, осматривалъ *Троицкую церковь, что у Кайсарова ручья*, бывшую началомъ Вологды. Здѣсь-то поселился первоначально Св. Герасимъ, урожденецъ Кіевскій, основатель

(*) Стихи эти сочинены были тогдашнимъ учителемъ Русск. Слов. въ волог. гимназіи Никол. Иван. Иваницкимъ (впослѣдствіи директоромъ училищъ Псковской губерніи), и были потомъ, по желанію Преосвящ. Иннокентія, посланы къ нему, вмѣстѣ и съ нотами, на которыя были положены, въ Харьковъ инспекторомъ волог. гимназіи О. Н. Фортунатовымъ. На эту посылку Преосв. Иннокентій въ письмѣ своемъ къ Ѳ. Н. Фортун. отъ 15 Дек. 1842 г. между прочимъ писалъ: „Благодарю за присылку нотъ. Хоръ мой поетъ ихъ очень хорошо, а мы при семъ всегда съ благодарностію вспоминаемъ о томъ тепломъ усердіи, которое служило источникомъ сего канта“ . . . (См. Русскій Архивъ 1866 года, стран. 945.)

(**) Здѣсь разумѣются сочиненія Преосвящ. Иннокентія „Первая седмица Великаго поста, Страстная и Свѣтлая седмицы.“

ея, пришедшій на Вологду въ 1147 году. Въ житіи Преподобнаго сказано, что онъ имѣлъ споръ о землѣ съ здѣшнимъ жителемъ Пятышевымъ. Замѣчательно, что родъ Пятышевыхъ ведется до сихъ поръ, и живетъ на одномъ мѣстѣ въ приходѣ этой церкви. Теперешнему представителю его, старостѣ церковному, уже 62 года, и онъ холостъ; отъ брата его осталась одна дочь дѣвица уже слишкомъ 40 лѣтъ, съ коею и прекращается древній родъ(*). Преподобный Герасимъ предсказывалъ имъ, что они будутъ ни богаты ни бѣдны; такъ и жили они семь сотъ лѣтъ, замѣтилъ мнѣ одинъ горожанинъ.—При имени священника Троицко-Кайсаровской церкви Непеина(**), вспомнилъ объ Іосифѣ Непеѣ-вологжанинѣ, первомъ русскомъ посланникѣ къ Англичанамъ(***), которые выхваляютъ его столько. Не отъ этого ли Непеи происходятъ нынѣшніе Непеины?

Осматривалъ Духовъ монастырь. Въ обители есть нѣсколько древнихъ образовъ: особенно рѣзные деревянные и костяные, кои нынѣшній Архимандритъ устроилъ прекрасно въ особой кіотѣ, принадлежатъ къ глубокой древности. Есть блюдо, дан-

---

(*) Упоминаемый г. Погодинымъ представитель рода Пятышевыхъ былъ Акимъ Васильевичъ Пятышевъ, вологодскій мѣщанинъ, владѣлецъ дегтярнаго завода, имѣвшій денежнаго капитала не болѣе 10 тысячъ. Онъ умеръ въ 1846 году, 67 лѣтъ отъ роду, холостымъ, оставивъ по себѣ наслѣдницею родную племянницу, дочь брата его Николая Васил. дѣвицу Екатерину, которая умерла въ 1854 году. 53 лѣтъ отъ роду. Съ ней угасла фамилія Пятышевыхъ. А въ 1856 году умеръ (отъ холеры) и послѣдній представитель рода Пятышевыхъ, какой-то дальній родственникъ ихъ, мѣщанинъ Алексѣй Евграф. Шапкинъ, съ молодыхъ лѣтъ жившій въ домѣ упомянутаго Акима Васильевича.

(**) Священникъ Аѳанасій Гаврил. Непеинъ, рукоположенный въ 1813 году Преосв. Евгеніемъ, священствовалъ при Троицкой церкви болѣе 50 лѣтъ. Умеръ въ 1865 году. Онъ служилъ при девяти вологодскихъ архіереяхъ и на предложеніе послѣдняго изъ нихъ (Преосвящ. Христофора), не пора ли ему успокоиться, отвѣчалъ нежеланіемъ оставить службу, пока силы есть. „Пою Богу моему, дондеже семь“, прибавилъ при этомъ старецъ.

(***) Это первое русское посольство въ Англію отправлено было при царѣ Іоаннѣ Грозномъ въ 1555 году, послѣ вторичнаго прибытія въ Россію извѣстнаго англійскаго капитана Ричарда (по русскимъ лѣтописямъ Рыцертъ) Ченслера. См. Ист. Россіи Соловьева т. VI, стран. 171—173.

ное однимъ изъ сыновей (?) Іоанна III (*). Монастырь занимаетъ большое пространство, гдѣ бы можно кажется развести огороды, но монаховъ только шесть, которые едва и службу могутъ отправить....

Августа 21. Разбиралъ библіотеку Спасоприлуцкаго монастыря; нашелъ цѣлую огромную книгу тяжебныхъ дѣлъ монастыря съ разными частными лицами отъ начала XVII столѣтія до Петра Великаго. Больше тысячи листовъ. Драгоцѣнная находка! Древнее судопроизводство наше по всѣмъ инстанціямъ обнаруживается вполнѣ, какъ оно было до преобразованія Петра Великаго.

Прекрасный древній списокъ Житія Ѳеодосія и прочихъ Печерскихъ Угодниковъ, прекрасный сборникъ на пергаменѣ съ слѣдующею любопытною припискою въ началѣ рукописи:

«За молитву святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь. Благослови отче свершити. Аминь. А ты, брате писецъ! не лѣнися, начатое свершивай, вставай рано на свое доброе дѣло. А Богъ тебѣ помогаетъ. Господи помилуй. *Чолноци норисуй, арипъ, арипъ*(**). Эта приписка красными чернилами расположена фигурой сосуда.

(*) Не изъ сыновей, а изъ братьевъ Іоанна III, именно княземъ Андреемъ Васильевичемъ Меньшимъ, какъ гласитъ надпись на блюдѣ: „блюдо подъ дору въ церковь Преображеніе Господа Бога и Спаса нашаго Іисуса Христа, на Каменое (т. е. въ Каменный, что на Кубенскомъ озерѣ монастырь), сдѣлано бысть повѣлѣніемъ Князя Андрея Васильевича Меншого лѣта 87. (т. е. 6987, или отъ Р. Х. 1479 г.) Этотъ князь Андрей, по завѣщанію отца своего Василія Темнаго, получилъ въ удѣлъ Вологду, Кубену и Заозерье. См. Засѣдк. стран. 34 и 55.

(**) Т. е: „Господи помилуй, аминь, аминь.» Это писано такъ называемою Тарабарскою грамотой. Для тѣхъ изъ читателей нашихъ, которымъ случится имѣть дѣло съ старописными книгами и въ нихъ съ подобными тарабарскими приписками, считаемъ не излишнимъ дать ключъ къ уразумѣнію этой грамоты. Въ этой грамотѣ гласныя буквы не измѣнялись, но согласныя замѣнялись одна другою слѣдующимъ образомъ: вмѣсто Б употреблялось щ, вм. В—ш, Г—ч, Д—ц, Ж—х, З—ф, К—т, Л—с, М—р, Н—п, П—н, Р—м, С—л, Т—к, Ф—з, Х—ж, Ц—д, Ч—г, Ш—в, Щ—б.—Въ одной старинной книгѣ мы нашли замѣтку, что книгу эту писалъ: попъ Ироніонъ Аверкіевъ сынъ. Это по тарабарски, а по русски: „попъ Иродіонъ Аверкіевъ сынъ.“

Житіе, чуть ли не современное, на хлопчатой бумагѣ, Стефана Пермскаго, Кирилла Философа съ замѣчательными варіантами. Тріодь, Сборникъ на пергаментѣ изъ сочиненій Святыхъ отцевъ, по крайней мѣрѣ изъ начала 14-го столѣтія.

Зашелъ ко мнѣ г. Савваитовъ, и я показалъ ему харатейныя рукописи. «Да у насъ есть еще древнѣе», отвѣчаетъ онъ.— Гдѣ?—«Въ Семинаріи». Что за богатство было у насъ въ рукописяхъ!

Былъ въ Семинаріи. Обветшавшее зданіе, въ родѣ Гранвильскаго аббатства.—Въ библіотекѣ есть пять-шесть харатейныхъ кодексовъ 14-го и можетъ быть 13 вѣка(*). Почеркъ близокъ съ Прилуцкими и моими Новгородскими. Чуть нельзя ли опредѣлить теперь характеръ общій Новгородскаго, или лучше сѣвернаго письма.

Къ Семинаріи принадлежитъ церковь бывшаго Кирилловскаго подворья: древній рѣзной иконостасъ таковъ, что нашъ Солнцевъ упалъ бы предъ нимъ на колѣни(**)! Ему непремѣн-

(*) Въ семинарской библіотекѣ только пять пергаментныхъ рукописей, именно: № 1717-й библіотечнаго каталога: „Евангеліе“ (апракосъ) въ большую почтовую четверку; № 1718 „Апостолъ,“ въ полистъ; № 1719—„Тріодь постная“, въ 4-о; № 1720,—„Тріодь Цвѣтная“ полли.тъ, съ двумя подписями внизу первыхъ страницъ: первая подпись (киноварью) говоритъ: „Сія книга Діонисія Чудотворца у Іоанна Святаго на Сосновцѣ (т. е. въ Глушицкомъ Сосновецкомъ монастырѣ Преп. Діонисія, въ которомъ первоначальная церковь была во имя Св. Іоанна Предтечи); другая подпись (чернилами) гласитъ: „Книга Тріодь Цвѣтная церкви Космы и Домиана, что въ Кузминскомъ (церковь эта была въ вотчинѣ Глушицкаго монастыря: см. Волог. Еп. Вѣдом. 1865 года № 21,); № 1722—„Святцы“ въ 4-о, съ надписью: „Сіи Святцы церкви Козмы и Дамиана, что въ Кузминскомъ“. (Слѣдов. и эта книга принадлежала Глушицкому монастырю). Изъ упомянутыхъ пяти книгъ, мы сличали почеркъ Евангелія съ напечатанными въ книгѣ: (Specimina Palaeographica) (издан. 1833 г., въ Москвѣ преосвящ. Саввою, Епископомъ Можайскимъ)образцами русскихъ старинныхъ почерковъ разныхъ столѣтій, и—послѣ этого сличенія—готовы относить Евангеліе къ XIII вѣку. Но чтобы не руководствоваться въ этомъ случаѣ нашимъ единоличнымъ и малоопытнымъ мнѣніемъ, мы приготовляемъ снимки (fac-simile) нѣкоторыхъ мѣстъ изъ всѣхъ вышеозначенныхъ пяти книгъ, съ цѣлію—препроводить эти снимки къ нѣкоторымъ извѣстнымъ русскимъ археологамъ и просить ихъ сообщить намъ свои мнѣнія. По полученіи отъ нихъ отзывовъ, не преминемъ сообщить оные нашимъ читателямъ.

(**) Въ 23 № Волог. Епарх. Вѣд. 1867 года, въ статьѣ—о Вознесен-

но надо пріѣхать сюда. Множество древнихъ образовъ, и есть съ годами. Собрать и списать бы ихъ всѣ: по нимъ можно судить приблизительно и о древности тѣхъ, которыхъ годъ не означенъ, какъ то дѣлается съ рукописями.

Въ ризницѣ хранится серебряный крестъ съ надписью: «*лѣта 7111* (1603) *году сдѣланъ бысть сіи к естъ на Москвѣ въ монастырь Успенія Пречистые Богородицы Преп. отца нашего Кирила Бѣлоозерскаго Чудотворца при Благовѣрномъ Царѣ.. Борисѣ Ѳеодоровичѣ... при игуменѣ Іоасафѣ з братіею*».—Распятіе на крестѣ вычеканено такое, которому безъ означенія я не далъ бы больше 150 лѣтъ, также и изображеніямъ Маѳы и Маріи.

Есть здѣсь цѣлая слобода *Фрязиново* и приходъ во имя Андрея Первозваннаго, напоминающій того Андрея Фрязина, которому далъ земли Димитрій Донской(*), и который былъ чуть ли не первымъ выходцемъ Нѣмецкимъ, поселившимся на Святой Руси, а за нимъ съ легкой руки, или лучше ноги, послѣдовалъ легіонъ и легіоны легіоновъ.

Былъ у г. Саввантова: онъ живетъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, священникомъ, и занимаетъ одну маленькую комнату, отъ которой отдѣлены еще три клѣточки. Здѣсь онъ занимается своей философіей и исторіей, но долженъ очищать ее, если къ отцу придетъ какой гость.—Кто бы подумалъ, что за этимъ огаркомъ, въ захолустьѣ бѣднаго губернскаго города, въ полу-

---

ской въ г. Вологдѣ церкви, мы уже заявили наше мнѣніе, что этотъ возгласъ г. Погодина, вѣроятно, относился не ко всему иконостасу, а только къ царскимъ дверямъ.

(*) Вотъ грамота, жалованная В. К. Дим. Донскимъ Андрею Фрязину: „Се азъ Князь Великій Дмитрій Иваьовичъ пожаловалъ есмь Ондрѣя Фрязина Печерою, какъ было за его дядею за Матѳесемъ за Фрязиномъ; а въ Перми емлеть подводы, какъ было и доселѣ; а вы, Печеряне, слушайте его, и чтите, а онъ васъ блюдетъ. А ходить по пошлинѣ, какъ было при моемъ дѣдѣ при Князи при Великомъ при Иванѣ, и при моемъ дядѣ при Князѣ при Великомъ при Семенѣ, и при моемъ отци при Князи при Великомъ при Иванѣ, такъ и при мнѣ, „См. Истор. Гос. Росс. Карамз. издан. Эйнерлинга, т. V, стран. 68 и примѣч. 134. Годъ грамоты не означенъ.

развалившейся избенкѣ, читается и размышляется Августинъ и Кантъ?

Поговорили о Семинаріи, Гимназіи, о согласной жизни Профессоровъ, которой надо желать всѣмъ ученымъ обществамъ для блага ихъ заведеній и собственнаго ихъ удовольствія.

Увидѣлъ микроскопическіе замочки съ ключами Сольвычегодскаго мастера Юницына, который продавалъ ихъ сперва по гривеннику, потомъ по рублю, и наконецъ по пяти рублей. Есть цѣпочка изъ нихъ, гдѣ у каждаго замочка свой ключикъ, не подходящій къ другимъ(*). У мастера блоха привязана на цѣпь за ногу, однакожь не мѣшающую ей прыгать. Какова же должна быть тонкость желѣзнаго волоска, и способность Русскаго человѣка, который всѣ эти чудеса производитъ помощію одного напилка! Повѣрить трудно!

И здѣсь есть преданіе о подземномъ ходѣ подъ рѣкою Вологдою. Одни говорятъ, что онъ велъ даже до Прилуцкаго монастыря, а другіе—до церкви Владимірскія Божія Матери. Слѣдовательно туннели были въ Россіи искони; но теперь засорены древніе выходы.

Ввечеру возвратился домой. Собралась ужасная гроза. Загремѣлъ громъ, а молніи такъ и горѣла на небѣ. Разговоръ начался съ Преосвященнымъ о силахъ природы, о борьбѣ стихій, о борьбѣ началъ, объ уподобленіи сатаны молніи («видѣхъ сатану, яко молнію съ небесе спадша»), о духахъ, о

(*) Объ этихъ замочкахъ и о другихъ вещахъ вотъ что сказано въ брошюрѣ (въ 8-о), напечатанной въ 1814 году, въ Москвѣ, въ Универс. типогр., подъ заглавіемъ: „Записки, веденныя по топографо-историч. части учителемъ Сольвычегодскаго уѣзднаго училища Протопоповымъ въ первую и послѣднюю половину 1813 года“ (стран. 39, подстрочн. примѣч.): „Въ двухъ верстахъ отъ Сольвычегодска, одинъ крестьянинъ довелъ себя въ семъ (слесарномъ) искусствѣ до значительной степени: работаетъ маленькія жаровенки, замки, утюги и прочія желѣзныя вещи съ искусствомъ и полировкою, мало уступающими Тульскимъ. Здѣшняго жъ уѣзда въ Кивокурской волости, разстояніемъ отъ города въ 160 верстахъ работаютъ замочки по 96 въ золотникъ и болѣе, и стѣнные часы, также съ хорошимъ искусствомъ,

безсмертіи, о личности, о ризахъ кожаныхъ, о преображеніи, о просвѣтлѣніи.

Августа 22. Перечитывалъ извѣстія о Вологдѣ. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что по грамотамъ Вологда считается между владѣніями Новгородскими, а по лѣтописямъ значится въ тоже время какъ удѣлъ Ростовскій. Мнѣ кажется, что Вологдой назывался не только городъ, но и область(*), часть области могла принадлежать Ростову, а другая, бо́льшая, въ тоже время Новгороду. Такъ точно выходитъ и по церковнымъ извѣстіямъ: часть нынѣшней Вологодской губерніи (которую надо изслѣдовать по грамотамъ), принадлежала къ епархіи Новгородской, а другая къ Ростовской. Не однѣ ли и тѣ же предѣлы имѣли онѣ, т. е. церковное раздѣленіе не было-ли вмѣстѣ политическимъ?—Можно найти и доказательства: о воеводахъ Василья Дмитріевича сказано, что они опустошили *всю* Вологду, и Холмогоры взяли. Въ Новгородскихъ грамотахъ Вологда стоитъ между областями: Тре, Пермь, Печора, *Вологда.*

Описаніе Иноходцева *(волог. губ., о которомъ и выше упоминаетъ г. Погодинъ)* очень дѣльно, полно и хорошо. Мы забываемъ труды нашихъ Академиковъ.

Разбиралъ библіотеку Спасопріяуцкаго монастыря. Житіе Саввы Сербскаго, въ харатейномъ Сборникѣ по крайней мѣрѣ 14-го вѣка, должно быть очень интересно для Шафарика.

Встрѣтился съ Игуменомъ (**), жившимъ при извѣстномъ

(*) Мы уже дважды имѣли случай представить доказательства, что имена „городовъ" встарину обозначались и ихъ „уѣзды", или области: См. Волог. Епарх. Вѣдом. 1865 г. № 5, неофф. ч. стран. 170 въ статьѣ „О двукратномъ при соединеніи Двины, Ваги и Кargополя отъ Новгор. къ Вологодской епархіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ» Въ № 18-мъ того же года, часть неофф. стран. 733. въ стать : „О присоединеніи Вологды къ Пермской епархіи".

(**) Нынѣ Архимандритъ, настоятель Корниліево-Комельскаго монастыря Арсеній.

Архимандритѣ Фотіѣ, до самой его кончины, и я услышалъ много любопытныхъ подробностей объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ нашего времени.

Августа 23. Разсматривалъ рукописи Спасоприлуцкаго монастыря, Семинарскую библіотеку.

Отправился къ К. Н. Батюшкову, по вызову Протоіерея(*), въ домѣ котораго онъ живетъ. Константинъ Николаевичъ провелъ ночь не хорошо. Протоіерей и Г-нъ П. совѣтовали мнѣ встрѣтиться съ нимъ на прогулкѣ, въ саду надъ рѣкою(**), куда онъ сей часъ долженъ итти. Получивъ свѣдѣнія отъ нихъ о его состояніи, и нѣсколько рисунковъ его работы, я отправился въ садъ. Чрезъ часъ я вижу и Батюшкова. Онъ совершенно здоровъ физически, но посѣдѣлъ, ходитъ быстро и безпрестанно дѣлаетъ жесты твердые и рѣшительные; встрѣтился съ нимъ два раза, а болѣе боялся, чтобъ не возбудить въ немъ подозрѣнія.

Августа 24. Приводилъ въ порядокъ дорожныя записки, рылся въ хламу, гдѣ нашелъ еще нѣсколько харатейныхъ листовъ, обглоданныхъ мышами и источенныхъ червями.

Послѣ обѣда въ Прилуцкомъ монастырѣ. На церковномъ крестѣ развѣвались лоскуты. Что это такое? «Нынѣ поднимали крестъ, сшибенный бурею, а жители имѣютъ обыкновеніе приносить отъ своего усердія новинки на крестъ въ церковь, отъ которыхъ остается и для монастыря».

Августа 25. Былъ у меня одинъ изъ здѣшнихъ почетнѣйшихъ гражданъ, г. Сѣверовъ(***) и пригласилъ нынѣ обѣдать

(*) Нынѣшняго настоятеля градской Іоанно-Предтеч что въ Рощеньѣ церкви, Петра Васильев. Васильевскаго.

(**) Здѣсь разумѣется садъ, называемый „Соборною горою".

(***) Бывшій содержатель въ Вологдѣ виннаго откупа, родомъ изъ крестьянъ, составившій себѣ умомъ и оборотливостію весьма значительное состояніе. Онъ былъ необыкновенный начетчикъ и, такъ сказать, ходячая энциклопедія. Мы слышали, что Преос. Иннокентій уважалъ этого человѣка и любилъ подолгу бесѣдовать съ нимъ.

къ себѣ, вмѣстѣ съ Преосвященнымъ. Провелъ съ нимъ пріятный часъ въ разговорѣ о торговлѣ и о здѣшнемъ краѣ, и къ удивленію своему услышалъ, что онъ читалъ Нестора, и помнитъ нѣкоторыя мѣста наизусть» ...

«М. П.»

Рано утромъ 26 Августа Г. Погодинъ отправился изъ Вологды въ Кириллобѣлоезерскій монастырь, въ сопровожденіи профессора Савваитова(*).

* * *

8. Іоганнъ Гейнрихъ Блазіусъ Брауншвейгскій профессоръ, съ спутниками.

I. Г. Блазіусъ, профессоръ естественной исторіи при **Collegium Carolinum** въ Брауншвейгѣ (съ 1836 г.), директоръ музея естественныхъ и ботаническихъ предметовъ тамъ же,—бывшій съ 1837 года учителемъ естествознанія и математики при реальной школѣ въ Крефельдѣ (въ рейнской Пруссіи), родился 7 Октября, 1809 г. въ Нимбрехтѣ (**Nymbrecht, Regirungsbezirk Cöln**). Онъ путешествовалъ по Россіи въ 1840 и 1841 годахъ вмѣстѣ съ Мейеромъ, графомъ Кейзерлингомъ (нынѣ попечитель Дерптскаго университета, Мурчисономъ и Вернейлемъ. Плодами этой поѣздки были двѣ книги: а) изданное на англ. языкѣ Мурчисономъ «*Геологическое описаніе Европ. Россіи и хребта Уральскаго*», перевед. на русск. языкъ полковн. Озерскимъ и напечат. въ 2-хъ томахъ въ С.П.Б. въ 1859 г.(**) и б) «*Путешествіе по Европейской Россіи въ 1840 и 1841 годахъ*», сочин. самаго Блазіуса (въ двухъ частяхъ). Въ первой

(*) См. продолженіе путевыхъ записокъ г. Погодина въ № 11 „Москвитянина 1843 г., стран. 244: и слѣд: „Дорога отъ Вологды до Кириллова. Кирилловъ. Дорога до Бѣлозерска.“

(**) Книга эта составляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость. Въ „Систематической Росписи книгамъ“, продающимся въ книжн. магаз. И. И. Глазунова, изданной въ С П Б. 1867 года, цѣна этой книгѣ пок зана 15 рублей.

части этой послѣдней книги (не переведенной на русскій языкъ), Блазіусъ даетъ почетное мѣсто и Вологдѣ и Вологодской губерніи, посвятивъ имъ слѣдующія главы: VI. «Путь отъ Кириллова до Вологды»; VII. «Путь отъ Вологды до Устюга Великаго»; VIII. «Пребываніе въ Устюгѣ Великомъ»; IX. «Сѣверная Россія»; XI. «Путь отъ Вологды до Ярославля». Въ этой книгѣ, кромѣ гравированныхъ видовъ Кубенскихъ церквей и города Устюга, помѣщены политипажи: «Сухонскій лоцманъ»; «Крестьянская изба»; Запасный магазинъ»; «Деревянная церковь на Сухонѣ»; «Тюрьма въ Грязовцѣ»; «Кабакъ». Мы не видѣли книги Блазіуса, а вышесообщенныя свѣдѣнія получили отъ видѣвшихъ ее нашихъ корреспондентовъ. Одинъ изъ этихъ корреспондентовъ дѣлаетъ о ней такой отзывъ: «не смотря на нѣкоторыя ошибки, для иностранца неизбѣжныя и нѣкоторые промахи, иногда довольно смѣшные, «Путешествіе» Блазіуса представляетъ трудъ добросовѣстный, что можно сказать о немногихъ иностранцахъ, посѣщавшихъ святую Русь». А вотъ и другой отзывъ о Блазіусѣ, (напечатанный въ «Извѣстіяхъ Импер. Русск. Археол. Общ. 1861 г. томъ II, стран. 13.): «Не къ чести нашихъ археологовъ и зодчихъ, можно замѣтить, что не они, а безпристрастный иностранный ученый, путешествовавшій по Россіи, профессоръ Блазіусъ, первый обратилъ особенное вниманіе на своеобразное зодчество старинныхъ русскихъ церквей и помѣстилъ множество рисунковъ ихъ въ своемъ «Путешествіи».

Въ бытность свою въ Вологдѣ, Блазіусъ (но въ которомъ изъ двухъ упомянутыхъ годовъ онъ былъ и долго ли былъ, не знаемъ) квартировалъ въ гостинницѣ «Лондонъ» и сдѣлалъ о ней весьма неблагопріятный отзывъ въ своей книгѣ; а объ этомъ отзывѣ весьма неблагопріятно отозвался потомъ квартировавшій въ той же гостинницѣ въ 1847 году профессоръ Моск. университета С. П. Шевыревъ, которому квартира

показалась не неудобною(*). Впрочемъ вообще г. Шевыревъ въ книгѣ своей: «Поѣздка въ Кириллобѣлоезерскій монастырь» о Блазіусѣ говоритъ неблагосклонно и любитъ указывать на его «промахи». Такъ на прим., проѣзжая черезъ село Кубенское(**), г. Шевыревъ написалъ о Блазіусѣ:

«... Оба храма и колокольня села Кубенскаго такъ понравились Блазіусу, что онъ приложилъ рисунокъ ихъ къ своему «Путешествію». Спасибо ему за вѣрность рисунка съ маленькимъ исключеніемъ, что рѣшетка перенесена имъ на другую сторону. Изъ любопытства, я на мѣстѣ повѣрялъ нѣкоторыя показанія Блазіуса, черезъ распросы у туземцевъ. «Принадлежало ли когда ваше село помѣщицѣ Яковлевой?»— Никогда, принадлежало помѣщицѣ Ярославовой, а теперь мы за Графомъ А. Ѳ. Орловымъ и его племянниками.—«Занимаются ли здѣшніе крестьяне рыбной ловлею въ здѣшнемъ же озерѣ и возятъ ли ее на продажу?»—Они торгуютъ рыбой, но не изъ озера, а возятъ навагу и копченыя сельди, которыя ловятся не здѣсь.—«А разводятъ ли у васъ по огородамъ салатъ?» Кубенцы засмѣялись; салату они и въ глаза не видали, а нѣмецъ видно не могъ не навязать салата русскому селенію, которое ему полюбилось. Едва ли возможно для него безъ салату существованіе человѣка, сколько нибудь образованнаго. «Ну, а воздѣлываются ли у васъ яблони?»—Воздѣлываться не воздѣлываются, а родятся яблоки, какъ ихъ Богъ роститъ.— Распросы происходили на колокольнѣ. «Ну, а на колокольнѣ у васъ, говорятъ (т. е. говоритъ Блазіусъ) 20-ть колоколовъ. Гдѣ жъ они?»—Нѣтъ, батюшка, неправда, пересчитайте!— Такъ невѣренъ Блазіусъ въ подробностяхъ описаній: что же въ цѣломъ?»(***)

(*) Свѣдѣнія о пребываніи г. Шевырева въ Вологдѣ помѣстятся вслѣдъ за извѣстіями о Блазіусѣ.

(**) См. книгу Шевырева: Поѣзка въ Кирил. мон., часть 1, стран. 131 и 132.

(***) Село Кубенское, при озерѣ Кубенскомъ, при рѣчкѣ Княжицѣ и прудѣ

Но еще съ большимъ сарказмомъ г. Шевыревъ передаетъ слѣдующій анекдотъ, разсказанный Блазіусомъ по случаю пребыванія его въ Кирилловѣ:

«... Въ воскресенье, 23 Іюня, рано утромъ были мы въ Кирилловѣ. Стряхнувъ съ себя дорожную пыль, мы отдохнули съ часокъ и пошли на озеро выкупаться. Чтобы неслишкомъ разгорячennому отъ солнечнаго зноя придти къ водѣ, я надѣлъ бѣлую полотняную блузу и свѣтлую соломенную шляпу, но послѣ въ томъ раскаялся. Крестьяне, собравшіеся многочисленною толпою, падали всюду ницъ, гдѣ я ни проходилъ, творили огромное знаменіе креста и цѣловали мнѣ ноги. Они, казалось мнѣ, считали меня за высокую духовную особу, потому что я весь былъ въ бѣломъ. Такъ какъ я сначала не могъ понять, что бы значило это поклоненіе, то я уже во все недуховнымъ образомъ ускорилъ свои шаги, дабы избавить себя отъ смущенья, и впередъ рѣшился избѣгать всякаго подобнаго повода къ обольщеніямъ». (Блазіусъ).

«Чему тутъ удивляться болѣе (спрашиваетъ Г. Шевыревъ): лжи или невѣжеству? Когда же высокія духовныя особы наши ходятъ въ бѣлыхъ полотняныхъ блузахъ и въ соломенныхъ шляпахъ? Когда же крестьяне крестятся передъ ними и цѣлуютъ у нихъ ноги? Какъ они могли бритаго Блазіуса, который шелъ купаться, принять за Епископа? Догадываюсь, что Іюня 23 дня, въ день Владимірской иконы Богоматери, былъ ходъ съ образами около Кирилова и что бѣдный Блазіусъ всѣ молитвенные поклоны народа принималъ на свой счетъ».(*)

Княжемъ, въ 27¦ верстахъ отъ г. Вологды; жителей въ немъ до 1000 душъ об. пола; церквей православныхъ 3, Торжокъ Заводъ 1. См. Списки населенныхъ мѣстъ Росс. Имперіи, составл. Центральнымъ Статист. Комит. Мин. Внутр Дѣл. 1866. С.П.бургъ. „Вологодская губернія".

(*) См. въ той же книгѣ Шевырева, часть II, стран. 106.

Позволительно и намъ спросить г. Шевырева: по чему же самъ онъ, проѣзжая въ 1847 году чрезъ Кирилловъ, не собралъ тамъ свѣдѣній о томъ, дѣйствительно ли бываетъ въ этомъ городѣ 23 Іюня крестный ходъ, или былъ ли въ немъ такой ходъ во время проѣзда чрезъ него Блазіуса? Тогда онъ могъ бы еще побѣдоноснѣе поразить нѣмца, если бы т. е. оказалось, что крестный ходъ дѣйствительно былъ.

* *
*

9. Степанъ Петровичъ Шевыревъ, профессоръ Московскаго университета.

Въ 1847 году, лѣтомъ, во время каникулъ, проѣзжая въ Кириллобѣлоезерскій монастырь, г. Шевыревъ былъ въ Вологдѣ двои сутки (въ первыхъ числахъ Іюля). Въ изданной имъ, по поводу этой поѣздки, книгѣ,*), цѣлая глава посвящена описанію пребыванія его въ нашемъ городѣ. Описаніе это состоитъ изъ краткихъ и бѣглыхъ замѣтокъ о Вологдѣ, частію на мѣстѣ собранныхъ, частію заимствованныхъ изъ разныхъ извѣстныхъ о ней сочиненій. Любопытнѣйшее въ этомъ описаніи есть разсказъ о двухъ встрѣчахъ съ К. Н. Батюшковымъ Извлекаемъ изъ упомянутаго описанія то, что находимъ наиболѣе интереснымъ, позволяя себѣ въ примѣчаніяхъ дополнить и по мѣстамъ исправить показанія достопочтеннаго автора.

«Утромъ на разсвѣтѣ, (пишетъ г. Шевыревъ) пріѣхали

(*) Книга эта подъ заглавіемъ: «Поѣздка въ Кириллобѣлоезерскій монастырь: вакаціонные дни профессора С. Шевырева въ 1847 году,» напечатана въ Москвѣ, въ 1850 году, въ двухъ частяхъ, съ 25 литографированными рисунками.

мы (*) въ Вологду, гдѣ гостинница Лондонъ, уже успѣвшая съ тѣхъ поръ сгорѣть(**), мирно приняла насъ въ свои стѣны. Скоро яркое солнце, свѣтившее во всѣ окна, не завѣшанныя

(*) Г. Шевыреву сопутствовалъ въ „этой поѣздкѣ Николай Васил. Бергъ, тогда еще юноша, питомецъ московск. университета, впослѣдствіи ознаменовавшій свое литературное поприще нѣсколькими стихотвореніями и изданіемъ брошюръ: „Пѣсни разныхъ народовъ," „Записки о Севастополѣ" и друг. Объ этомъ Бергѣ въ началѣ своей книги г. Шевыревъ говоритъ: „Спутникъ мой, Н. В. Б., владѣющій карандашемъ съ такою же граціей, какъ и стихомъ, снялъ нѣсколько очерковъ, за которые я ему весьма благодаренъ." Подъ очерками разумѣются упомянутые выше 25 литограф. рисунковъ.

(**) Здѣсь указывается на сильный пожаръ въ Вологдѣ, бывшій въ 1848 году, Іюня 2 числа, начавшійся въ шесть часовъ утра этого дня въ улицѣ, ведущей отъ гостиннаго двора къ Кирилло-семинарской церкви и въ теченіи шести часовъ истребившій болѣе 20 домовъ, въ томъ числѣ огромный каменный домъ купцовъ Гудковыхъ-Бѣляковыхъ, въ которомъ находилась тогда (и теперь находится) гостинница Лондонъ. Упомянувъ объ этомъ пожарѣ, пользуемся случаемъ и считаемъ священнымъ долгомъ, съ чувствомъ сердечной благодарности, припомнить согражданамъ о тѣхъ, истинно пастырскихъ дѣйствіяхъ тогдашняго волог. Преосвященнаго Евлампія, которыми этотъ ревностный въ дѣлѣ благочестія архипастырь старался утѣшить и ободрить гражданъ въ это вдвойнѣ бѣдственное для нихъ время (говоримъ „вдвойнѣ бѣдственное:" потому что со дня пожара и всеобщей тревоги стала въ Вологдѣ съ особенною силою развиваться, дотолѣ и чти незамѣтная, болѣзнь—холера, много похитившая жителей въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, по 6-е Августа, день торжественнаго на соборной площади молебствія по случаю прекращенія епидеміи). Въ упомянутый бѣдственный день 2-го Іюня во второмъ часу по полудни, когда дѣйствіе огня въ двухъ обгорѣлыхъ улицахъ немного ослабѣло, впрочемъ было еще довольно сильно, преосв. Евлампій, послѣ умилостивительнаго молебна во всеградской Спасской церкви, совершилъ изъ нея среди пылающихъ зданій крестный ходъ, подвергая себя и спутниковъ своихъ опасности сильнаго опаленія. Бывъ очевидцами, можемъ, положа руку на сердце, сказать, и слова наши вѣроятно подтвердятъ многіе, что послѣ крестнаго хода дѣйствіе огня видимо ослабѣло и распространеніе пожара прекратилось. На другой послѣ этого день 3 Іюня (день Спасоприлуцкаго праздника), обычный въ этотъ день каждогодный крестный ходъ въ Прилуки, по распоряженію Владыки, направленъ былъ изъ собора, черезъ рынокъ, мимо опустошенныхъ на канунѣ пожаромъ мѣстъ и при этомъ сдѣланы были четыре остановки для молебныхъ пѣній: первая передъ сгорѣвшимъ домомъ купцовъ Бѣляковыхъ, гдѣ архипастырь произнесъ приличную случаю назидательную и утѣшительную рѣчь; вторая у дома Дворянскаго Собранія; третья на противоположномъ концѣ этой улицы (у плацъ-парада), и послѣдняя передъ Кириловско-семинарскою церковью, съ колѣнопреклоненіемъ. За тѣмъ ходъ продолжался черезъ Красный мостъ на Никольскую и потомъ на Архангельскую улицу. На четвертый послѣ пожара день, 6-го Іюля, Преосвящ. Евлампій совершалъ литургію во всеградской церкви и послѣ оной, въ сочастіи всего духовенства города, умилостивительное о прекращеніи губительныя болѣзни молебствіе, послѣ котораго совершенъ былъ новый крестный ходъ, необыкновенный по обойденному весьма значительному пространству, а именно: отъ всеградской мимо Предтеченской, что въ Рощеньѣ, церкви въ Изосимскую улицу; отсюда черезъ

ничѣмъ, и воскресный звонъ(*) нѣкоторой части изъ 400 колоколовъ древняго города, считающаго до 50-ти церквей(**), разбудили усталыхъ путниковъ. Хотя гардинъ и не было на окнахъ гостинницы; но я не знаю, за что такъ немилосердо опорочилъ ее Блазіусъ въ своемъ путешествіи. «Обритые, многочисленные, синеблѣднолицые полорые» показались ему «грязны и отвратительны»; комнаты «нечисты, пусты, зловонны; услуженіе медленное; кушанье сносно развѣ для голоднаго.» Все это можетъ быть справедливо только въ воображеніи такого иностранца, который ѣздитъ по Россіи съ тайнымъ чувствомъ ненависти ко всему, что ни видитъ, и не столько приноситъ пользы себѣ и другимъ, сколько раздражаетъ бѣдную желчь свою.

«Наружность Вологды поразила меня своею древностью. Но въ этой древности было и что-то мрачное. Особенно стѣны и башни ея съ черными куполами бросились мнѣ въ глаза прежде всего(***) .Вологда издревле была городомъ торговымъ, который позднѣе связывалъ Москву съ Архангельскомъ. Англійскія посольства всегда проѣзжали черезъ нее(****). Она стояла на богомольномъ пути древнихъ Царей нашихъ въ Кирилловъ монастырь. Вологда была изстари и мѣстомъ изгнанія.

Красный мостъ по набережной на Соборный мостъ; далѣе мимо соборной горы булеварами на Винтеровскій мостъ; отселѣ мимо Екатерининской церкви къ всеградской церкви и отъ нея въ Софійскій соборъ. Этотъ крестный ходъ, въ которомъ участвовалъ и самъ Архимастырь, продолжался съ остановками до 4-хъ часовъ по полудни.

(*) „Воскресный звонъ“: это было въ 6 день Іюля: бывшій воскреснымъ въ 1847 году.

(**) Въ настоящее время въ Вологдѣ 40 приходскихъ церквей; но отдѣльныхъ церковныхъ зданій, считая соборныя, монастырскія и приписныхъ храмовъ, болѣе 50-ти.

(***) Какія это стѣны и башни съ черными куполами? Вѣроятно волог. архіерейскаго дома, а можетъ быть вмѣстѣ и тѣ (впрочемъ новѣйшаго времени) башни, которыя находятся надъ торговыми рядами при р. Золотухѣ.

(****) Въ Историч. и топографич. извѣстіяхъ о Вологдѣ г. Засѣцкаго записано нѣсколько случаевъ проѣзда Англійскихъ и другихъ посольствъ чрезъ Вологду. Извѣстно также, что въ XVII сто лѣтіи и русскія посольства въ иностранныя государства иногда проѣзжали, впередъ и обратно, чрезъ Вологду. Объ этихъ проѣздахъ черезъ Вологду разныхъ посольствъ, надѣемся сообщить свѣдѣнія въ особой статьѣ, имѣя для

«Садъ, раскинутый на площади передъ гостинницей, представлялъ что-то недоконченное. Эстетическая мысль какого нибудь заботливаго градоначальника какъ будто не достигла полнаго своего развитія и осталась заброшенною (*). Первымъ движеніемъ моимъ было идти въ Соборъ. Хотя Вологду жители ея и считаютъ пятымъ городомъ въ Россіи по числу Божіихъ храмовъ (**), но соборъ ея отличается ветхостью и сыростью. Строенъ онъ первоначально при Іоаннѣ Грозномъ, но, вѣроятно, былъ передѣлываемъ послѣ(***). Живопись кромѣ алтаря, говорятъ, относится къ 1683 году(****), но она весьма пострадала. Характеромъ своимъ, впрочемъ, она не такъ примѣчательна. Между иконами замѣчательна икона Пресвятыя Троицы съ Зырянскою надписью: она стоитъ въ соборѣ у стѣны, съ праваго боку. Надпись не разобрана. Но Зырянскимъ языкомъ мы не занимаемся. Въ Германіи выходятъ Зырянскія грамматики, но не у насъ, гдѣ самый языкъ существуетъ(*****). Познакомить съ языками племенъ, въ Россіи обитающихъ, будетъ, конечно, дѣломъ Географическаго Общества.

того нѣсколько новыхъ, найденныхъ въ здѣшнихъ архивахъ, документовъ.

(*) Садъ этотъ, называющійся Александровскимъ, первоначально устроенъ (по образцу Московскаго сада близъ Кремля) въ 1837 году, при волог. губернаторѣ Дим. Никол. Бологовскомъ, по случаю ожидавшагося въ 1838 г., но не состоявшагося, прибытія въ Вологду тогдашняго ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА, нынѣ благополучно царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Впослѣдствіи, оставаясь безъ надлежащей поддержки, этотъ садъ дѣйствительно представлялъ что-то неоконченное, и нынѣ уже на половину уничтоженъ.

(**) Пятымъ городомъ: послѣ какихъ четырехъ? Мы не слыхали въ Вологдѣ такого мнѣнія.

(***) Былъ обновляемъ неоднократно, но передѣлываемъ никогда не бывалъ, если не считать за передѣлку расширеніе немногихъ оконъ и придѣлку къ меньшихъ крылецъ, вмѣсто деревянныхъ.

(****) Вся живопись во всемъ храмѣ относится къ двумъ годамъ, начата въ Іюлѣ 1686, окончена въ Іюнѣ 1688 г.

(*****) Пишу эти строки, г. Шевыревъ еще не зналъ о Зырянской грамматикѣ П. П. Саввантова, напечат. въ томъ же 1850 году, въ который издана и „Повѣтка“ г. Шевырева въ Кирилл. монастырь.“ Подъ вышедшими въ Германіи Зырянскими грамматиками, онъ безъ сомнѣнія разумѣетъ главнымъ образомъ грамматику Зыр. языка, сочин. Габеленцъ, напеч. въ 184. г. въ Альтенбургѣ; но вѣроя но намекаетъ и на другія грамматики этого языка, сочиненныя иностранцами, а именно—на грам-

«Не далеко отъ Собора течетъ рѣка Вологда, вѣроятно, давшая названіе и городу, а лѣвѣе отъ собора прилегаетъ къ ней публичный садъ(*). Изъ собора поспѣшилъ я въ гимназію. Никогда не забуду радушнаго гостепріимства директора А. В. Башинскаго и инспектора Ѳ. Н. Фортунатова. Пріятно было мнѣ встрѣтить въ этихъ двухъ начальникахъ гимназіи такую единодушную волю, такое согласіе въ мысляхъ, которыми крѣпится дѣло ученія и польза юношества. Ѳ. Н. Фортунатовъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» нѣсколько статей своихъ о воспитаніи, составляющемъ постоянную тему его рѣчей на актахъ гимназіи. Много оживлялъ онъ своими дѣльными статьями и Вологодскія Губернскія Вѣдомости: потому что исторія города и его памятниковъ, равно и статистика, ему хорошо извѣстны.

«Подъ руководствомъ представителей отечественнаго просвѣщенія въ Вологдѣ, могъ я взглянуть на городъ и узнать то, что въ немъ особенно достопримѣчательнаго. Прежде чѣмъ говорить о памятникахъ святыни Вологодской, разскажу объ одномъ грустномъ свиданіи, котораго желалъ я.... *(за симъ г. Шевыревъ приводитъ нижеслѣдующій разсказъ о свиданіи своемъ съ Батюшковымъ):*

«Александръ Васил. Башинскій повезъ меня къ начальнику Удѣльной Конторы, Григ. Абрам. Гревеницъ, въ домѣ котораго живетъ Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, окруженный нѣжными заботами своихъ родныхъ. Болѣзненное состояніе его перешло въ болѣе спокойное и не опасное ни для кого. Небольшаго росту человѣкъ, сухой комплекціи, съ головкой почти совсѣмъ сѣдою, съ глазами ни на чемъ не остановленными, но безпрерывно разбѣгающимися, съ странными движеніями особенно въ плечахъ, съ голосомъ разстроеннымъ и хрипли-

матику Шегрена, напеч. въ С.П Б. въ 1832 г. и на грамматику Кастрена, напечат. въ Гельсингфорсѣ, въ 1844 году.

(*) Называемый „соборною горою."

во-топкимъ, предсталъ передо мною. Подвижное лицо его свидѣтельствовало о первической его раздражительности. На видъ ему лѣтъ 50 или болѣе(*). Такъ какъ мнѣ сказали, что онъ любитъ Итальянскій языкъ и читаетъ иногда на немъ книги, то я началъ съ нимъ говорить по-Итальянски, но проба моя была неудачна. Онъ ни слова не отвѣчалъ мнѣ, разсердился и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты. Черезъ полчаса однако успокоился,—и мы вмѣстѣ съ нимъ обѣдали. Но, кажется, всѣ связи его съ прошедшимъ уже разорваны. Друзей своихъ онъ не признаетъ. За обѣдомъ, въ разговорѣ, онъ сослался на свои «Опыты въ прозѣ», но въ такой мысли, которой тамъ вовсе нѣтъ. Говорятъ, что попытка читать передъ нимъ стихи изъ «Умирающаго Тасса» была также неудачна, какъ моя проба говорить съ нимъ по-Итальянски. Я упомянулъ, что въ Римѣ, на піацца Поли, Русскіе помнятъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, и указываютъ на его окна. Казалось, это было для него несовсѣмъ непріятно. Также прочли ему когда-то статью объ немъ, непечатанную въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ: она доставила ему удовольствіе(**). Какъ будто любовь къ сла-

(*) Въ 1847 году Батюшкову было ровно 60 лѣтъ (род. въ 1787 году.)

(**) И можно ли было безъ удовольствія слушать на примѣръ слѣдующій отзывъ о Батюшковѣ и его литературномъ значеніи, если болѣзненный поэтъ даже менѣе чѣмъ на-половину понималъ его? . . . «Батюшковъ всегда и вездѣ былъ вѣренъ своему призванію: онъ и въ нѣдрахъ семейной жизни, и въ дѣлахъ гражданина, и въ шумномъ воинскомъ станѣ, и въ странствованіяхъ путешественника, и въ кабинетѣ дипломатическомъ не переставалъ быть поэтомъ, и въ краткіе досуги вездѣ изливалъ свои чувствованія и помыслы. Онъ твердо изучалъ литературу народовъ южныхъ и особенно Италіанскую, и душевно былъ привязанъ къ пѣвцамъ Италіи и Греціи древней; подражалъ Тассу, подражалъ Тибуллу, Парни, Петраркѣ и Аріосту. Несмотря однакожъ на это внѣшнее вліяніе, онъ каждую мысль, каждый оттѣнокъ чувствованія усвоивалъ себѣ самостоятельно. Вездѣ видишь человѣка, который не рабски увлеченъ своими образцами, но сошелся съ ними свободно, по внутреннему сочувствію, по природному настроенію своей души. Ни одинъ изъ поэтовъ нашихъ не отличается такою удивительною полнотою, такою пластическою отдѣлкою своихъ картинъ, какъ Батюшковъ; подобно древнимъ, онъ любилъ опредѣленность формы; оттого каждая идея его развита окончательно столько, сколько требуютъ границы стихотворенія: каждое выраженіе, блистая яркостію и свѣжестію красокъ, кажется существующимъ единственно для своей мысли,—тутъ ничего нѣтъ брошеннаго на удачу или для прикрасы. Онъ владѣлъ въ высшей степе-

вѣ не совсѣмъ чужда еще чувствамъ поэта, при его умственномъ разстройствѣ!

«Батюшковъ очень набоженъ. Въ день своихъ именинъ и рожденья, онъ всегда проситъ отслужить молебенъ, но никогда не дастъ священнику за то денегъ, а подаритъ ему розу или апельсинъ. Вкусъ его къ прекрасному сохранился въ любви къ цвѣтамъ. Любитъ дѣтей, играетъ съ ними, никогда не откажетъ ребенку, и дѣти его любятъ. Къ женщинамъ питаетъ особенное уваженіе; не съумѣетъ отказать женской просьбѣ. Полное вліяніе имѣетъ на него родственница его, Е. П-на Г. Для нея нѣтъ отказа ни въ чемъ. Не рѣдко гуляетъ. Охотно слушаетъ чтеніе и стихи. Дома любимое его занятіе живопись. Онъ пишетъ ландшафты. Содержаніе ландшафта почти всегда одно и тоже. Это элегія или баллада въ краскахъ: конь, привязанный къ колодцу, луна, дерево, болѣе ель, иногда могильный крестъ, иногда церковь. Ландшафты писаны очень грубо и нескладно. Ихъ даритъ Батюшковъ тѣмъ, кого особенно любитъ, всего болѣе дѣтямъ. Дурная погода раздражаетъ его. Бываютъ иногда капризы и внезапныя желанія. Въ числѣ несвязныхъ мыслей, которыя выражалъ Батюшковъ въ разговорѣ съ директоромъ гимназіи, была одна, достойная человѣка вполнѣ разумнаго, что свобода наша должна быть основана на Евангельскомъ законѣ.

«Царская милость льется и на эту развалину поэта, который въ свое время принесъ славу отечеству. Пожизненная

ни своимъ поэтическимъ воодушевленіемъ, былъ художникомъ въ строгомъ смыслѣ сего слова. Что касается до его стиховъ, они неподражаемы по своему очаровательному благозвучію, по мелодіи истинно Италіанской. Это совершенно музыка, по гармоническому теченію звуковъ, по ихъ легкимъ, плавнымъ, свободнымъ переливамъ. Лучшее изъ поэтическихъ его произведеній безъ сомнѣнія есть элегія „Умирающій Тассъ," истинно образцовое произведеніе по глубокости чувствованій и по художественной отдѣлкѣ. Его проза занимаетъ въ нашей словесности столь же высокое мѣсто, какъ и стихотворенія."—См: Энцикл. Лексик. томъ V, стран. 96, статья: Батюшковъ, сочин. Василія Тимоѳ. Плаксина.

пенсія отъ ГОСУДАРЯ обезпечиваетъ жизнь его.—Въ чертахъ лица можно найти еще хотя слабые остатки сходства съ тѣмъ портретомъ, который находится при его сочиненіяхъ.» ....

А вотъ и *другой разсказъ* о *встрѣчѣ съ Батюшковымъ*, принадлежащій спутнику г. Шевырева, Н. В Бергу, который при этой встрѣчѣ и срисовалъ поэта:

...«8 Іюля, по утру, я пріѣхалъ къ Г. А. Гревеницъ. Было около девяти часовъ. Въ домѣ еще не начинали двигаться и никто не встрѣтилъ меня, ни на крыльцѣ ни въ передней. Я вошелъ тихо. Дверь, ведущая въ залу, была не много отворена и когда я взглянулъ туда, мнѣ мелькнула какая-то бѣлая фигура, ходившая изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Я вглядѣлся: это былъ старичокъ, небольшаго росту, въ бѣломъ полотняномъ сюртукѣ; на головѣ у него была бархатная темномалиновая ермолка; въ рукахъ бѣлый платокъ и серебряная табакерка; на ногахъ черные спальные сапоги. Я старался, какъ можно скорѣе, разсмотрѣть съ ногъ до головы этого старичка: мнѣ по чему-то казалось, что это Батюшковъ; и въ самомъ дѣлѣ это былъ онъ. Я глядѣлъ на него только одинъ мигъ. Онъ сей-часъ услыхалъ шумъ въ передней, подошелъ къ двери, взглянулъ на меня, и быстро повернувшись ушелъ. Я вошелъ въ залу; тамъ не было никого. По серединѣ стоялъ круглый столъ. Въ простѣнкахъ между окнами, которыя глядѣли на улицу, было два зеркала. По стѣнѣ стояли стулья. Я сѣлъ на одинъ, дожидаясь, что кто нибудь войдетъ. На право какъ-разъ противъ одного зеркала была отворенная дверь, которая, какъ мнѣ казалось, вела въ корридоръ. Не много погодя, по этому корридору раздались шаги, и въ залу вошелъ тотъ-же бѣленькой старичокъ. Не глядя на меня, онъ пошелъ прямо къ зеркалу; я увидѣлъ тамъ его лицо и страшные глаза, дико сверкавшіе изъ—подъ густыхъ бровей, какъ будто-бы онъ сердился; онъ также увидѣлъ меня; два раза

окинулъ меня глазами; потомъ взглянулъ опять въ зеркало, снялъ ермолку, взъерошилъ волосы, совершенно бѣлые и низко подстриженные, надѣлъ опять ермолку, быстро повернулся и скорыми шагами вышелъ, или, можно сказать, выбѣжалъ вонъ. Все это произошло въ два, въ три мгновенія. Нечего было болѣе сомнѣваться: это Батюшковъ. Вскорѣ опять послышались шаги; взошелъ самъ хозяинъ. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія, онъ, зная, за чѣмъ я пріѣхалъ, сказалъ мнѣ прямо: «вы *его* видѣли; *онъ* тутъ ходилъ, бѣленькой, сѣдой старичокъ!» Я не могъ незамѣтить этихъ словъ, хотя они были сказаны безъ всякой особенной мысли. Лучше всякихъ описаній они рисовали мнѣ настоящаго Ботюшкова: имени нѣтъ; просто,— *онъ*, бѣленькой, сѣдой старичокъ и только!... «Теперь онъ вѣрно не выйдетъ до самаго чаю—продолжалъ хозяинъ—онъ не любитъ, если приходятъ его смотрѣть. Пожалуйста не говорите съ нимъ: у насъ вчера умеръ человѣкъ; это его растревожило и онъ безпрестанно повторяетъ: «не шумите, Михайла умеръ!»—И въ самомъ дѣлѣ, не много погодя, я услышалъ, какъ онъ говорилъ кому-то въ другой комнатѣ: «не шумите, Михайла умеръ!»

«Вскорѣ потомъ подали самоваръ. Пришла хозяйка съ дѣтьми и мы всѣ усѣлись за круглый столъ, стоявшій по срединѣ комнаты. Константину Николаевичу сказали—и онъ вошелъ очень тихо, но все еще взглядывалъ на меня. Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и, казалось, не много успокоился, какъ будто рѣшилъ, что я пришелъ не за тѣмъ, чтобъ его смотрѣть, а въ гости къ хозяину, пить чай. Только лицо его все еще было сердито. Наконецъ мы стали пить чай. Ему налили первому, и поставили чашку на круглый серебряный подносикъ. Онъ сѣлъ подлѣ меня по лѣвую руку, и началъ пить, наливая на блюдечко и придерживая его пятью пальцами. Тутъ я старался разсмотрѣть какъ можно лучше,

черты его лица. Оно тогда было совершенно спокойно. Темно-сѣрые глаза его, быстрые и выразительные, смотрѣли тихо и кротко. Густыя, черныя съ просѣдью брови не опускались и не сдвигались. Лобъ разгладился отъ морщинъ. Въ это время онъ нисколько не походилъ на сумасшедшаго. Какъ ни вглядывался я: никакого слѣда безумія не находилъ на его смирномъ, благородномъ лицѣ. Напротивъ, оно было въ ту минуту очень умно. Скажу здѣсь и обо всей его головѣ: она не такъ велика; лобъ у него открытый, большой; носъ маленькой съ горбомъ; губы тонкія и сухія; все лицо худощаво, нѣсколько морщиновато; особенно замѣчательно своею необыкновенною подвижностію; это совершенная молнія; переходы отъ спокойствія къ безпокойству, отъ улыбки къ суровому выраженію— чрезвычайно быстры. И весь вообще онъ очень живъ и даже вертлявъ. Все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ скоро. Ходитъ также скоро и широкими шагами. Глядя на него, я вспомнилъ извѣстный его портретъ; но онъ теперь почти не похожъ, и тотъ, полный лицемъ, кудрявый юноша, ничуть не напоминаетъ гладенькаго, худенькаго старичка...

«Во время чаю, хозяинъ спросилъ у него: Что это, Константинъ Николаевичъ, у насъ такая дурная погода? Не знаете ли вы? Вотъ вамъ и гулять не льзя!» Онъ отвѣчалъ только: «да!» и сталъ пить чай. Когда онъ допилъ чашку, его спросили,—не хочетъ ли онъ еще? Но онъ сказалъ отрывисто: «нѣтъ! кофею!»—Потомъ всталъ и ушелъ въ переднюю. Говорятъ, это его любимое мѣсто. Иногда онъ сидитъ тамъ по цѣлому часу. Не много погодя, онъ вышелъ изъ передней и сталъ ходить по комнатѣ. Часто подходилъ къ окну, останавливался передъ нимъ, заложивъ руки назадъ, или скрестивши ихъ на груди, и смотрѣлъ на улицу. Потомъ опять начиналъ ходить. Онъ уже совершенно забылъ про меня. Лице его было спокойно, только брови иногда немного насупливались.

Никто изъ домашнихъ не обращалъ на него никакого вниманія. Дѣти бѣгали по комнатѣ, и это его не безпокоило. Одинъ ребенокъ вдругъ подбѣжалъ къ нему и сталъ его затрогивать; онъ нагнулся, ласково потрепалъ дитя по щекѣ, взялъ за подбородокъ и улыбнулся; трудно сказать, какъ много было пріятности въ этой улыбкѣ... можетъ быть потому, что не ждешь ея на этомъ постоянно суровомъ и, если не сердитомъ, такъ задумчивомъ лицѣ... Потомъ онъ опять подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на улицу, но вдругъ засуетился, схватилъ откуда-то карандашъ и клочекъ бумаги, и быстро—черкнулъ на немъ что-то; мнѣ показалось, кругъ, но это была уточка, нарисованная съ одного, или двухъ почерковъ. Здѣсь кстати упомянуть, что онъ часто рисуетъ картинки и больше красками, и то, что нарисуетъ, отдаетъ дѣтямъ. На картинкахъ его всегда одно и тоже изображеніе: бѣлая лошадь пьетъ воду; съ одной стороны деревья, раскрашенныя разными красками—желтой, зеленой и красной; тутъ же досталось иногда и лошади на долю; съ другой стороны замокъ; вдали море съ кораблями, темное небо и блѣдная луна.

«Послѣ того онъ опять сталъ ходить по комнатѣ; вдругъ остановился и спросилъ: что-же кофею?—Ему отвѣчали сейчасъ!—и скоро потомъ налили и поставили чашку на прежнее мѣсто. Онъ сѣлъ опять подлѣ меня; началъ пить, но замѣтивъ, что и мнѣ налита чашка, подалъ мнѣ ее и подвинулъ сливки. Въ это время вошелъ какой-то господинъ и направилъ шаги свои въ кабинетъ къ хозяину. Батюшковъ взглянулъ на него быстро и закричалъ вслѣдъ: Алексѣй Ивановичъ, принесите мнѣ бумажки потолще! И когда тотъ, не много погодя, проходилъ опять черезъ залу, Батюшковъ повторилъ снова: принесите-же бумажки потолще!—И, допивъ кофей, всталъ и началъ опять ходить по залѣ; опять останавливался у окна и смотрѣлъ на улицу; иногда поднималъ плечи вверхъ, что-то

шепталъ и говорилъ; его неопредѣленный, странный шопотъ былъ нѣсколько похожъ на скорую, отрывистую молитву, и можетъ быть онъ съ самомъ дѣлѣ молился, потому что иногда закидывалъ назадъ голову, и, какъ мнѣ казалось, смотрѣлъ на небо; даже мнѣ однажды послышалось, что онъ сказалъ шопотомъ: Господи!... Въ одну изъ такихъ минутъ, когда онъ стоялъ такимъ образомъ у окна, мнѣ пришло въ голову срисовать его сзади. Я подумалъ: это будетъ Батюшковъ безъ лица, обращенный къ намъ спиной, и я, вынувъ карандашъ и бумагу, принялся какъ можно скорѣе чертить его фигуру; но онъ скоро замѣтилъ это и началъ меня ловить, кидал изъ-за плеча безпокойные и сердитые взгляды. Безуміе опять заиграло въ его глазахъ, и я долженъ былъ бросить работу... Къ счастію, вскорѣ принесли бумагу, о которой онъ просилъ, и это его успокоило, онъ мгновенно измѣнился; весело схватилъ поданный ему листъ бумаги, перервалъ пополамъ и половину сталъ отдавать старшему сыну хозяина, говоря: «не хочешь-ли, я тебѣ дамъ?»... И хоть тотъ отказывался, онъ таки настоялъ на своемъ и заставилъ его взять бумагу, сказавши отрывисто: «на, возьми, возьми! у меня есть! Мнѣ довольно!» Остальные полулиста разорвалъ на четвертушки, и потомъ на восьмушки, и ушелъ съ ними изъ залы, и больше не возвращался.

«Я пошелъ домой, и дорогой, долго послѣ, все думалъ о Батюшковѣ. Меня поразило это грустное явленіе. Это былъ первый съумасшедшій, котораго я видѣлъ... и какой человѣкъ! и какой урокъ человѣку!... Мнѣ часто приходитъ на память это славное лицо, эти глаза, въ которыхъ иногда какъ нарочно сверкаетъ что-то, напоминающее умъ, на-вѣки улетѣвшій изъ даровитой головы... Я живо вижу эту бѣлую фигуру у окна, съ руками, сложенными крестъ-на-крестъ, съ лицемъ, обращеннымъ къ небу; кажется, я слышу, какъ онъ

шепчетъ что-то, какъ бы молитву, и мнѣ все хочется спросить: если ты молишься, о чемъ ты молишься, старикъ?»....

(Окончаніе замѣтокъ С. П. Шевырева о Вологдѣ).

Продолжая свои путевыя замѣтки о вологдѣ, г. Шевыревъ говоритъ:

«Вологда въ 1847 году, вмѣстѣ съ Москвою въ одинъ годъ, праздновала свое семисотлѣтіе, потому что въ 1147 году, 19 Августа, Преподобный Герасимъ прибылъ въ нее съ горъ Кіевскихъ. Такъ говорится въ житіи Угодника, и по этому случаю въ первый разъ упоминается ея имя. Вологодская гимназія не забыла этого событія. Ученикъ VII класса Зарляндъ, урожденецъ Гамбурга, лютеранинъ по вѣрѣ, читалъ на торжественномъ актѣ сочиненіе: *Семисотлѣтіе Вологды* (*). Почтенные наставники гимназіи умѣютъ питать чувства уваженія къ мѣстнымъ историческимъ преданіямъ. Исторія Вологды и всего окружающаго ее края составляетъ постоянный предметъ изученія для питомцевъ вологодскихъ. Темы для сочиненій на акты почерпаются отсюда.

«Любопытны многія статистическія подробности города, собранныя Ѳ. Н. Фортунатовымъ за 1836 годъ. Всѣхъ жителей въ городѣ обоего пола было тогда 16,278. Изъ нихъ духовнаго сословія 1,183, дворянъ 522, благородныхъ 1,021, купцовъ 490, мѣщанъ 6,121, дворовыхъ людей 2,35[illegible], крестьянъ 2,335. Учащихся 1,337 и всего болѣе въ семинаріи, имѣвшей

(*) Эта статья, заключающая сводъ разныхъ историческихъ извѣстій о Вологдѣ, отъ ея начала до 1847 года, была напечатана въ томъ же 1847 году въ Прибавл. къ Журн. Мин. Нар. Просв., кн. 4.

414 учениковъ (*). Церквей 50, при нихъ придѣловъ 98, колоколовъ 400. Домовъ 1,310, изъ которыхъ каменныхъ только 64. Бань публичныхъ 1, а частныхъ 950, по одной банѣ на 17 человѣкъ жителей. Есть и литографія одна, гостинницъ 8, лавочекъ распивочныхъ 20, винныхъ ренскихъ погребовъ 14, лавокъ съ товарами въ рядахъ 273.

«Весьма сожалѣю, что я не имѣлъ счастія представиться Вологодскому Епископу Евлампію(**). Его Преосвященство въ то время объѣзжалъ свою огромную епархію, которая, послѣ Архангельской, есть самая обширная во всей Европейской Россіи. Земли ея не измѣрены. Говорятъ, что онѣ заключаютъ 7,187 кв. миль, но это приблизительно(***). Самое большое протяженіе вологодской губерніи въ длину составляетъ лѣтнимъ путемъ 2,000 верстъ. Окружность же всей губерніи полагаютъ въ 5,000 верстъ. Блазіусъ въ своемъ Путешествіи разсказыва-

(*) Рядомъ съ этими цифрами народонаселенія г. Вологды за 1836 годъ, ставимъ таковыя же цифры за 1863 годъ, показанныя въ Памятн. Книжкѣ Волог. губерн. на 1864 годъ. Всѣхъ жителей обоего пола въ Вологдѣ 21 Марта, 1863 г. показано: 19,238. Въ томъ числѣ: дворянъ потомств. об. пола: 1202, дворянъ личныхъ об. пола 1144; лицъ духовн. зван. об. пола—1830; почетныхъ гражданъ об. п.—1011; купцовъ об. п.—500; мѣщанъ об. п.—5344; крестьянъ об. пола: 2899; иностранцевъ и нижнихъ военныхъ чиновъ и ихъ семействъ об. п.—3101; лицъ, не входящихъ въ предидущіе разряды (т. е. учащихся и разночинцевъ) об. п. 2207.—Число учащихся показано въ «Памяти. книжкѣ Волог. губ. на $18\frac{65}{66}$ гг. всего 1372 челов. (въ томъ числѣ: въ семинаріи—442 въ муж. гимназіи—232, въ женск. гимн. 113, въ духовномъ училищѣ 478, въ уѣздномъ училищѣ 107.).

(**) Преосвящ. Евлампій управлялъ епархіею семь съ половиною лѣтъ, съ Января 1845 по Іюль 1852 года.

(***) Означенное здѣсь пространство Волог. губерніи показано по Географіи К. И. Арсеньева 1830-хъ годовъ. Не много разнится отъ этого и новѣйшее показаніе этого пространства, напечатанное въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ Волог. губ. за 1859 г., издан. 1866 г. центральнымъ Статист. Комитетомъ Министр. Внутр. дѣлъ», гдѣ сказано (на стран. 2, «Общія свѣдѣнія о губерніи): «По исчисленію астронома Швейцера, Вологодская губернія въ предѣлахъ своихъ заключаетъ 348.415 кв. верстъ, или 7.200 квадр. миль. «Такимъ образомъ Волог. губернія, будучи по своей величинѣ второю послѣ Архангельской губерніею Европейской Россіи, больше всѣхъ государствъ Европы, за исключеніемъ Швеціи съ Норвегіею, Австрійской Имперіи, Франціи, Европейской Турціи и Испаніи.

етъ о замѣчательномъ спорѣ, который происходилъ въ его присутствіи: одинъ говорилъ, что казеннаго лѣсу въ вологодской губерніи 30 милліоновъ десятинъ, а другой, что только 12 милліоновъ(*). Блазіусъ замѣчаетъ, что первое число въ 50 разъ превосходитъ лѣса, находящіеся въ цѣлой Франціи.

«Обозрѣніе достопамятностей Вологодскихъ я могъ совершить подъ просвѣщеннымъ руководствомъ знатока ихъ, Ѳ. Н. Фортунатова. Мы начали обозрѣніе съ монастыря Спасо-Прилуцкаго, отстоящаго отъ Вологды въ 5 верстахъ. Кромѣ святыни и древности, меня привлекало въ эту обитель пребываніе въ ней Преосвященнаго Архіепископа Иринея(**), о назидательныхъ бесѣдахъ котораго я столько слышалъ.

«Начало обители относится къ концу XIV вѣка. Св. Димитрій Прилуцкій, основатель ея, былъ современникомъ Димитрію Донскому. Икона Преподобнаго сопровождала Іоанна III на походѣ его въ Казань. Въ 1811 году загорѣлась та церковь, въ которой находится эта икона. Весь иконостасъ пылалъ. Монастырскій служитель бросился въ средину пламени и усердіемъ своимъ спасъ ее отъ пожара. На другой годъ,

---

(*) О лѣсныхъ богатствахъ Волог. губерніи весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры, напечатанныя въ Пам. книжкѣ Волог. губ. на 1864 годъ:

Подъ лѣсами казенными и государств. крестьянъ Волог. губерніи состоятъ	26,439,859	дес. 594	саж.
Подъ лѣсами владѣльческими	943,341	— 1,722	—
Подъ лѣсами общаго владѣнія госуд. крестьянъ и помѣщиковъ	4,897,599	— 1,795	—
Подъ лѣсами принадлежащими городамъ	8,155	— 2,246	—
Итого:	32,288,956	дес. 1627	саж.

(**) Преосвящ. Иринѣй (бывшій Архіепископъ Иркутскій) жилъ на покоѣ въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ 16 лѣтъ, съ 1831 по 1848 годъ. Въ этомъ послѣднемъ году переведенъ въ настоятели первокласснаго Ярославскаго Толгскаго монастыря, въ которомъ и скончался 18 Мая 1864 года. См. Волог. Епарх. Вѣд. 1864 г. № 2. «Воспоминаніе объ Архіепископѣ Иринеѣ.»

1812-й, въ томъ же Сентябрѣ мѣсяцѣ, когда случилось это несчастіе, та же церковь, бывшая сама еще свѣжимъ пепелищемъ послѣ пожара, приняла въ свои священныя стѣны драгоцѣнности церковныя Москвы, вывезенныя изъ Патріаршей ризницы, изъ соборовъ, Сергіевой Лавры и монастырей(*). Въ ночь на 1-е Сентября(**), до того какъ Французамъ вступить въ Москву, выѣхалъ обозъ съ этими сокровищами, обозъ, неохраненный ни кѣмъ, кромѣ немногихъ инвалидовъ, да нѣсколькихъ иноковъ. Видно, не дремала надъ нимъ охрана Божія. Здѣсь, въ соборной церкви Спасоприлуцкаго монастыря, лежало все это церковное богатство Москвы въ теченіи трехъ мѣсяцевъ(***). Всякому Русскому, но особенно жителю Москвы, не льзя не ощутить сердечнаго благоговѣнія въ этомъ храмѣ, при мысли, что онъ хранилъ въ годину тяжкую все движимое благолѣпіе нашихъ церквей. До сихъ поръ надпись, сдѣланная надъ кровлею поверхъ архіепископскихъ келлій игуменомъ Угрѣшскимъ Павломъ, блюстителемъ этой святыни, свидѣтельствуетъ намъ о томъ. На верху, подъ всевидящимъ окомъ, изображенъ 1812-й годъ, а подъ нимъ двустишіе отъ лица монастыря:

«Безбѣдно Богъ меня въ сей лютый годъ хранилъ:
Москвѣ разсѣянной пріютомъ я былъ.»

«Есть еще другая внутренняя надпись, которую написалъ карандашемъ игуменъ Угрѣшскій на стѣнѣ одной изъ келлій,

(*) Кромѣ драгоцѣнностей Сергіевой Лавры, хранились въ то время въ Прилуцкомъ монастырѣ имущества монастырей—Чудова, Новоспасскаго, Знаменскаго, Угрѣшскаго, Покровскаго, Новодѣвичья и Вознесенскаго. См. Описан. Спасоприлуцк. мон. соч. П. Саввантова. издан. 1844 г., стр. 28.

(**) Французы вступили въ Москву 2-го Сентября: стало быть, пространство однѣхъ только сутокъ отдѣляло спасавшіяся сокровища отъ хищности завоевателей.

(***) Въ Прилуцкомъ монастырѣ хранились Московскія драгоцѣнности до 12 Декабря, послѣ котораго начали возвращаться въ Москву. См. вышеупом. Опис. Спасоприл. монастыря.

занимаемыхъ Преосвященнымъ Иринеемъ. Она хранится свято. Карандашъ замѣненъ черною краскою. Вотъ она:

Въ то время,—въ грозную для Церкви ту годину,
Какъ новый Юліанъ въ надменности своей,
Безбожною рукой коснулся олтарей,—
Разбойникъ, взявъ Царя подложную личину—
Въ то время, въ лютый часъ пылающей Москвы,
Какъ сорванъ Крестъ Христовъ съ Ивановской главы,
Какъ града жители отъ буйствъ врага страдали,
(Ихъ крыло рубище—тирана вѣчный стыдъ);
Въ то время въ сихъ стѣнахъ спокойно пребывали
Игуменъ и Архимандритъ:
Одинъ монастыря Угрѣшскаго Николы;
Другой Святителя, что въ Греціи глаголы
Въ желѣзныя сердца златые изливалъ,
И Златоустымъ свѣтъ котораго назвалъ.
О, адскихъ замысловъ коварный исполнитель!
Прервй змѣиный топъ, Парижанинъ Лессепсъ(*)!
Насъ гласомъ материнмъ Москва къ себѣ зоветъ.
Прости, священная обитель!
Какъ ты покоила, какъ ты хранила насъ,
Такъ да покоитъ Богъ тебя на всякой часъ.

1812 г.

. . . . . (**)

«Прежде всего, поклонились мы въ нижней церкви мощамъ Преподобныхъ Димитрія и Углицкаго князя Іоанна, въ монашествѣ Игнатія, сосланнаго сюда Грознымъ(***) и здѣсь принявшаго схиму. Прекрасенъ новый придѣлъ, построенный уже Преосвященнымъ Иринеемъ, во имя Усѣкновенія главы Іоанна) Предтечи. Архитектура и живопись приносятъ честь вкусу ру-

(*) О Лессепсѣ см. Вѣстн. Европы 1813 г. № 1; статью: «о пребываніи въ Москвѣ Французовъ.» Авторъ ея называетъ Лессепса неправляющимъ должность интенданта провинціи и говоритъ, что предпринятыя имъ мѣрѣ къ обузданію своеволія Французовъ при безчеловѣчномъ грабежѣ Москвы не достигали своей цѣли и оставались безполезными.

(**) Здѣсь пропускаемъ разсказъ г. Шевырева о свиданіи и бесѣдѣ его съ Архіепископомъ Иринеемъ, потому что этотъ разсказъ войдетъ въ обѣщанную редакціи О. И. Фортунатовымъ статью объ этомъ Архіепископѣ, которую онъ готовитъ для Вологодск. Епархіал. Вѣдомостей.

(***) Не Грознымъ, а Великимъ Княземъ Іоанномъ III.

ководителя при строеніи и самимъ художникамъ. Живописецъ Катинъ, котораго труды въ Вологдѣ не рѣдко встрѣчаются, умѣлъ соединить съ академическимъ образованіемъ религіозное вдохновеніе. Многіе ученики идутъ по слѣдамъ его. Въ ризницѣ замѣчателенъ серебряный ковшъ дьяка Скворцова, жалованный ему за Крымскую посылку.

«Обозрѣніе древнихъ памятниковъ самаго города Вологды мы начали съ Ѳ. Н. Фортунатовымъ со Всеградской церкви Спаса-Обыденнаго, и тѣмъ соблюли обычай всякаго истинно православнаго вологжанина, который не начнетъ никакого дѣла, не испросивъ прежде благословенія Божія въ этой самой церкви. Вотъ по какому случаю она была построена и названа обыденною. Въ 1655 году, при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, моровое повѣтріе, свирѣпствовавшее въ Россіи три года, было занесено и въ Вологду. Жители города рѣшились единодушно однимъ днемъ построить во имя Всемилостиваго Спаса деревянный храмъ, и начали рубить его въ ночи на 18-е Октября, и срубили за два часа до свѣта, а святить начали въ пятомъ часу дня такъ, что въ сутки могли совершить въ храмѣ и всѣ тѣ божественныя службы, которыя въ теченіе сутокъ совершаются. Эти подробности замѣчательны. Стало быть, обыденное построеніе храма не заключалось только въ томъ, чтобы сложить стѣны, но заключало въ себѣ и внутреннее построеніе храма, относящееся къ его освященію и богослуженію въ немъ. Моровое повѣтріе вскорѣ послѣ того прекратилось. Съ той поры церковь слыветъ Всеградскою. Ежедневно прибѣгаютъ къ ней богомольцы. Но въ воскресные и праздничные дни она всегда полна народомъ. Деревянная церковь давно замѣнена каменною, которой построеніе началось еще въ 1691 году(*). Но и съ тѣхъ поръ, конечно, не

(*) Эта каменная церковь начата постройкою въ 1689 году при преосв. Гавріилѣ Архіепископѣ Вологодскомъ. Строеніе продолжалось около 10 лѣтъ и во все это время деревянная вербовая (обыденная) церковь не была

разъ она подновлялась. Нѣтъ уже въ ней ничего древняго, кромѣ чудотворной иконы Спаса и еще нѣкоторыхъ иконъ.

«Въ церкви Усѣкновенія Іоанна Предтечи, что въ Рощеньѣ, древность сохраняется просвѣщеннымъ Протоіереемъ и Законоучителемъ гимназіи Петромъ Васил. Васильевскимъ. Не могу не радоваться, когда между духовными встрѣчаю лица, благоговѣющія къ нашей святынѣ въ ея древнемъ образѣ. Церковь эта обильна древними иконами и замѣчательна алтарнымъ иконостасомъ. Плащаница писана Катинымъ, не безъ религіознаго вдохновенія: въ образѣ умершаго Іисуса Христа видна благочестивая дума живописца. Эта церковь есть вмѣстѣ и приходская гимназіи. Въ ней хранится икона, которою Преосвященный Иннокентій, (бывшій епископъ вологодскій, нынѣ архіепископъ Херсонскій) благословилъ училище: на ней изображены всѣ вологодскіе Чудотворцы. До сихъ поръ память Преосвященнаго Иннокентія живо и свято хранится въ наставникахъ и ученикахъ гимназіи. Видно, что слово духовнаго сѣятеля пало здѣсь не на каменистую почву. Въ праздничные и воскресные дни, во время причастнаго стиха, постоянно читаются его проповѣди въ гимназической церкви. Этимъ чтеніемъ замѣняется живое слово дѣятельнаго Архипастыря, который такъ неутомимо назидалъ свѣтское училище. Памятно особенно то прощальное его слово, которое онъ заключилъ желаніемъ, чтобы Слово Божіе, постоянно оживляя духъ училища, вело внимающихъ ему путемъ истины туда, гдѣ не будетъ болѣе ни учителей, ни учениковъ. Крестъ драгоцѣнный съ мощами составляетъ древнѣйшую святыню сего храма. Не могу не замѣтить также образа Святителя Митрофана, который написанъ учениками гимназіи.

разобрана, но находилась внутри новостроившагося храма и служба церковная въ ней отправлялась. Окончена каменная церковь въ 1698 г. и Февраля 4 того же года освящена Архіепископомъ Гавріиломъ. См. Опис. Спасообыд. Всеградск. въ Вологдѣ церкви, напечат. въ 1860 г. въ Вологдѣ, стран. 10.

«Церковь Усѣкновенія главы Предтечи соединена съ памятью Іоанна Грознаго, который три раза былъ въ Вологдѣ. Она основана въ память дня его Ангела(*). Другая церковь во имя Св. Ѳеодора Стратилата напоминаетъ также о немъ. Онъ не рѣдко строилъ храмы сему святому, который былъ ангеломъ сына его Ѳеодора. Въ сей послѣдней церкви уже мало древняго, и живопись поновлена.

«Близъ этой (Ѳеодоровской) церкви находится домъ, соединяющій въ себѣ устныя преданія о пребываніи на этомъ мѣстѣ Іоанна Грознаго и Петра Великаго. Нижній этажъ этого дома каменный, 17..4-мъ годомъ и гербомъ напоминаетъ Петра Великаго; верхній деревянный этажъ надстроенъ вновь. Не знаю, по чему къ глубокимъ подваламъ нижняго этажа присоединяется въ преданіяхъ воспоминаніе о Грозномъ(**). При немъ же устроено вдоль теченія рѣки Вологды, близъ соборнаго храма, огромное подземное зданіе, которое назначено было, какъ думаютъ, для царскаго казнохранилища(***). Подозрительный Іоаннъ любилъ тайники и подземелья. Не мудрено, что народъ приписываетъ ихъ Іоанну.

«Память Грознаго въ Вологдѣ соединена еще съ однимъ изустнымъ преданіемъ, которое разсказывается особенно въ

(*) Едвали: если бъ она была основана въ память дня Царскаго Ангела, то встарину и писалась бы Іоанно-Предтеченскою; но въ XVII и въ первой четверти XVIII столѣтія она постоянно писалась: «Церковь Алексія Митрополита въ Рощинѣ» (нынѣ придѣлъ въ Іоаннопредт. церкви). Нынѣшнимъ наименованіемъ она записана въ росписи церквей г. Вологды 1728 года. См. Волог. Еп. Вѣдом. 1865 г. № 15, часть неофф. стран. 601, подстрочн. примѣчан.

(**) Этотъ каменный домъ въ началѣ XVIII вѣка принадлежалъ торговому Голландскому дому Гоутманъ и Петръ Великій дѣйствительно квартировалъ въ немъ во время пятаго своего проѣзда чрезъ Вологду въ 1724 году (см. Памятн. кн. Волог. губ. 1860 г. въ статьѣ о пребыван. въ Вологдѣ Петра Велик. стран. 56, 57); но о пребываніи въ этомъ домѣ Грознаго и о глубокихъ подвалахъ дома мы не слыхали преданія.

(***) Напротивъ Митрополитъ Евгеній полагаетъ, что подземная часть зданія противъ офіцкаго собора строена была не Грознымъ, а предназначалась для архіерейскаго дома. См. Волог. Епарх. Вѣдом. 1866 г. № 16, въ статьѣ: «О Соборной горѣ въ Вологдѣ».

Грязовцѣ, не весьма благоволящемъ къ ея жителямъ. Когда Іоаннъ былъ въ Вологдѣ, тогда будто бы Вологжане привели ему въ даръ жеребенка съ серебряными подковами. Іоаннъ остался недоволенъ подаркомъ и сказалъ: это не жеребенокъ, а теленокъ, и велѣлъ вологжанамъ съѣсть его. Вологжане, когда ѣли, то все сомнѣвались: въ самомъ дѣлѣ не теленокъ ли. Но когда доѣли до подковъ, тогда только узнали, что въ самомъ дѣлѣ то былъ жеребенокъ. Сатирическій анекдотъ объясняетъ пословицу: «*Вологжане телятники, жеребенка съ подковамъ съѣли.*»—Такъ въ Грязовцѣ подшучиваютъ надъ вологжанами, которые въ свою очередь мстятъ ему тоже пословицей: «*пьяница Грязовица,—семь кабаковъ, одна церковь.*» Въ этихъ колкихъ шуткахъ какъ бы отзываются древнія распри нашихъ городовъ, еще напоминающія время удѣловъ.

«Проѣзжая по мосту рѣку Вологду, издали видѣлъ я часовню, которая, какъ говорятъ, воздвигнута на томъ мѣстѣ, гдѣ останавливались св. мощи Филиппа Митрополита, коимъ сопутствовалъ будущій Патріархъ, тогда Митрополитъ Новгородскій Никонъ(*).

«На другомъ краю города, довольно обширнаго и разбросаннаго, какъ всѣ наши древніе города, находится древняя церковь во имя Свв. Константина и Елены. Спутникъ мой и руководитель (О. П. Форгуллатовъ) съ особенною любовію говорилъ объ этой церкви, съ которою соединены всѣ его дѣт-

(*) Видѣнная г. Шевыревымъ деревянная часовня находится на правомъ берегу р. Вологды, не подалеку отъ Каменнаго моста и отъ старыхъ обгорѣлыхъ присутственныхъ мѣстъ (бывшаго вологодскаго подворья Соловецкаго монастыря). Неизвѣстно, по какому случаю и когда построена эта часовня; но если вѣрить преданію, что на мѣстѣ ея останавливались мощи Св. Филиппа, Митрополита Московскаго, то онѣ останавливались тутъ во время препровожденія ихъ изъ Тверскаго Отрочя монастыря (гдѣ онѣ были зарыты Святитель) въ Соловецкій монастырь, въ 1594 году, а не во время возвращенія этихъ мощей въ Москву въ 1652 году въ сопровожденіи Митрополита Никона, потому что въ этотъ послѣдній разъ онѣ изъ Соловецкаго монастыря были привезены не мимо Вологды, а рѣкою Онегою, потомъ чрезъ Каргополь, Кириллобѣлозерск. монастырь, Ярославль и проч.—См. Влог. Епарх. Вѣд. 1867 г. № 13, часть неоффиц. въ статьѣ: «О пребываніи Митроп. Новгор. Никона въ Вологдѣ.»—

скія воспоминанія, какъ съ приходскою церковью его дома. Взошедъ въ нее и разсмотрѣвъ ея иконы, я понялъ, какимъ образомъ могла она воспитать въ человѣкѣ образованномъ чувство любви и благоговѣнія къ древней нашей святынѣ. Сюда не проникъ духъ подновленія. Бѣдность храма и причета оградила неприкосновенностію ея завѣтныя иконы. Серебро и золото не закрыли ихъ святолѣпныхъ ликовъ. Здѣсь все вѣетъ духомъ нетронутой древности. Иконостасъ чрезвычайно примѣчателенъ. Кромѣ того, много другихъ иконъ. Въ нижней церкви есть такія, которыя не на мѣстахъ своихъ. Иныя съ надписями Вотъ для примѣра: «*Изволеніемъ Отца и споспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа написался сей святый образъ по обѣщанію вологоцкихъ посацкихъ людей Кощіевыхъ; писалъ иконописецъ Иванъ Григорьевъ, 1710 году.*» Образъ этотъ представляетъ Распятіе Іисуса Христа. Помню икону, на которой вмѣстѣ изображены,—Препп: Игнатій, Александръ Свирскій, Димитрій Прилуцкій, Сергій Радонежскій и другіе святые. Въ сей-то сокровищницѣ древняго иконописанія поразила меня превосходная икона Св. Ѳеодора Стратилата. Величавый ликъ воина носитъ на себѣ слѣды древняго, но живаго искусства, и обнаруживаетъ кисть мастера, разумѣвшаго святое дѣло иконописанія. Это величіе соединено здѣсь съ необыкновенною легкостью и граціею.

«Въ церкви Архангела Гавріила живопись поновляется. Не далеко отъ нея, на полѣ, видѣнъ голубецъ. Съ этимъ мѣстомъ соединено преданіе о *бѣлоризцахъ*. Вологду осаждали Поляки. Ночью явились два человѣка въ бѣлыхъ ризахъ, напали на враговъ, побили ихъ множество, а другихъ принудили къ отступленію. Стражи видѣли со стѣнъ подвигъ неизвѣстныхъ воиновъ и на другой день объявили о томъ жителямъ Вологды, которые, желая узнать своихъ избавителей, искали ихъ повсюду и нашли ихъ мертвыхъ, подъ сосною, не далеко отъ

города. По бѣлымъ одеждамъ, они названы *бѣлоризцами* и погребены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ найдены убитыми (*). Преданіе объ нихъ до сихъ поръ живетъ въ устахъ народа. На этомъ же мѣстѣ устроены были *убогіе домы* для погребенія несчастно умершихъ.

«Наконецъ, вотъ тотъ храмъ, котораго основаніе современно началу Вологды и отъ котораго ведетъ она свое семисотлѣтіе. Это церковь во имя Пресвятыя Троицы и Герасима Угодника Божія, мощи котораго здѣсь и почиваютъ. Она находится недалеко отъ рѣки Вологды. Сюда пришелъ Препод. Герасимъ изъ Кіева, или съ Кіевскихъ горъ, какъ сказано въ житіи его, 19 Августа 1147 года, на память Св. Андрея Стратилата. Здѣсь нашелъ онъ небольшое селеніе и малый торжокъ на Лѣнивой площадкѣ. Здѣсь была первая земля, которую пріобрѣлъ онъ для церкви Божіей и для монастыря. Въ житіи разсказывается, что онъ имѣлъ споръ съ купцомъ Пятышевымъ о небольшомъ участкѣ земли. Домъ, стоящій напротивъ церкви, дѣйствительно принадлежалъ купцамъ Пятышевымъ, изъ которыхъ послѣдній по мужескому колѣну умеръ въ 18..6 году. Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ тому, какъ сохраняются у насъ роды. Преданіе прибавляетъ, что Препод. Герасимъ предсказалъ Пятышеву, что родъ его будетъ ни богатъ, ни бѣденъ. Предсказаніе въ самомъ дѣлѣ сбылось. Церковь убрана пышно благочестіемъ жителей, ревнующихъ къ славѣ почивающаго въ ней основателя Вологды(**). Надъ гробницей, подъ балдахиномъ, есть икона, изображающая Преп.

(*) Что было основаніемъ преданія о Бѣлоризцахъ и сужденіе объ этомъ преданіи Митрополита Евгенія см. въ Волог. Епарх. Вѣдом. 1866 г. № 16, стран. 616, въ статьѣ: «О Соборной горѣ въ Вологдѣ». Тамъ сказано, что эти Бѣлоризцы были не дѣйствительныя существа, а видѣнные во снѣ невѣдомые люди, помогавшіе (также видѣнному во снѣ) Преподобному Димитрію Прилуцкому укрѣпить стѣны Вологды при нашествіи на нее Димитрія Шемяки. Ни о сраженіи Бѣлоризцевъ, ни объ убіеніи ихъ тамъ ничего не сказано.

(**) Г. Шевыревъ называетъ Преп. Герасима «основателемъ» Вологды конечно въ томъ смыслѣ, что Вологда въ первый разъ является въ лѣтописи вмѣстѣ съ именемъ этого Угодника, въ годъ пришествія его въ Вологду.

Гераси а и Андрея Стратилата, съ надписью о самомъ событіи и съ молитвою къ Угоднику Божію. Икона писана въ 1713 году, «по обѣщанію вологодскаго посадскаго человѣка Евтухіа Ѳедорова; писали изуграфы Иванъ Никифоровъ да Михайло Васильевъ» (*).

«Сожалѣю, что время не позволило мнѣ долѣе пробыть въ городѣ, освященномъ многими древними воспоминаніями. Послѣ двухъ-дневнаго пребыванія, я оставилъ Вологду, съ чувствами особенной благодарности къ почтеннымъ ея ученымъ, гостепріимство и бесѣды которыхъ будутъ для меня всегда памятны.» —

Изъ Вологды г. Шевыревъ отправился въ Кирилло-бѣлоезерскій монастырь.

Н. Суворовъ.

(Перепеч. изъ Вологод. Епарх. Вѣдом. 1867 и 1868 годовъ.)

Погрѣшность.

На стр. 1й этой статьи, въ строкахъ 2 и 3 снизу, вмѣсто словъ: съ тремя племянниками, изъ племянниковъ должно читать: съ тремя двоюродными братьями, изъ двоюродныхъ братьевъ.

(*) Упоминаемая здѣсь г. Шевыревымъ икона существуетъ и доселѣ; но она, по причинѣ чрезвычайной своей обветшалости, была, нѣсколько лѣтъ назадъ, вынесена изъ церкви и стояла до прошлаго 1867 года въ паперти церковной, подвергаясь всѣмъ воздушнымъ перемѣнамъ и оттого еще болѣе испортилась. Въ половинѣ прошлаго года, имѣвъ надобность видѣть эту икону, мы едва могли прочитать на ней только имена двухъ Св. Угодниковъ; всѣхъ же прочихъ надписей, упоминаемыхъ Шевыревымъ, и молитвы Угоднику не нашли и слѣдовъ. Въ концѣ прошлаго года эта икона по возможности подновлена и теперь на ней остались только лики двухъ Св. Угодниковъ—Герасима и Андрея, молящихся предъ иконою Божіей Матери Донскія.—

2007231748